

Синопис

Когда командира мотострелкового взвода лейтенанта Игоря Князева назначают командиром разведвзвода, это нельзя сравнить с наградой за героический поступок, совершенный им недавно. Хотя, с какой позиции к этому вопросу подойти. Доверие командования части – это тоже награда. И в карьерном росте, достаточно высокая, так как на молодого офицера делается ставка на то, что это подразделение под его руководством не потеряет своей функциональности в боевых действиях в Афганистане. И он решается не попробовать, а доказать это.

Выполняя поставленные задачи командованием, не раз лезет со своей разведгруппой в пасть Смерти, и выводит ее оттуда целой. Правда, не всегда. На войне убивают без кавычек, как и спасают. А ставка на спасение, для него главная, и не только своего отряда, а и местного населения, которое жестоко грабится бандами душманов. А разве возможно лезть в пасть смерти с надеждой остаться живым?

Иван Цуприков

Героем быть не назначен

Глава 1. Хочу «домой»

- Все понятно, Игорь Александрович Князев. О, какая у вас звучная фамилия, товарищ лейтенант! - снимая с себя белый халат, начальник терапевтического отделения, отцепив оставшуюся на погонах белую нитку, зацепившуюся за звезду, сбросил ее в мусорную корзину.

- Товарищ майор, - резко привстал со стула молодой офицер, - извините...

- Да ничего, ничего, товарищ лейтенант, - смутился старший офицер. – Просто меня к себе сейчас вызывает главный врач госпиталя, и нужно к нему идти в форме. Так у нас принято. А не для того я с себя снял халат, чтобы вам показать свое звание. Садитесь, садитесь, - и, подойдя поближе к своему пациенту, взяв его историю болезни, толстую папку с листами, открыв ее, углубился в чтение.

Игорь, поправив на себе темно-синюю больничную одежду, стал рассматривать небольшой кабинет начальника терапевтического отделения. Пол, темного каштана, как и письменный стол со стульями, очень контрастно смотрелись на фоне ярко-белых стен с потолком. Глядя на это, Князев невольно почувствовал озноб, прошедший по всему телу, хотя в кабинете доктора температура воздуха была несколько выше комнатной.

- Ну что, - врач, поднявшись из-за стола, прошел к окну, и, посмотрев в него, обернулся к больному. – Я смотрю, вы быстро восстанавливаетесь после ранения. И месяца не прошло, как поступили в нейрохирургическое отделение, в тяжелом

состоянии, а сейчас, просто молодец. Или ошибаюсь? Удалось восстановиться? – то ли спросил, то ли сказал врач, и смотрит в глаза лейтенанту.

- Да, да, так точно, - снова поднялся со стула Князев. – Контузия прошла, рука работает, - подняв правую ладонь, Игорь стал сжимать и разжимать на ладони пальцы.

- А почему держите все время полуоткрытый рот? – положив историю болезни лейтенанта себе на стол, спросил врач.

- Не знаю, - шмыгнув носом, смутился лейтенант. – С закрытым ртом трудно дышать.

- Ну, не беспокойтесь, все это мы поправим.

- Да, да, - закивал Игорь. – У вас в нейрохирургии работают прекрасные специалисты, быстро подняли меня на ноги.

- И в нашем отделении работают такие же профессионалы. Так что, Игорь Александрович, приложим все силы, чтобы помочь вам.

- Спасибо.

- Вот и прекрасно. Главное, что бы мы: врач и пациент, друг друга понимали, и друг другу помогали. Тогда и любое заболевание быстрее излечивается, - в тихом голосе доктора чувствовалась великая сила - утверждения. И это Игорю даже нравилось, так как придавало уверенности, что рука выздоровеет, станет сильной, и он снова сможет не только носить тяжести, но и подтягиваться на перекладине, делать много раз подъемы-перевороты. А еще начнет легко дышать. – В течение дня посмотрю ваши анализы, и потом обсудим, какой вам лучше выбрать курс лечения.

А потом, дорогой мой герой, направим вас на реабилитацию в Крым, в Сакский военный санаторий. Пройдете там курс грязелечения, солнечной терапии, йодотерапии...

- Не хочу, - помотал головой Игорь.

- Чего не хотите? Домой хотите?

Пациент закивал головой.

- Так реабилитационный отпуск от вас никуда не уйдет. Он обязателен.

Услышав эти слова, Игорь покачал головой и, подняв глаза, сказал:

- Нет, нет, никакого санатория и отпуска мне ненужно, товарищ майор. Там, в Афганистане война, мои солдаты служат. Я их не оставлю. Как они без меня там? – вздохнул Игорь. - Боюсь мой замкомвзвода сержант Константин Путеев уже волком воет, ждет, когда я вернусь и сниму с него всю эту ответственность, командовать взводом.

- Так вы хотите вернуться домой или на войну, я не понял вас, товарищ лейтенант? - перебил молодого офицера майор.

- Хочу быстрее вернуться в свою воинскую часть, где служу.

- А-а, так вот какой у вас дом? – сев за стол, не сводит глаз с лейтенанта медик. – У вас, смотрю, уже и награда есть, медаль «За отвагу». Вас награждали ею прямо здесь, в госпитале, начальником политуправления округа.

Игорь поднялся:

- Товарищ майор, прошу вас, после лечения отпустите меня назад, на службу, а не в санаторий.

- Я смотрю, товарищ лейтенант, вы закончили учебу сначала в Суворовском училище, - просматривая один из листов истории болезни, майор посмотрел на Князева, - потом, в высшем войсковом командном училище, после которого сразу же попали в Афганистан. Хм, вот как бывает, - покачал головой майор. – Для вас ваш взвод, получается, это семья?

- Так точно, товарищ майор. Я сам из детдома. Остался без родителей, когда учился в первом классе. Они попали в автодорожную катастрофу и погибли. Я в тот момент был в школе.

- Понятно. Извините меня, лейтенант.

- Да ничего. У каждого своя судьба, - вздохнул Игорь, и, почесав рукой подстриженный наголо затылок, опустил глаза.

- Понимаю, понимаю. Вы, лейтенант, простите меня, но в офицерских палатах свободных мест в нашем отделении сейчас нет. Пока нет.

- Что я, барин, товарищ майор? Мне с солдатами даже проще быть.

- Ну, и ладно. Значит, не обидитесь из-за этого на меня?

Лейтенант помотал головой.

- Ну, и отлично! Сейчас вас проводит в палату наша санитарка. А я через полчаса, может, час, на обходе буду, и обязательно загляну к вам, посмотрим, какие анализы вам нужно еще пройти, какой курс лечения назначить, и так далее. И после того, как вылечим, вас обязательно вернем в свой родной взвод, в Афганистан. Обязательно! Только долечиться вам нужно, и вернем, - и майор легонько пожал раненую руку лейтенанта.

- 2 –

Три парня лет восемнадцати - девятнадцати, вошедшие в палату, обступили койку с новичком. Один из них, толкнул коленом спинку кровати. Дремавший лейтенант, открыл глаза и, щурясь, посмотрев на них, тут же встал, и, протянул ладонь для рукопожатия одному из них. Но тот замешкался, так и не подав свою руку Игорю и, глядя то на нового соседа, то на своих товарищей, с усмешкой спросил:

- Разве с этого нужно начинать, больной? Ты это, должен сначала представиться, а потом видно будет, как нам относиться к тебе, по стойке смирно, или в положении вольно. Что, только в армию призван?

Хм, и действительно, что говорить, больничная одежда у всех одинаковая, состоит из темно-синих штанов и куртки, похожей на легкий пиджак. И ни у кого на плечах нет погон, поэтому и невозможно определить, кто стоит перед тобой, гражданский человек или военный, не говоря уже о его знании. Исходя из этого, лейтенант Князев решил подыграть, строящему из себя дембеля, парню и, в испуге, кивнул головой.

- Ну-у, тогда начнем с Устава строевой службы, - в голосе юноши появилась командирская нотка.

- Да ладно, Леша, чего лезешь к человеку? – сказал стоявший за ним долговязый, высокий парень с большим кадыком на длинном горле, и, отодвинув своего товарища в сторону, пожал Игорю руку. – Меня зовут Сергей.

- Виктор, - пожал ему руку третий молодой человек, улыбаясь своими широкими губами с двумя темно-розовыми шрамами.

- Ну, а я Алексей, - сказал первый парень, пожавший ему руку последним.

- Игорь, - представляясь перед каждым, сказал Князев, крепко пожимая солдатам руки.

Они расселись перед Князевым на соседней кровати.

- Гайморит у тебя? – глядя на новичка, спросил Алексей. – Так сопнешь громко, аж уши сворачивает.

Игорь кивнул головой.

- Ну, а у тебя какое звание? - спросил Виктор.

И тут же дверь в палату отворилась, и в нее вошли несколько мужчин в белых халатах.

Больные, как по команде, вскочили с кровати и, подтянувшись, смотрели на них.

- Товарищ полковник, - начальник терапевтического отделения, указав рукой на Игоря, продолжил, - сегодня к нам из нейрохирургии переведен лейтенант Игорь Александрович Князев. Командир мотострелкового взвода, получил ранение в Афганистане...

- Опааа! – в один голос воскликнули солдаты и с удивлением посмотрели на новичка.

Полковник, поправив очки, посмотрев на больных, улыбнулся.

- Товарищ лейтенант, вы относитесь к ним построже, хорошо? А то совсем забывают об армейской дисциплине в госпитале, чего никак солдатам делать нельзя.

Игорь в ответ улыбнулся:

- Так точно, товарищ полковник!

- Как у вас рука? – главврач смотрел в глаза лейтенанта. – Заживает?

- Работает, чувствительность восстановилась. Спасибо.

- Ну, а теперь главное вам настроиться на полное выздоровление. И прошу вас, товарищ лейтенант, не торопитесь в свой Афганистан. Я начальник этого госпиталя. Наша задача, помочь вам восстановиться, а ваша, нас слушаться и выполнять все наши задания.

Так что, товарищи солдаты, создайте этому человеку как можно больше комфортных условий. И еще, сейчас приедет к вам военный корреспондент из окружной газеты. Он будет у вас брать интервью, товарищ лейтенант. Не подведите. Расскажите и о том, как к вам относятся здесь, в госпитале. А то о нас они никогда не пишут, - и, пожав руку Игорю Князеву, солдатам, врачи вышли из палаты.

- А вы воевали, товарищ лейтенант? Расскажите, расскажите, - начали просить рассевшиеся вокруг Игоря новые знакомые.

А он, глядя на них, улыбаясь, спросил:

- В Афганистане из вас ни кто не служит?

- Не-ет, - замотали головами солдаты.

- Я при штабе округа, - выпалил Сергей. - Лешка – железнодорожник, а Витька – пехота.

И снова дверь в палату неожиданно отворилась, в нее заглянул офицер в фуражке с черным околышем, и с накинутым на форму белым халатом:

- Здрасьте. А кто из вас лейтенант Князев?

Игорь, встав, пожал крепкую ладонь офицеру, представившемуся лейтенантом Олегом Буриным.

- Я был на награждении, и когда услышал вашу фамилию, сразу же вспомнил, это вы тот самый офицер, который в кишлаке дал отпор душманам, которые хотели казнить местных жителей. Так, товарищ лейтенант?

- Ну, почти так было, - вздохнул Игорь. – Это так в наградном листе говорилось.

- Вот, вот. А как было на самом деле, и хочу попросить вас подробнее мне рассказать, товарищ лейтенант. Может, лучше пойдете в кабинет начальника терапевтического отделения, выделенный нам с вами на час? Или здесь поговорим?

Игорь, пожав плечами, все же согласился остаться с военкором наедине, и вышел за ним из палаты.

- 3 –

- Понимаете, из того, что я сейчас от вас услышал, толком больше, чем заметки не напишешь, - развел руками лейтенант Бурин. – Вы возвращались с блокпоста, на котором ваш взвод нес службу в течение месяца. Шли через кишлак и напоролись на банду душманов, которые вешали людей. И открыли по душманам огонь, и спасли двенадцать человек.

- Одиннадцать человек, - тяжело дыша через нос, прошептал Князев. - Двое из тринадцати уже были повешены. Я ехал на первой БМП, и краем глаза увидел скопление вооруженных людей. Переулок был широким, между дувалами метров тридцать. А сама улица, проходившая насквозь через кишлак, была узкой, боевая машина в некоторых местах своими боками цеплялась за дувалы. Поэтому мы ехали медленно. Увидев толпу людей на площади у виселиц, дал команду механику-водителю повернуть машину к ним.

- А почему вы решили ехать именно к этой толпе людей? – не сводит глаз с командира взвода военный корреспондент.

- Я же вам говорю, там происходила казнь, и вооруженные люди, были не в военной форме, или царандоя, ХАДа. Понимаете? Тем более, когда подъезжали к кишлаку, мы слышали хлопки.

- Вы слышали стрельбу? – переспросил лейтенант.

- Ну, да.

- И не испугались?

- Я не понял вас? – Игорь, прищурившись, посмотрел на военного корреспондента.

- Ну, впереди идет стрельба. Вы без усиления.

- А-а, понял, - закивал головой Игорь Князев. – Во-первых, определить точно, откуда идет стрельба, там, в низине, которая находится между гор, очень сложно. Тем более

в ней расположен не один кишлак, и что не менее важно, все дехкане, живущие в них, поддерживают новую демократическую власть Афганистана. Так чего бояться?

В самом кишлаке, через который нам нужно было пройти, расположен царандоевский пост, ну, милицейский. Понятно? Он состоит из двадцати – тридцати человек. Летом он усиливается за счет студентов из Кабульского университета, в их числе, кстати, есть не только парни, но и девушки - ханум.

- О-о, а я, когда писал об этом бое, мне о девушках и студентах никто ничего и не говорил, - удивился корреспондент.

И взглянув на удивленное лицо корреспондента, Игорь Князев только сейчас про себя отметил, какой большой у Бурина нос, заканчивающийся над ноздрями двумя выпуклыми хрящами, добела обтянутыми кожей. «Как у орла переносица», - почему-то сравнил его с клювом хищной птицы. И черные брови у лейтенанта идут вразлет, и глаза черные, по своей форме тоже, чем-то похожи на орлиные, как и сам его взгляд, цепкий, осмысленный, оценивающий.

- Так, что же получается, товарищ лейтенант. Вы своим взводом из сорока человек уничтожили группировку бандитов из ста человек?

- Хм, - еле сдержал улыбку лейтенант Князев. – Вы же военный корреспондент. Так? А значит закончили военное училище. Что же, вы не знаете из скольких человек должен состоять личный состав взвода?

- Двадцати четырех – двадцати восемью, - стусевался Бурин. – Извините, Может, мы с вами говорим о разных боях и ваша фамилия просто совпадает с фамилией того офицера, того командира взвода, который двадцать седьмого мая этого года на выходе из Дехсабзского ущелья в Кабул, напал на банду душман в кишлаке.

- Двадцать седьмого мая? Хм, - удивился Игорь. – Мы тоже этого числа именно и выходили из своего блокпоста.

- И с вами был старший лейтенант Слуцкий?

- А кто это? – поднял глаза на военкора Князев.

- Ну, он из... А ладно. Вы скажите, так был он с вами?

- Нет, - помотал головой Игорь. – И вообще такой фамилии не слышал.

- Видите ли, - начал очень быстро говорить корреспондент, - в тот день я находился в командировке в Кабуле, при штабе армии и собирал для нашей окружной газеты информацию. И когда в этом кишлаке завязался бой, между вами и душманами, туда вам на помощь был послан батальон соседней части с царандоевцами, которые и помогли вам уничтожить тех душман. Их было около сотни.

- Нет, нет, видно это событие произошло в каком-то другом кишлаке, - помотал головой Князев, - и возникла путаница. Во-первых, в моем взводе всего семнадцать человек. Один солдат погиб в мартовской операции на Пагмане, один - в апрельской операции на Кунаре, и четверо ранены, находятся в госпиталях.

Во-вторых. Все получилось как-то неожиданно, что для нас, что для душманов. Они нас не ждали, увлечены были сбором людей на площади, живших в кишлаке и казнью захваченных царандоевцев. К тому времени, когда мы проходили их кишлак, они повесили командира командно-пропускного пункта и девушку, - опустил глаза Игорь, и долгое время смотрел в какую-то точку на полу...

Глава 2. Осиная атака

Разрушение направляющего колеса на правой ходовой части боевой машины пехоты произошла у самого блокпоста. Повезло!

Механик-водитель Александр Лабешов, смотря исподлобья на своего командира, не знал, что и сказать. А Игорь, похлопав его по плечу, спросил:

- За два часа справимся?

- В смысле отремонтировать это колесо? – не понял ефрейтор.

- А что? – теперь с удивлением посмотрел на солдата лейтенант. – Не знаешь, как это сделать? Саша, на место направляющего колеса поставим шестой опорный каток. Для этого, что нужно сделать? Наехать на яму, взять домкрат, поднять машину...

- Разъединить гусеницу и снять из нее девять траков, - продолжил Лабешов.

- Правильно, товарищ ефрейтор, - не сводя своего взгляда с механика-водителя, сказал Князев. – А дальше?

- Так, товарищ лейтенант, мы все сделаем и без вас, не профаны, так что не беспокойтесь, - сказал подошедший к ним сержант Путеев.

Взглянув на этого сутулого, худощавого сержанта, Игорь покачал головой:

- Костя, ты всегда мне под руку попадаешься. Знаешь, как нам выйти из этого положения?

- Так точно, товарищ лейтенант. Мы снимем гидроамортизатор с шестого опорного катка, и так далее.

Игорь посмотрел на часы, потом на Путеева:

- Значит, сержант, до утра останемся здесь. Не возвращаться же нам ночью в часть?

Сержант, улыбнувшись, кивнул головой:

- В принципе, за час с этой работой должны справиться. Но, как пойдет дело, наперед трудно сказать, товарищ лейтенант.

- Верно. Постарайтесь отремонтировать ходовую сегодня, ночью выспимся, а на рассвете домой. Пойду к сменщикам нашим проситься на постой, - и направился к ожидающему его у ворот в «крепость» командиру взвода, старшему лейтенанту Ивакову. – Леня, принимай нас. Место найдется для моего бесхозного взвода?

- Это как подумать, - улыбнулся великан, сгребая тонкое тело Князева в свои огромные объятия, немножко придавил его, до хруста костей в плечах.

- Ну, ты и мастодонт! – побряхтывая от боли, сказал Князев.

- Ну, нашел с кем сравнивать, - громко рассмеялся тот, - у нас в роду все были кузнецами, плотниками, рыбаками. Вот их силы волнами и входят в поколения Иваковых. То есть и в меня, значит.

«Крепость», в которой располагался блокпост, напоминала из себя обычный афганский дом с большим двором, окруженным огромным глиняным забором (дувалом). По краю его располагалась такая же глиняная мазанка, служащая для солдат казармой. Но летом все старались ночевать под открытым небом, днем, закрывая его над собой маскировочной сеткой.

После отбоя от Ивакова Игорь узнал много новостей, прошедших за время его отсутствия в их воинской части. Некоторая часть из них была горестной. Несколько знакомых офицеров погибло в прошедшей войсковой операции. Одним из них был его сокурсник Саша Полежаев. Танк, командиром которого он был, переезжая через ручей, наехал на мину, детонация которой при взрыве передалась бомбе, лежавшей под ней, и танк разнесло на несколько частей.

- А ведь у него была возможность в Афган не торопиться, - вспомнил Игорь. – У Сани сын родился, и ему командование дивизии в Союзе предложило отложить эту командировку на год. Но он уже горел в своей душе Афганом.

- На Кундузе его танк, при выходе из ущелья три раза подорвался на минах, ффффф, - обжегся горячим чаем Леня Иваков. – Саперы, получившие контузии, менялись, а он нет, так и остался на танке. Не верил...

Солдаты Игоря, закончив ремонт БМП, крепко спали. А вот для Игоря эта ночь была бессонной, поэтому и длинной. Не раз он поднимался на наблюдательный пункт, просматривал через ночной бинокль всю близлежащую местность. Проверял, не спят ли часовые. Но и после этого, возвращаясь к кровати, стоявшей под тутовым деревом, смотрел на звезды неба и никак не мог уснуть.

С Сашкой Полежаевым они в училище дружили. Вместе с ним ходили в увольнение. Пересматривали все воскресные фильмы в местном кинотеатре. В одном из увольнений, познакомились с красивыми девчонками из медицинского училища, и влюбились, как назло, только в одну из них, Юлю. Игорь, влюбившийся в нее без памяти, не признавался об этом Александру. Вторая, Надя, тоже влюбилась в Сашку – весельчака, знавшего тысячи самых смешных анекдотов и беспрестанно рассказывающих их, не повторяясь.

И сколько не пытался после этого Игорь больше с ним не ходить в увольнительные, все равно они в городе с ним где-то да встречались. Черноокая шатенка Юля, в которую влюбилась, наверное, не только Сашкина курсантская группа, а вся учебная рота. Но она, ни кого кроме своего Сашеньки не видела. И когда он, Игорь, гуляя по городу, снова попадал под полежаевское крылышко, то тот больше его не отпускал от себя до окончания увольнительной. А Игорь, в принципе, и не сопротивлялся, надеясь, что Юля заметит и его.

Юля родила мальчишку по имени Ваня, перед самым окончанием Полежаевым и им, Игорем, военного училища.

После выпуска Полежаев был направлен под Волгоград, а Игорь в Туркестанский военный округ в мотострелковую часть, которая через месяц была направлена в Афганистан. Так и разошлись их судьбы, можно забыться и заняться своей жизнью, карьерой. Но через три месяца их пути снова сошлись, Саша попал в танковый батальон их воинской части.

- Я знал, что ты тоже был влюблен в мою Юльку, - как-то за чаем сказал Полежаев. – Но так получилось, что Юля, была моей. И мне почему-то казалось, что она боялась даже разговаривать с тобой.

- Почему? – поинтересовался Игорь.

- Так ведь она тоже из детского дома...

«И вот теперь больше нет тебя, Саня», - вытерев с виска слезу Князев. Приподнявшись на локте и, взбив подушку, продолжал смотреть в небо, усыпанное звездами.

...Наконец-то появился Полежаев. Он смотрел на Князева.

- Ты чего? – спросил у него Игорь.

- Так получилось.

- Что получилось? – не понял Игорь.

- Слушай, дружище, Юльку, прошу, не оставь одну. Да и Ваньке без отца, сам знаешь, что это такое, трудно будет. Как не хочется, чтобы сын стал сиротой.

- Ты о чем это, Саша? – не понял Игорь Князев.

Но Полежаев куда-то исчез, словно растворился в воздухе.

- Саша! – оглядываясь по сторонам, закричал Игорь.

- Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, уже половина пятого утра, - тормозил Князева сержант Путеев.

- Что? – не понял Игорь, смотря в глаза сержанта.

- Да вы какого-то Сашку во сне звали. Это того лейтенанта Полежаева, с которым учились в военном училище? Погиб?

- Угу, - вздохнул Князев, обтирая подушкой свое потное лицо. – Погиб он, Костя, погиб.

- Да, да, товарищ лейтенант, примите мои соболезнования, что ли, - с дрожью в голосе прошептал Каплин.

- Да, его уже не вернуть, к огромному моему сожалению, - сказал Игорь и встал с кровати. – Ну, что, собираемся. Завтракать будем?

- А может уже в части поедим, товарищ лейтенант? - смотрит в глаза Князева сержант.

- Ладно. Потихонечку поднимай взвод. Подготовь к связи рацию, нужно передать оперативному дежурному нашей части, что через полчаса начинаем выдвигаться.

- Обязательно.

- Давай, я сейчас. Умоюсь и приду, - потянулся лейтенант.

И когда сержант удалился, снова сел на кровать, и, обхватив руками голову, задумался: «Неужели все это было во сне? Неужели твоя душа, Саня, пришла ко мне и попросила не бросать твою Юлю с сыном?»

- 2 –

Машина пошла нормально. Похлопав по плечу Путеева, высказав ему, таким образом, благодарность за ремонт БМП, махнул рукой вперед, выкрикнув; «Поехали домой». И его взвод, расположившийся на трех боевых машинах пехоты, набрав скорость, стал углубляться в дехсабзскую степь к еле видным очертаниям скал.

Машина шла спокойно, мерно покачиваясь, тем самым успокаивая Игоря и возвращая его к покою. Прохладный утренний ветер, обдувающий лицо, не

нервировал, а наоборот хотелось расстегнуть перед ним свой комбинезон, подставляя ему грудь.

Но через некоторое время снова к нему вернулся Сашка Полежаев, словно специально, чтобы снова напомнить Игорю о своей просьбе не оставить одну без помощи его Юлию и сына Ивана.

Толкнувший его локтем Путеев, прислонившись к уху лейтенанта, сказал:

- Приближаемся к кишлаку.

- А-а? – спохватился Игорь, и, увидев серо-оранжевое освещение солнечными лучами очертаний населенного пункта, поудобнее уселся на броне, и, прижав к колену автомат, почувствовал на душе какую-то тяжесть. Это предчувствие, скорее всего, было связано с «просьбой» Саши. Да, найти адрес Юли для Игоря будет нетрудным, в строевой службе помогут, осталось только набраться храбрости и написать ей письмо в Союз, в гарнизон той воинской части, где служил ее муж. А вот получит ли он на это письмо ответ от Юли?

- Слышали хлопки, товарищ лейтенант? Будто стреляли, - спросил Каплин.

Игорь в ответ пожал плечами, как и другие солдаты, сидевшие рядом с ним на броне.

Кишлак был безмолвным. На контрольно-пропускном пункте не было ни кого, как и на улицах этого населенного пункта, что несколько удивило не только Игоря, но и солдат.

И вот на пересечении улиц, БМП замедлила свой ход, и Игорь увидел справа от себя скопление народа и виселицы...

- Стой! – крикнул он механику-водителю. – А ну-ка поверни туда. Ну, к бою! – скомандовал Князев, и спрыгнув с солдатами с брони, цепью пошли к людской толпе.

И в этот же момент пулеметный залп, раздавшийся из его БМП, подхватила другая машина. Автоматные и винтовочные выстрелы в ответ, раздававшиеся из рассыпавшейся на глазах толпы людей, заставили бойцов Игоря залечь, но ненадолго.

Третий БМП, ставший слева от двух других, дал длинную пулеметную очередь, перемешанную с пушечными выстрелами, по разбегающимся в стороны людям.

- За мной! – вскрикнув, Игорь поднялся и побежал к людям, сидевшим под тутовым деревом, на сучьях которого были повешены два человека.

Люди, видя приближение советских солдат, стали подниматься. Судя по надетой на них форме, это были царандоевцы, со связанными за спиной руками.

Пулеметы и пушки боевых машин пехоты вели беспрестанный огонь по дальней части кишлака. Туда, откуда велся ответный огонь.

Мысль, не вступать в бой, а забрать с собою царандоевцев и быстро уйти с ними из кишлака, решил поддержать.

- Отступаем за броню, быстро, и отходим назад! – скомандовал он своим бойцам. И показал рукой афганцам, что они должны последовать за ними. И, буквально через пять-десять минут, они, погрузившись на броню, направились к выходу из кишлака.

Глава 3. Не судьба

Бурин, внимательно слушавший рассказ Князева, так и не сделал за все это время ни одной записи в свой раскрытый и лежащий перед ним блокнот.

- И все? – спросил он у лейтенанта.

- Да, все.

- И по вам не стреляли, когда вы уходили из кишлака?

- Стреляли. Мы вышли из этого боя без потерь.

- Это вы называете «боем»? – с вызовом спросил корреспондент.

- Ну, если вам нравится другое обозначение этой ситуации, типа «игрой», то я вам, товарищ лейтенант, челюсть сломаю вот так! – Игорь сдавил затрясшиеся кулаки.

- Да кто вам разрешил так со мною разговаривать! – вскочил из-за стола Бурин. – Да я вас...

Игорь ударил кулаком по столу и, посмотрев в покрасневшие глаза корреспондента, спросил:

- А вы знаете, что такое потеря своих солдат? Своих(?), которые в твоём подчинении, а? – голос Игоря задрожал и он сжал до боли кулак, которым сильно бил по своей правой коленке. – А вы знаете, что такое смерть?

- Так вы должны были с душманами ввязаться в бой! – заистерил высоким фальцетом лейтенант.

- Молчать! – снова ударил по столу Князев. – Так и напишите, что я трус! Я не стал останавливать технику и долбить из пулеметов и пушек по дувалам?

- Душманам! – поправил его выкриком Бурин.

- А где они? – встал Князев и развел руки. – Где? Они прячутся за дувалами, а я перед ними открытый. Вот они в два счета мой взвод со спасенными людьми и расстреляли бы всего за несколько минут, товарищ корреспондент! Если удастся, то в следующий раз пойдете с моим взводом на боевые действия, посмотрю тогда на вас, героя!

- Ладно, ладно, - прошептал Бурин, посмотрев на вбежавшего в комнату майора. - У нас все нормально, волидола пока не нужно. Это я так, сорвался. Война...

Игорь сел на стул.

- Вы, наверное, правы, товарищ лейтенант, что не ввязались в этот бой и спасли людей, - и Бурин, тыкая пером шариковой ручки в лист блокнота, на некоторое время замолчал.

- Все, я могу идти? – поднялся Князев.

- Извините, я хотел спросить о старшем лейтенанте Слуцком.

- Он, случайно не сын генерала... - Князев посмотрел на корреспондента

- Да нет, нет, - остановил Князева военкор, - просто однофамилец. Так как все дальше произошло, товарищ лейтенант? – снизив голос, спросил корреспондент.

Успокоившись, Игорь продолжил свой рассказ:

- Когда мы вышли из кишлака, то сразу же по радиации передали всю эту информацию своему командованию и по его приказу направились в свою воинскую часть вместе с царандоевцами.

Как хотелось мне их обо всем расспросить, но они не знали русского языка, а у меня не было бойцов, знавших таджикский язык. Одна девушка, пыталась что-то рассказать,

она училась в университете и знала несколько десятков русских слов. Но она больше плакала...

Когда мы приехали в свою воинскую часть, нас встретили вместе с нашим командованием какие-то афганские офицеры.

Кстати, из спасенных царандоевцев, был один офицер, который тоже знал русский язык. Но он был контужен, и не мог разговаривать. Его звали, нет, не помню как, товарищ корреспондент.

А интересующий вас старший лейтенант, когда те батальоны вошли в кишлак, как проявил себя? – спросил Князев.

- Как герой. Он награжден орденом «Красной звезды».

- Тогда поздравьте его с этой наградой и от меня тоже. А если считаете, что я зря награжден медалью за такой поступок, то не теряйте времени и напишите рапорт в политуправление округа, министру обороны, куда хотите! – и, встав из-за стола, лейтенант Князев вышел из кабинета и направился к себе в палату.

- 2 –

После встречи с корреспондентом лейтенант замкнулся. Фоторепортаж о награждении Игоря Князева в окружной военной газете, так и не вышел. Почему? Об этом ему открыл тайну лечившийся в этом отделении майор, связист, Николай Аркадьевич: войны в Афганистане нет, поэтому, если и напишут, то только как выдуманную историю о проявленной храбрости лейтенантом на учениях. Не больше.

Это успокаивало. За «рюмкой» чаю в офицерской палате Игорь рассказал о погибшем товарище, с которым четыре года неразрывно дружил в военном училище, о девушке Юле, в которую оба влюбились в беспамятстве. Но она выбрала богатыря и балагура Сашку. Родила ему Ивана. И когда ему командование воинской части, в которой он служил, предложило отложить командировку в Афганистан на год, Полежаев отказался. И вот, погиб. И теперь он часто приходит к Игорю во сне, просит, чтобы не оставил одну Юлю и помог ей воспитать сына.

Майор, подняв граненный стакан, сказал: «Нужно помянуть парня, как и всех других, кто погиб за речкой». И не чокаясь, выпили. А потом, подробнее расспросив, в каком месте служил Полежаев перед Афганистаном, пообещал по своим каналам найти Юлю Полежаеву и дать возможность Игорю с ней поговорить.

И то, что он оказался верен своему слову, доказал это, буквально на следующий день. После обеда привел Игоря в службу связи госпиталя, кому-то звонил, и через полчаса нашел Юлю.

Разговор Игоря Князева с ней был недолгим, она еще не могла прийти в себя и поверить, что ее любимого Александра больше нет. Через три дня, он снова поговорил с ней по телефону, и снова все повторилось, разговаривал больше он, она – слушала, всхлипывая. Узнал только о том, что руководство воинской части, в которой до этого служил Александр Полежаев, пообещало выделить молодой вдове однокомнатную квартиру, устроить работать в гарнизонном медицинском учреждении. И – с почестями похоронило ее мужа.

В третьем телефонном разговоре Юля пообещала Игорю встретиться с ним на железнодорожном вокзале небольшой пригородной станции в последнее воскресенье июля.

Это, в конечном итоге и заставило Князева согласиться с решением медкомиссии направить его на реабилитацию в Крым, в Сакский военный санаторий. А в последнее воскресенье июля, симпатичная кассирша помогла ему купить билеты в Ташкент с пересадками на той станции, которые давали молодому лейтенанту возможность около семи часов побыть на ней.

- 3 -

Дежурный по патрулю старший лейтенант Вязев, проверивший документы Игоря, предложил ему зайти в чайную. Но Игорь Князев тут же отказался:

- Извините, я жду девушку.

- Это по-нашему, - улыбаясь, похлопал по локтю лейтенанта дежурный. – И когда ваша встреча состоится?

- Не знаю, - вздохнул Игорь. – Должна была произойти час назад, но она почему-то не приехала.

- Так воинская часть находится отсюда километрах в двадцати пяти. Рейсовый автобус может и задержаться, так что не беспокойся, - и предложил Игорю выпить квасу.

Расселись они за столиком, под раскинувшейся кроной акации. Старший лейтенант попросил сопровождающих его двух солдат сесть за следующим столом и внимательно следить за тем, чтобы никто из военнослужащих на железнодорожной станции не нарушал воинской дисциплины.

- Я тоже награжден медалью «За отвагу», - сказал старший лейтенант, освободив свою рыжую «шевелюру» от фуражки, которую положил на соседний стул и синим платочком, хранившимся в ней, протер потный лоб. – Наша дивизия стоит под Кундузом, я был командиром мотострелкового взвода.

Игорь протянул руку новому знакомому, и крепко пожал его крепкую ладонь.

- Мне еще почти полтора года там служить, - сказал он. – А девушка, это жена моего товарища, он недавно погиб в Афганистане.

- А, что-то слышал по этому поводу. Полежаев, вроде.

- Да, да, - посмотрел в глаза новому знакомому Игорь. – Вы что-то знаете о ней?

Тот в ответ покачал головой.

- Только о нем. У нас часть небольшая, все на слуху. Хоронили его на городском кладбище, у нас своего нет. Это где-то в десяти километрах от нас. Выезжал туда караульный наряд и взвод, которым он командовал. Его жена живет пока в общежитии, все, что знаю.

- Вы женаты? – Игорь посмотрел старшему лейтенанту в глаза.

- Да, да. У меня тоже есть сын. В детский сад пошел, жена учительница. Обещают меня в скором времени назначить командиром роты. Когда это будет, не знаю. Еще

квасу холодненького сейчас закажу. Сиди, сиди, и жди, - и, поправив кобуру с пистолетом на поясе, патрульный офицер направился к бочке с квасом.

Положив локти на стол, Игорь уперся подбородком в сжатые ладони и не сводил глаз с остановки, у которой должен был остановиться рейсовый автобус с Юлей. Третий уже по счету.

- А как в санатории то отдохнул? Накупался, наверное, в море? – отвлек его от тяжелых размышлений новый знакомый.

Игорь помотал головой.

- Что, погоды не было.

- В Афгане жарче. Просто как-то все незаметно прошло, даже толком ничего и не отложилось в памяти, кроме приема грязей, как зубной врач выдирает нервы...

- Ты ее любишь?

Игорь, пожав плечами, тяжело вздохнув, прошептал:

- Я да, а она, Сашку.

- Курсантская история, - закивал головой старший лейтенант. – И надеешься, что она...

- Давай не будем об этом, - похлопал рукой по ладони старшего лейтенанта Князев. – Я сам и не знаю, как быть в этой ситуации. Но я Сашке обещал.

- Может, поменяешь билет на завтра. У меня скоро дежурство заканчивается, поедем ко мне.

- В воинскую часть? – ожил Игорь.

- Нет, я в городе живу.

- А. А может, съездим в воинскую часть и найдем Юлю?

- Я не против, оставайся, иди в кассу и меняй билет.

Игорь сел и задумался, а потом посмотрел на старшего лейтенанта и помотал головой:

- Это пахнет трибуналом. Нет. У меня еще есть почти три часа до поезда.

- Если что, оставь свой адрес, я найду ее и передам, все что ты ей скажешь, - и, достав из нагрудного кармана рубашки блокнот с ручкой, подал их Игорю.

А Юля так и не появилась на железнодорожной станции. Видно, к этой встрече с Игорем, она еще не была морально готова.

И, прощаясь с патрульным офицером, он тихо ему сказал:

- Поеду я. Вы уж не забудьте ее найти, если она живет в вашем гарнизоне. И скорее всего, она еще не готова будет поддерживать со мной какой-то контакт. Все-таки я для нее не больше, чем друг ее мужа. И все. А я напишу вам письмо, где-то через месяц – два, может позже, чтобы вы дали мне информацию о ней. Добро?

- Ты, только не молчи сам, Игорь, хорошо? Будем друзьями, - и, помогая Князеву залезть в тамбур вагона поезда, подавая чемодан, еще раз крепко пожал ему руку.

Глава 4. Новость

Ту-154 остановился, его стали окружать встречающие военные. Игорь припал лицом к иллюминатору, всматриваясь в лица людей, но, ни кого среди них из знакомых не

увидел. В принципе, так и должно было быть, ведь он заранее ни кому из своих ребят не дал весточки о точной дате своего приезда.

Но все равно, когда спустился с трапа самолета, шел не торопясь, всматриваясь в окружающих его людей. Кто-то из офицеров громко кричал фамилии прилетевших, кто-то радостно обнимал своих товарищей...

Газ-66, плотно набитый людьми, быстро утряс их в своем кузове, двигаясь по разбитой шоссейной дороге. Игорь, сидевший посерединке дощатой скамейки, притиснутый людьми, почувствовав свободу, сдвинул ногой немножко вправо от себя свой чемодан, выставил ногу вперед, расслабился. Слушал, о чем говорят сидящие вокруг него люди. Но в основном это были отпускники, хвалившиеся о прекрасном отдыхе, своих семьях и детях...

Машина остановилась у воинской части, но высадился у ее ворот только один он, другие - служили в соседней. Спрыгнув с машины, пожелал всем спокойной службы, под гогот офицеров и солдат, несколькими пожал протянутые руки и направился к контрольно-пропускному пункту, у ворот которого скучал солдат, с закинутым на плечо автоматом.

- Как служба, боец? - подав ему свои документы, спросил лейтенант.

- Скука, - приняв стойку смиренно, ответил тот. – Все на боевых.

- Ясно, - вздохнул Князев, - значит теперь этим будем заниматься вместе, - и, пожав руку солдату, направился к штабу полка. Пройдя спортгородок, обратил внимание, что он пустует. Второе, в парке их батальона осталось только несколько бронетранспортеров и боевых машин пехоты. Значит, и их весь личный состав находится на выезде, то есть на боевой операции, пришел к выводу Игорь Князев и ускорил шаг.

Шум едущей сзади техники, привлек его к себе. Обернулся, это был бронетранспортер. Поравнявшись с ним, машина остановилась, и, увидев сидевшего на броне начальника штаба батальона, Игорь отдавая ему честь, доложил:

- Товарищ капитан, лейтенант Князев вернулся из отпуска по ранению и готов служить дальше.

- Хо, молодец, - воскликнул капитан Федоров, и, протянув руку лейтенанту, помог ему взобраться на БТР. – Давай, боец, вези нас к штабу полка, - скомандовал он механику-водителю, и, приблизив лицо к Князеву, спросил. – Выздоровел?

- Так точно! – доложил он. – Извините, что задержался с лечением.

- Всякое бывает, - махнул тот рукой. – Я полтора месяца провалялся в прошлом году в Ленинграде. Потом сорок дней в санатории. Так что понимаю. Короче, лейтенант, ситуация не очень хорошая сложилась у нас в разведвзводе части. Оба командира, как и замкомвзвода в госпитале, ранены. Потянешь разведку?

Игорь открыл рот, уж больно неожиданным для него было такое предложение.

- Что молчишь? Временно, потом вернем тебя в свой взвод. Ты же с третьей роты? Ну, помню. Это ж ты тогда в кишлаке душманам надавал по роже и спас людей, которых они хотели казнить?

- Ну...

- Что «ну»? Все правильно сделал, и людей спас, и своих не потерял. Настоящий разведчик. Ну, что, лейтенант, потянешь этот взвод?

- Как прикажете.

- Как прика-аже-е-те? Ну, ты уже ж и не ребенок вроде, а(?), а офицер. Так? – усмехнулся капитан, смотря Князеву в глаза. – А приказывать тебе возглавить этот безотцовский взвод буду не я, а командир полка с начальником разведки.

Бронетранспортер остановился у одного из жилых модулей, одноэтажных длинных зданий, стоявших друг за другом в ровный ряд и покрашенных в зеленый цвет. Капитан первым соскочил с машины и, махнув рукой Князеву, быстро поднявшись по трем ступенькам крыльца, вошел в модуль.

Игорь, взяв с собой чемодан, стараясь не отставать от начальника штаба, вбежал в здание и, отдав честь помощнику оперативного дежурного, быстро пошел за капитаном, догоняя его. Тот, остановившись в приемной командира полка, махнул Князеву, чтобы подождал его, и скрылся за дверью, находившейся справа - начальника штаба части.

Каждая секунда ожидания, все медленнее и медленнее тянулась на циферблате часов. Наконец дверь кабинета отворилась, и появившаяся из нее голова Федорова, сказала:

- Заходи! Давай-давай!

- Два майора, стоявшие у письменного стола, внимательно смотрели на вошедшего в кабинет Князева. Оба ему они были не знакомыми и, растерявшись, кому доложить о своем прибытии, сделав несколько строевых шагов к окну, чтобы они оба находились к нему по одной диагонали, развернувшись к старшим офицерам, доложил.

- Находчивый, - первым протянул руку лейтенанту майор, стоявший к нему ближе. – Я начальник штаба полка майор Захаров. Это, - указал он рукой на стоявшего от себя слева офицера, - начальник разведки майор Куракин. Рад с вами познакомиться, товарищ лейтенант. Выздоровели?

- Так точно? – доложил Князев.

- Присаживайтесь, есть разговор.

- Товарищ лейтенант, сколько вас не было в части? – поинтересовался майор Куракин, прищурившись, не спуская своего взгляда с Игоря.

- Около трех с половиной месяцев, товарищ майор. – Сначала лежал в госпитале, после ранения в руку и контузии, потом в Ташкентском госпитале проходил заключительный курс восстановления, и еще на тридцать дней был направлен врачебной комиссией в военный санаторий.

- Разрешите, - в дверь кабинета заглянул прапорщик, - вот документы на лейтенанта Князева.

- Давайте, давайте, - привстал капитан Федоров, и, взяв их, передал майору Захарову.

Тот, раскрыв папку, начал читать, а начальник разведки, спросил у Игоря:

- В принципе, задачи у разведвзвода, отчасти, стоят такие же, что и у мотострелкового взвода. Я понимаю, что после военного училища вы еще не

набрались нужного опыта, так? - и посмотрел не на Игоря, а на капитана Федорова. Сидевшего у двери.

- Взвод под командованием лейтенанта Князева участвовал в трех войсковых операциях, - сразу же начал докладывать командиру разведки начальник штаба батальона. – Три раза нес месячную службу на девятнадцатом блокпосте, который находится в долине Дехсабза. Лейтенант отличился четыре месяца назад, возвращаясь с дежурства с блокпоста в часть. В тот момент, когда они проходили кишлак, напавшая на него банда душман начала казнить местных активистов и захваченных в плен милиционеров из взвода царандоя, базировавшегося там. Он, увидев это, развернул свои БМП к месту казни, залпом огня разогнал душманов, и спас людей, погрузив их себе на броню, вывез из кишлака.

- Похвально и смело, - улыбнулся Князеву командир разведки. – Лучшего подтверждения тому, что вы принесете пользу, возглавив разведвзвод нашей части, я думаю и не нужно. Возвращайтесь, пока, в свой родной взвод и находитесь там в казарме. На данный момент наша часть участвует в войсковой операции. Я доложу о вашей кандидатуре командиру части и будем ждать его решения.

- А как мой взвод без командира? – лейтенант посмотрел в глаза начальнику штаба.

- Весь ваш батальон на выезде, товарищ лейтенант, - ответил майор. – И не забываете, что вы в армии находитесь, а не на гражданке.

- Виноват! – вытянулся по стойке смирно Князев.

- Это другой разговор.

- 2 –

Когда Князев открыл дверь казармы, в которой располагался его взвод, на весь модуль раздалась громкая команда дневального:

- Рота, смирно! Товарищ лейтенант, младший сержант Скурков.

- Привет, Сема, - приобняв дежурного по роте Князев, спросил, - на реабилитации находишься?

- Так точно.

- Это правильно. Когда тебя выписали из госпиталя? – не спускал глаз с младшего сержанта Князев.

- Полторы недели назад, товарищ лейтенант.

- И как оно, здоровье? Восстановился?

- Вроде да. Пуля прошла через мышцы бедра. Врачи говорят, что мне повезло, прошла в нескольких миллиметрах от артерии. А если бы задела ее, то... А как вы себя чувствуете, товарищ лейтенант? - Семен Скурков взял у офицера чемодан и, хромя на левую ногу, понес его к комнате, в которой располагался командирский состав роты.

- Кто из старших остался в роте, Сема? И вообще, как здесь дела, рассказывай, - пропуская вперед дежурного, спросил лейтенант.

- Я за старшего остался с Рыжиковым.

- А как у него дела?

- Тоже выписался недавно, товарищ лейтенант, хромает. Путеев хотел его в комендантскую роту списать, но Женька просит этого не делать, говорит, что за три недели восстановится и будет быстрее всех бегать.

- Да, да. Геройства у него всегда хватало на четверых, - усмехнулся Князев.

- А как наш командир роты, взводные? Все по-старому?

- Все живы и здоровы, товарищ лейтенант. Пока мы с вами лечились у них была сильная заморочка, то есть, извините, были на боевых на Панджшерской операции.

- И как? – спросил Князев, пропуская младшего сержанта в дверь офицерского кубрика.

- Я сейчас, товарищ лейтенант, и вглядываясь вдаль коридора, через плечо Князева, громко крикнул. - Рыжик, на тумбочку! – и занес чемодан в помещение.

- Говорят, страшная война там была. У разведчиков командира убили и трех солдат. Зажали душманы их в ущелье и расстреляли. Словно из-под земли, говорят, выросли.

- Прямо перед ними? – спросил Князев.

- Да нет. Когда те вошли в ущелье и начали подниматься на скалу, перед ними неожиданно возникли пять или шесть человек. В ряд стояли, шеренгой. Вскинули винтовки дали залп по разведчикам.

- Куда же это их командир смотрел, а? Он, что, слепой был? – с раздражением в голосе спросил Князев.

- Да я не знаю. Разведчики говорили, что перед этим переходом они там, над этим ущельем около часа просидели, все осматривали и никого не видели. Тем более, одна группа разведчиков уже перебралась через это ущелье на ту сторону скалы и заняла оборону. А эти, как говорится, пошли по их следам, и вот такое получилось. И что интересно, это были не душманы, а славяне. Может американцы, ну, может англичане. Не знаю.

- Профессионалы, говоришь? - вздохнул Князев, и, усевшись на стул, посмотрев на дежурного по роте, вытащил из кармана и дал ему тридцать чеков (рублей). – Давай, Сема, сначала чаю попьем, а то еще со вчерашнего дня во рту у меня ничего не было. Возьми деньги, сбегай в «чепок», возьми там сгущенки, чаю, печенья, что душе угодно. Только не жалея их, чеков. Давай, давай, - глотнул слюну лейтенант.

- Секунду, товарищ лейтенант, и все будет... - и в мгновение ока исчез из офицерского кубрика.

Лейтенант снял с себя парадную форму, и начал переодеваться в полевую.

В дверь кто-то тихо постучал.

- Войдите, - сказал он.

Это был дневальный Рыжиков.

- Товарищ лейтенант, разрешите. Вот вам письмо пришло из Союза, - и передал конверт офицеру. - Вчера принесли.

- Спасибо тебе, - Князев пожал руку солдату.

- С выздоровлением вас.

- Что? – не понял Князев, рассматривая незнакомый, ровный почерк адресата.

- С выздоровлением вас! – громко повторил свою фразу солдат.

- А, да, да, спасибо. Можешь идти, потом наговоримся, - и аккуратно вскрыв конверт, еще раз посмотрел на фамилию автора письма, и только сейчас дошло до него, что оно написано Юлией Полежаевой.

Вытащив из конверта сложенный в несколько раз лист ученической бумаги в клеточку, отметил про себя, что письмо было очень коротким.

«Спасибо, Игорь, что остаетесь настоящим другом Саше. Мне очень трудно привыкнуть к тому, что его больше нет. Я еще не готова, пока, с Вами встретиться. Да и прошу Вас, не ставьте себя из-за гибели моего мужа в такую неудобную позицию. Вы свободный человек, и ни чем мне не обязаны. Я против того, что Вы должны быть рядом с нами. Я Сашина жена, а Ваня его сын. Я Сашу не брошу, и не поменяю на Вас. Вы, извините меня, за такую резкость.

Юля Полежаева».

Сложив письмо в конверт, Игорь громко вздохнул:

«Да, Юля во всем права, Саша. Она тебя любит, - представив, что перед ним сидит за столом его старый друг Александр Полежаев, говорил ему про себя Князев. – Она тобою живет, и я навряд ли смогу протиснуться в эту узкую щель в ее душу, где кроме тебя, и вашего сына у нее никого нет.

Но я буду помогать. Оформлю в бухгалтерии документы и буду каждый месяц ей со своей зарплаты переводить деньги по сто рублей, чтобы она могла спокойно жить».

- Товарищ лейтенант, - забежал в «кубрик» младший сержант. – Я еще взял халвы и лимонада.

- А? – посмотрел на дежурного по роте Князев, и тут же собравшись с мыслями, похвалил его за покупки.

А за ним в комнату зашел и Рыжиков, и, спросив разрешения, поставил на стол, парящий из наливного горлышка электрочайник.

- Ну, бойцы, накрывай стол, а я сейчас пойду и умоюсь, а то весь в пыли, - и, взяв с тумбочки сложенное белое полотенце, лейтенант вышел из кубрика.

- Слышал новость? – посмотрел на Рыжикова младший сержант. – Забирают у нас Князева в разведку.

- Да ты что?

- Колька Нисов из комендантской роты мне только что сказал про это. Князев будет временно исполняющим обязанности командира взвода. А значит, больше к нам не вернется, это я тебе говорю. Такими офицерами не бросаются. Он - умная голова.

- Блин, - ударил кулаком по колену Рыжиков. – Все хорошее долго не задерживается.

- Ты прав. Но есть надежда, что командир полка назначит на эту должность кого-нибудь другого. Тогда заживем по-старому.

Глава 5. Тень Евтеева

Все произошло как в сказке, буквально мгновенно, как по мановению волшебной палочки. Когда Игорь, умывшись, вернулся в свой кубрик, то даже не успел сделать и плотка чая, уже разлитого по кружкам, как и попробовать даже кусочка халвы,

аппетитно лоснившейся своими сахарными серыми боками в алюминиевой тарелке и призывающая к себе всех сладкоежек, окруживших ее.

Громкие звонки телефона, стоявшего на тумбочке дневального, сорвали с места Рыжикова. А через минуту, Игорь Князев, переодевшись в полевую форму – в комбинезон, ботинки, бежал в оружейную комнату, где его ждали бронезилет с каской, автомат, «лифчик», из карманов которого торчали связанные пары автоматных магазинов с патронами и гранаты. ... И, просигналивший бронетранспортер у «курилки».

Через двадцать минут вертолет с начальником разведки, и тремя незнакомыми офицерами, нес только испеченного врио командира взвода разведки Игоря Князева к месту боевых действий.

И через час, он на вытяжку стоял перед командиром части, подполковником Федоровым, который выслушав представление ему молодого офицера, засмеялся, как и стоявшие чуть поодаль от него офицеры:

- Заместитель разведки, говоришь?

- Извините, товарищ подполковник, временно исполняющий обязанности разведвзвода, - поправился Князев. - Я ошибся

- Да ладно, лейтенант, знаю я вашего начальника училища, у него не забалуешь, - и крепко пожав руку Князеву, подозвал его к столу, на котором, раскрыв карту, ткнул карандашом в одну из отмеченных красным цветом точек. – Здесь мы с вами стоим, лейтенант. Сзади нас ущелье, здесь крупная низина, в которой расположены по краям гор пять кишлаков. Душманы здесь никому не дают покоя, постоянно грабят людей. Идущая впереди нас колонна пехотной афганской дивизии была обстреляна.

- Видел из вертолета, - прошептал Князев. – Много техники горит.

- Вот так-то. А нас, идущих за ними, пропустили без боя. Твоя задача, через «зеленку», которая находится впереди, в двух километрах от нас, войти вот в эту часть гор и вернуться назад к вот этому «горлышку» ущелья, и смотреть, чтобы духи там не оставили нам «сюрпризов». Дня через три-четыре, завершив операцию, мы будем возвращаться через него. Участок небольшой, триста метров. С тобою будет работать группа, которую в будущем можешь возглавить. Даю пять минут для знакомства. Сержант Евтеев, принимайте лейтенанта. Вы его правая и левая руки.

- Есть! – приложил руку к панаме худощавый парень с обвисшей в коленях и рукавах камуфляжной форме.

- Вы свободны. Через пять минут готовность колонны к движению, по местам, - громко сказал командир и забрался на свой бронетранспортер.

А Игорю уже ничего не оставалось, как быстро бежать за сержантом Евтеевым вдоль колонны бронетехники. К счастью их боевая машина пехоты стояла недалеко от командирской.

- Ребята, знакомься, наш новый командир лейтенант Игорь Александрович Князев, - голос у Евтеева был каким-то очень взрослым, гортанным, напоминающим сильно кипящий чайник с выплескивающейся из него водой через горлышко. – Товарищ лейтенант, я ваш заместитель сержант Иван Евтеев. С остальными бойцами познакомлю вас позже.

Игорь глянул на солдат, сидевших на броне. На их лицах были надеты одни и те же желто-серые маски из толстого слоя пыли, так что разобраться, кто из них Вова, Коля, Ваня, было нелегко.

- Наша задача, когда будем проходить по «зеленке», спрыгнуть с машины и незаметно скрыться в ней.

- Незаметно? – удивился Князев. – А, в смысле, прятаться в пыли, поднимающейся техникой.

- Так точно, товарищ лейтенант! - кивнул ему сержант. - А лучше всего идти по веткам деревьев.

- Из-за мин, - кто-то пояснил лейтенанту из солдат, сидевших на броне.

- Кто входит в нашу группу? – залезая на броню, спросил Князев у Евтеева.

- Сапер, снайпер, радист, стрелок, вы и я. Шестеро. Вторая и третья наши группы закрепились с обеих сторон «горлышка» скалы. Рядом с ними по две группы пехоты. Командуют нашими группами младшие сержанты Востросин Коля и Сидоров Володя. Дембеля, - как бы дополнил их значимость Евтеев.

- Ясно.

- Все опытные, - клокотал голос Евтеева, - почти по полтора года отслужили здесь, не считая учебки.

- Научите разведделу и меня, - Игорь посмотрел в черные прорезы на пыльной маске лица сержанта - глаза.

- Естественно, - на лице Евтеева появилась что-то в виде ухмылки.

Колонна двинулась.

Сбоку из глубокой рыжей колеи, оставляемой гусеницами впереди ползущей БМП, вылезла узкая, с гранеными стенками мина - «итальянка». У Игоря от испуга руки затряслись.

Показал на нее сержанту. Тот, в ответ махнул рукой, мол, какая невидаль. Да их здесь на каждом шагу по десятку.

Так он подумал или нет, Игорь не задавался вопросом, так как эта поговорка у всех одинаковая. Не лыком шиты.

«Дембеля, твою мать!» - сплюнул себе под ноги Князев.

- 2 –

Быть тенью сержанта оказывается очень сложно. Иван легко перебирался по толстым веткам тутовых деревьев вглубь «зеленки». У Игоря ни руки, ни ноги, а тем более само тело, не были к этому готовы, сильно напрягался, то где-то провисал как шланга, где-то кряхтел, и постоянно хотелось звонко выматериться. Конечно, можно было сослаться на слабость в мышцах руки после ранения. Но в Афганистане это не приветствуется, здесь каждый отвечает не столько за себя, как за свою команду. И если уж «упал ниже плинтуса», то можешь отделаться, самое минимальное, это хорошим подзатыльником, пинком. А в максимуме, смертью.

Казалось, ушли от дороги на сотню, а может и больше метров. Но это оказалось не так, взревшая невдалеке от них идущая в колонне бмпэшка «сказала» ему о другом.

И только сейчас дошло до лейтенанта, что они «шагают по веткам деревьев» почти рядом с краем дороги.

А почему же Евтеев не лезет вглубь «зеленки»? Скорее всего, потому что боится «наступить» на какой-либо дозор душманов. А он здесь обязательно должен быть.

Почему же душманы не стреляют по колонне. Да потому, что не дураки лезть на рожон. Полк шурави – это опытные, превосходящие силы, если что, «ощетинятся» таким дикобразом, что никому из духов мало не покажется.

Сержант улегся животом на рогатину и смотрит на лейтенанта.

«Что?» - взглянул на него Игорь.

Иван показывает рукой на землю.

«Что там?» - никак не может рассмотреть то, на что показывает сержант.

Так, палка лежит, вторая торчит из земли. А почему торчит, ведь это не корень. И только сейчас Игорь заметил маленькую веточку, повисшую на струне.

«А, понятно, - закивал головой Игорь, - минная растяжка. Вот это зрение у вас, товарищ сержант!»

«О-о, я и не такое могу увидеть!» - наверное, похвастался ему Евтеев.

«Ничего, я этому тоже научусь, и без вашего хвастовства!»

Евтеев двинулся вглубь «сада». «Топали» по деревьям недолго. Впереди идущий по нижим веткам солдат, поднял руку. Что-то его заинтересовало.

Отметив это, Игорь удивился тому, что оказывается и сам уже начинает привыкать к походу по деревьям, и смотрит не только на ту ветку, по которой вот-вот полезет, а и по сторонам.

...Это был мальчонка, замерший внизу, как истукан, и не сводивший глаза с людей, шагающим по деревьям.

- Салам бача! – проклокотал голос Евтеева. - Инжи бье (иди сюда).

Но мальчик так и стоял на своем месте и смотрел, то на сержанта, то на других бойцов, сидевших на разных деревьях.

- Муса, - окликнул кого-то из своих Евтеев.

- Здесь я, товарища сержанта, - раздался слева от лейтенанта шепот.

- Спроси у бача, что здесь делает.

Муса о чем-то стал говорить, но мальчик, который теперь испуганно смотрел на него, только мотал головой.

- А понятно, товарища сержанта, он на mine стоит.

- Ёклмн, - ударил гром из гортани Евтеева. – Коля, ты где? Давай, спасай бачатку.

Солдат, быстро пробравшийся к мальчишке по веткам, аккуратноенько спустился на землю. Стал осматривать землю вокруг ног мальчишки, потом сделал несколько полушагов за его спину и присел. Что он там делал, мешало рассмотреть тело стоявшего бачатки. Взглянув на Евтеева, тут же повторил его движение ладони, скрывающее свое лицо от взрыва, который может произойти в любую секунду.

- Двоечники! – голос сапера отвлек Игоря.

Солдат стоял в полный рост и что-то держал в высоко поднятой руке.

- Что там? – спросил сержант.

- Взрыватель от «лимонки». Не докрутили, а то бы уже давно взрыв был и от пацана остался бы разбросанный фарш, набитый осколками.

- Давай его сюда, - протянул руку нависший над ними сержант. – Да не «лимонку», Колян, пацана!

- У него нога вся в крови, поцарапана проволокой от растяжки гранаты.

- Освободил ее от натяжки? – громко горланил Иван.

- Так точно, товарищ сержант, - и подняв руками за пояс мальчишку, подал его в руки Евтееву.

Тот, подхватив бачатку, усадил его подле себя.

- Муса, он говорить умеет?

- Не зная.

- Так узнай! – повысил голос сержант.

Мальчик ухватился обеими ладонями за кусок сахара-рафинада, поданный ему Евтеевым и, сорвав с него синюю бумажную упаковку, захрустел.

- Знает сахар шурави! – заулыбался на все свое широкоскулое лицо Муса. – Шурави конфеты им принес, хлеб, учебники для школа.

- Ты это, без лекций здесь? – одернул бойца Евтеев. – Спроси, что этот пацаненок здесь делает?

- Говорит, что собирала ягоды. Кушать хочет.

- Ягоды? – осмотрелся по сторонам Евтеев. – О, мужики, шли-шли и не видели урожая. А он здесь хороший. Даю пять минут, кушать подано!

Кто-то из солдат рассмеялся.

- Ч-ч, не хватало нам еще здесь хор Пятницкого развернуть! – буркнул ему Евтеев. – Вы, товарищ лейтенант, тоже наслаждайтесь.

- Да, да, - кивнул головой Князев, и потянулся к соседней ветке, к растущим на них черно-красным ягодкам шелковицы. Он ее любил с детства. Единственная сладость, которая в июне-июле была доступна детдомовским ребятам. И здесь, что особенно приятно, она сочная, сладкая с маленькой кислинкой.

- Бача из кишлака, - говорил Муса, - там, в низине он, у скалы находится. Душманы в кишлаке есть. Долго есть. Всех у кого дети служат в новой власти, убили. Они пришли сюда из Панджшера, служат у Ахмад шаха. Страшные душманы, все их боятся.

- Старая песня, начинай ее сначала, - зло усмехнулся Евтеев.

- Нет, точно, голоса у него дрожь, испугана бача, - на мягко-ломанном наречии таджика говорит Муса. – Он говорит, они убили его деда. Его звали Нур ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад Самарканди.

- Запомнить же еще нужно такое длинное имя, - покачал головой Иван, смотря на лейтенанта.

- Так у нас мусульмана, товарища сержанта, так принято. Так принято, товарища сержанта...

- Ладно, ладно, не оправдывайся. Я чего, Муса? - подавая пацаненку новую упаковку рафинада, сказал Евтеев. – Больше расспрашивай его. Что-то мы здесь засиделись. Не верю я этому бачатке. Лапши нам сейчас такой навешает... А что мы со взводом здесь сделаем, а? – посмотрел на Евтеева. – Муса, скажи, что об этом нужно говорить

афганским командирам, что за дорогой стоят со своими солдатами, - и стал наблюдать за ребенком, который внимательно слушал Мусу и постоянно ему кивал головой.

- Бача сказала, товарища лейтенанта, что он так и хотел сделать, когда услышал стрельбу, но вот попала на мину.

- Ясно, - немножко помолчав, сказал Князев. – Муса, надо говорить не ему, а нам на твоём родном языке, таджикском, что мы должны поесть ягоды и поехать дальше. Якобы ты у нас командир, и мальчишке дай это понять, и то, как будто мы все знаем твой таджикский язык. Ты - ту афсАр (ты офицер). И еще у нас будет возможность покушать ягоды здесь же завтра, когда днем будем возвращаться.

- Да, да, я вас поняла, товарища лейтенанта, я вас поняла, - затараторил Муса.

- А вы, бойцы, кушайте с аппетитом эти ягоды. И еще, спроси у пацаненка, здесь растут сливы, абрикосы или нет. И если да, то где? А то уже ехать нам нужно.

- Хорошая мысль, - посмотрел на Князева сержант. – Может, брешет бачатка нам, а сам ихний разведчик, в смысле духовский?

Через пять минут мальчишку отпустили, и он, прыгнув с дерева, без оглядки побежал в глубину сада. А разведчики, наевшись алычи с шелковицей, набрав ягод с собою, двинулись назад.

- 3 –

Игорь снова стал тенью Евтеева. По саду вышли к кустарнику, плотно растущему под скальным выступом. Но забираться по нему наверх сержант запретил: сначала должен протоптать им тропку наверх сапер. Так безопаснее.

«Все правильно», - подумал Князев, и, раскрыв карту, начал внимательно изучать регион, в котором находились они.

«Горлышко» - ущелье между скал, было обозначено цифрами, характеризующими неровности местности. Косые горизонтальные линии, обозначающие на карте высоты рельефа гор, не прикасались друг к другу. Дорога, проходившая между ними, была обозначена более широкой полосой, скорее всего проведенной карандашом, а только после этого карта была откопирована.

Долина, где в данный момент проходила войсковая операция, была большой, на глаз, без замеров линейкой, составляла около пятнадцати – двадцати километров. Ее длина не меньше шестидесяти километров.

Обозначенные маленькими прямоугольниками домов населенные пункты – кишлаки, не имеющие своих границ.

- Это район Чагирдаш, - прошептал Евтеев. – Дальше перевал.

- А что такое Чагирдаш? – прищурился Князев.

- Степь. Не з-знаю, похоже, у них так называются степи, как у нас горы, типа Урал, Кавказ. У них же кругом горы. Здесь степь, редкость. Дальше пустыни, а там, - махнув рукой себе за спину, - Панджшер. Горы!

- Ну, может быть, - согласился с сержантом лейтенант. – вы бывали здесь в районах Газни?

- В прошлом году. Потрепали нас здорово, - голос сержанта ослаб, будто вода смочила его гортань. – Не здесь, в обратной стороне мы были от федеральной дороги, на перевале, - и замолчал.

Игорь не стал больше его спрашивать, а продолжил рассматривать карту.

- Здесь один домик нарисован, не как везде, - протянул он Евтееву лист.

- Может, остальные квадратики не пропечатались? – предположил тот. – И что думаете, товарищ лейтенант?

- По кишлаку? От нас, судя по карте, он в километрах двух-трех. От горы – может меньше.

- Значит, пацаненок, которого встретили, был из него. Так получается?

- Естественно, - согласился Евтеев. – И считаете, что нужно нам сюда лезть? – сержант показал рукой влево, в сторону скалы.

- Здесь же наши группы есть, у «горлышка»?

- Да, по две с обеих сторон, плюс половина роты с каждой стороны со второго батальона. Мне не говорили, кто у них командир, а только их позывной – «крыса». С этой стороны белая и серая, а с той стороны ущелья – черная и коричневая.

- Ну вот, и что нам здесь тесниться? А афганские отряды есть здесь? – прищурился лейтенант, всматриваясь вперед.

- Да, с той стороны ущелья, и с этой. Минимум по роте, а может и больше. У них группы побольше, чем у нас.

- В смысле? – не понял Князев.

- Ну, у нас максимум десять человек, а у них двадцать. Я видел как они уходили в горы. То были их две группы.

- Ну, им виднее, - сказал лейтенант. - Понятно. Ну что ж, значит там, у ущелья все напичкано нашими и афганскими солдатами, и мышшь незаметной не пройдет. Тогда зачем еще мы там, не на курорте же? Тогда остается один вопрос, пойдём на эту высотку сейчас или утром? - сдвинул губы Князев.

- Думаете, там душманы?

- Товарищ сержант, а вы себя поставьте на их место, душманов.

- Согласен с вами, товарищ лейтенант. Но, здесь опаснее им быть, чем там, подальше отсюда, - указал рукой правее. – Там же горы тоже находятся. А здесь восемь часов назад такая мясорубка была, мама не горюй.

- Восемь часов, - повторил эту фразу Князев. – Наверяд ли они, отступая, бежали галопом, подставляя себя огню с воздуха и артиллерийскому.

- Попрятались.

- А вы, как думаете, сержант? – прищурился Князев.

- В чем-то с вами согласен, товарищ лейтенант.

- Как будем добираться туда? По зеленке? – и, рассматривая карту, продолжил. – Только по зеленке, так как, судя по рельефу местности, края той скалы отвесные. Видишь, на одной линии цифра семьсот, на второй, что впритык к этой триста, вроде? - всматриваясь в нее, вопросительно сказал лейтенант.

- Нет, плохо пропечаталась цифра, вроде триста пятьдесят, - разглядывая карту, высказал свое мнение Евтеев.

- И что?

- Ну, я с вами, товарищ лейтенант, согласен. А вот и наш сапер возвращается...

Лицо Николая Смернихина, как по волшебству в одно мгновение появилось перед их глазами: красное, с открытым ртом, из которого с шумом выходил горячий воздух попеременно с сигаретным дымом, вместе со слюной.

- Колян, еще раз увижу тебя курящим, убью! В последний раз предупреждаю! - прорычал ему сержант Евтеев.

- Да я... Товарищ лейтенант, все чисто, б-ли-ин, чуть не убили!

- Кто? – тут же гаркнул Евтеев.

- Да Востросин надо мною просто приколотся!

- Вот сучок, а! – сплевывая слюну в сторону, прошептал сержант Евтеев. – Сколько же раз его предупреждал об этом, получит же от кого-то из своих пулю в лоб.

- Вот-вот. А я чуть не вдавил в него целый магазин.

- Стоп! – перебил бойцов Князев. – Что-то он говорил вам.

- В смысле? - посмотрел на Князева Смернихин. – А насчет душманов, да. Сказал, что бы мы не шли к ним по прямой, как я, а со стороны «горлышка», а то, боится, что душманы на той скале остались, - и показывает себе за спину, в сторону пика горы, о которой только что говорили лейтенант с сержантом.

- Отдохните, ефрейтор С-с...

- Смернихин, - напомнил новому командиру свою фамилию сапер.

- Извините, боец, десять минут у вас есть. Сержант, позовите сюда снайпера.

- Кислов, кс-кс-ксюда.

- Да не ерничайте, Иван! - пристыдил сержанта Князев.

- Так, у него фамилия такая, Кислов, а кс - это его инициалы, а по имени отчеству он Кирилл Семенович. Вот и получается КС, а по фамилии Кислов.

- Бывает же, - усмехнулся за сержантом и Князев. – Не обижается, что так зовете его?

- Не а. А меня знаете, как хлопцы, между собою кличут? Еф-фа.

- Эфа? – поправил сержанта лейтенант. – Как змею?

- Не а, а Еф-фа, у меня не забалуешь! Вот и я о том же. А у вас кличка в училище была?

Шорох в кустах заставил Князева отвлечься от разговора.

- Ефрейтор Кислов по вашему приказанию прибыл! – доложило появившееся из веток кустарника конопатое, полукруглое лицо, с большими губами, испачканными в темно-оранжевый цвет от ягод шелковицы, и светло-серыми глазами.

- Шумишь сильно! – приструнил его Евтеев. – Тише нужно быть!

- У вас опыт снайпера большой, - еще раз посмотрев на ефрейтора, продолжил Князев. – Просьба одна, мы сейчас будем выдвигаться к той скале, прошу вас, просматривайте все ее зоны, где могут и даже не могут находиться душманы, - голос Игоря был тих.

Солдат, слушая его, проглотил улыбку:

- Так точно, я готов.

- Только не забывайте про окуляры прицела, чтобы не отразить в них солнечные лучи. И биноклем, прошу, пользоваться аккуратнейшим образом. Работайте. Вы будете двигаться за сапером, и если что, командуйте подъемом правой руки, значит внимание, остановиться. Короткое помахивание руки, указать, где находится опасность. Длинный мах руки – двигаться, и куда.

- Я правша, так что лучше буду поднимать левую руку.

- Добре, - лейтенант кивнул головой. – Сейчас осмотритесь, мы должны подняться на эту вершину не только без потерь, но и так, чтобы о нас душманы ничего не знали, если они там есть, конечно.

- Товарищ лейтенант, дайте мне семь или десять минут, чтобы осмотреться, - попросил снайпер.

- Сколько понадобится. Только как договорились. У вас глушитель есть для винтовки? Прекрасно, установите его.

- Все понял, - ефрейтор кивнул головой и скрылся.

- 4 –

Игорь понимал, что Евтеева сейчас учить не стоит, хотя надо было бы, уж больно он вел себя развязано и шел местами шумно, громко окликая кого-то из бойцов. Но это желание Князев вовремя в себе удерживал, понимая, что сейчас он, может даже, наоборот все максимизирует.

На выходе из зеленки задержались. Но это произошло не по команде снайпера, а – сапера. И причиной этому стала не растяжка или мина, а сыпучий камень и вспугнутый Смернихиным заяц, выскочивший, буквально из-под его ног наверх. Зверек то и «забуксовал» в осколках камней, которые с шумом поползли под кустарник.

Пришлось вернуться метров на пятьдесят. Здесь тоже возник вопрос, плато ровное, с наклоном под тридцать градусов. Двигаться по нему опасно, так как они, люди, не невидимки.

Нервы не давали покоя, пот, попадающий в глаза, сильно щипал их. Это и стало причиной тому, что Игорь снял панаму и, сложив ее напополам, засунул под грудную часть бронежилета.

Сержант, увидев это, не поприветствовал, но Игорь делал вид, что не обращал на него внимания. Но не долго, пока обломанная сухая ветка не поцарапала ему лоб и висок. Сильно и больно...

Вытерев кровь с кожи, заново водрузил на голову панаму.

В этот же момент их группа прибавила шаг и стала подниматься по каменной глыбе наверх. Игорь торопился, пытаясь не отставать от сержанта, который с легкостью бежал по почти крутой стене наверх.

На раздавшийся щелчок он среагировал мгновенно, припав телом на камни. Посмотрел вперед, но кроме ступней кроссовок сержанта, чуть ли не упирающихся ему в лоб, ничего не увидел. Но и отползать в сторону не решился. Мало ли чего это ему может стоить. Например, жизни.

Но это был не выстрел, а всего лишь камень, попавший Смернихину под носок ботинка и, как мяч, от его сильного удара, полетевший вперед звонко ударился о скальную стену.

- Всем оставаться на месте! - подал команду сержанту Князев. – Иван, откуда он, этот камень, мог оказаться здесь?

Из-за ног Евтеева, передвинувшихся немного вправо, появилось удивленное лицо сержанта.

- Камень? Не знаю. Но их здесь полно. Может когда-нибудь от удара пули откололся, или от взрыва, или от дождя, мороза. Да кто его знает откуда. Товарищ лейтенант, перед нами метрах в тридцати стена скалы. Нужно обойти ее справа. И еще, подползите сюда, товарищ лейтенант.

Князев, приблизившись к сержанту, посмотрел в то место, куда указывал рукой он и невольно воскликнул:

- Что это, кровь?

- Вон, смотрите, - и указал рукой влево, - там под кустом несколько трупов, может даже больше.

- Чьих?

- По форме это царандоевцы. Похоже, они, душманы, утром здесь с ними расправились. Те наблюдательный пост или засаду сделали чуть повыше, вон там, - указал вытянутой ладонью чуть вверх. Они, в смысле душманы, их в плен взяли и сюда привели, и казнили.

- Душманы?

- Ну, чтобы не показывать свой опорный пункт, - сказал Евтеев. – Чтобы никто не заметил убитых, к примеру с воздуха, или со скалы. А сами вернулись на свое место и ждут нас.

- Сегодня утром, думаешь, это сделали?

- Товарищ лейтенант, запах трупный слышите?

- Нет. Просто какой-то спертый, неприятный запах, щелочной, что ли.

- Так кровь через несколько часов в жару начинает вонять. А подходить к трупам, чтобы рассмотреть их, вдвойне опасно. Это место, скорее всего, ими заминировано, или кто-то за этим местом из душманов наблюдает сверху, или будет наблюдать. Так что нам здесь нежелательно долго задерживаться.

- Я с вами согласен, товарищ сержант, - осматриваясь по сторонам, согласился лейтенант.

- Тихо только! Пошли! – и Евтеев, передвинувшись назад, продолжил ползти дальше, прячась под покровом ветвей кустарников и деревьев.

Вершина, на которую поднялась разведгруппа, оказалась пустой. Причина этому одна, по своей форме она напоминала многоугольную пику. На ней, разве что мог свить гнездышко только орел. А место засады душманов, которое предположил сержант, оказалось не подходящим для этого даже для одного человека.

Группа Евтеева здесь решила не задерживаться, а двинулась дальше, и успела найти себе более-менее удобное местечко перед самым закатом, когда солнышко, как красный мяч, лег на край горного ландшафта.

Времени, чтобы осмотреться, было очень мало, поэтому, распределив между бойцами обязанности, за какой территорией каждому из них наблюдать, Князев выбрал для своего обзора - низину, покрытую светло-серыми тонами высохшей степи.

Очертаний кишлака, указанного на карте, того самого, в котором жил встреченный в «зеленке» бача - мальчишка, нашел не сразу. И все потому, что расположился он под солнцем, которое уже почти наполовину спряталось за ровной линией темно-серых гор.

- Кислов, тебе нужно выспаться, поэтому заступаешь в караул первым на два часа, - распорядился сержант Евтеев. – Вторым будешь ты, ефрейтор, тоже - два часа, как и другим.

Князеву не спалось, как и сержанту. Смотрели куда-то в ночную черноту с золотисто-серебристыми блесками звезд, и о чем-то незначительном между собою говорили.

- А я о вас слышан, товарищ лейтенант, - сказал Иван Евтеев.

- В смысле? – удивился Князев.

- Это я о вашем поступке в Дехсабзе, где в кишлаке ваш взвод на душманов наварался, которые казнили в нем дехкан и царандоевцев, пинков им надавали...

- А-а, Иван, как ваше отчество?

- Сергеевич.

- Так вот, Иван Сергеевич, это было так давно и нечаянно, что никакого геройства у меня и не было.

- А орденом-то вас наградили за это.

- Нет. Медалью «За отвагу», да, но не помню, чтобы кто-то из моих командиров меня к ней представлял. Когда получил ранение, было такое, но это позже. Может за ранение вручили, хотя...

- А-а, - сплюнул сержант. – Сколько слухов-то по этому поводу по нашей части ходило, вы бы знали, товарищ лейтенант.

- У вас награды есть? – спросил у Евтеева Игорь.

- Комсомольская грамота и все. И ни у кого из бойцов наших ни одной нааграды.

- Какая этому причина?

- Не знаю. Может из-за того, что командиры у нас один за одним меняются. Одного убили, второго тяжело ранили, третьего убили, четвертого тяжело ранили, и, как оказывается, не выжил, в кабульском госпитале через неделю после операции умер, - с глубоким вздохом выдул из себя последнюю фразу сержант. – Два-три месяца и смена.

- Да уж.

- Ой, товарищ лейтенант, вы только не подумайте, что вас обязательно ждет та же участь. Вы, это, ну, извините меня, что ли, - начал оправдываться Евтеев.

- А сам-то сколько сержантом служишь?

- Да с учебки я сюда в этом звании пришел. Командиром отделения стал полгода назад, а замкомвзвода меня назначили три месяца назад. До этого был обычным стрелком.

- Ладно, Иван Сергеевич, пока, не будем трогать эту тему. Мне, получается, до этого везло, командиром взвода прослужил на несколько месяцев больше из отведенных нам здесь учеными или историками времени жизни. Хотя метка есть, это ранение, но,

так себе, легкое. Да, что говорить, ты - срочник, призвался в армию на два года, а я с детства мечтал стать военным, генералом. Поступил в военное училище, чтобы служить в Афганистане рапорт на втором курсе написал командиру училища, как и вся наша рота. Так что быть военным - это моя профессия, и как в ней повезет, кто его знает.

- Может, еще командующим армии станете, - поддержал молодого офицера Евтеев.

- Ну, там, правда, у генеральских пап свои детки растут, - невольно усмехнулся своей шутке Князев.

- Точно, - забыв о соблюдении тишины, громко рассмеялся замкомвзвода.

- Тише, тише, сержант, - приструнил Евтеева Князев. - И еще, давай поделим между собой ответственность по сменам караульных, ты дежуришь до часу утра, - я – после, - предложил Князев.

Глава 6. Засиделись

Игорь смотрел на полковника, ходившего перед ним со стороны в сторону, понимая, что он во всем прав.

- А я вас, лейтенант, зачем поставил командиром разведвзвода, а? Я же вам доверил такой сложный участок, но вы его профуныкали.

Игорь ни как не мог понять, откуда здесь перед ним сейчас оказался начальник кафедры их высшего военного командного училища по тактической подготовке. Видно у полковника не сбылась его давняя мечта получить назначение на службу в общевойсковую академию, для этого видно он должен пройти Афганистан.

- Вы меня слышите, товарищ курсант? - полковник громко стукнул указкой по доске, висевшей на стене. – Вы же отвечали со своим разведывательным взводом за безопасность нашего прохода через это ущелье. Так? – гром и молния ударили из его рта и взгляда.

И Игорь почувствовал дрожь в своих руках и ногах.

- И пропустили душманов, которые установили на дороге мины перед движением нашей колонны. Да вас я сейчас за это отдам под трибунал! Давайте вашу зачетку! – и, схватив Князева за плечо, он начал с силой тормошить его.

Игорь открыл глаза. Было темно.

- Товарищ лейтенант, - громкий шепот Евтеева привел его в себя. – Ваше время, в смысле дежурить начальником караула. Я произвел смену часового только что. Муса заступил. Его сменит Смернихин через два часа, то есть в три утра. Он здесь, справа от вас спит. Колька! – сержант окликнул ефрейтора.

- Так точно, я здесь, товарища сержанта и лейтенанта, - доложил боец. – Я все поняла!

- Спокойно все было? – поинтересовался у Евтеева Князев.

- Да вроде. Как всегда душманы моргали фонариками в горах.

- Где? - всматриваясь в ночь с россыпью мерцающих звезд, спросил Князев.

- Да вон там, на востоке, - ладони сержанта, указывающей место световых вспышек, с помощью которых ночью передавали какую-то информацию друг другу душманские посты, было не рассмотреть, хотя его рука была совсем рядом.

- Понятно, отдыхайте, товарищ сержант, - и, потянувшись, лейтенант вылез из своего спального мешка. Встав на ноги, на ощупь сделал несколько шагов вперед, потом еще несколько - вправо, и, упершись рукой о каменный выступ, присел на него.

Вот-вот наступит рассвет в горах. Нельзя его пропустить. Свежий воздух холодком забирался через расстегнутый ворот комбинезона под мышки, к животу, остуживая горячее тело. Невольная дрожь прошла от подмышек к горлу, закладывая пленкой насморка носоглотку. А вместе с этим стали отбивать чечетку и зубы. Так было всегда, когда Игорь после сна выходил на свежий утренний воздух, и поэтому, напрягая мышцы тела, рук и ног, начал повторять и повторять размахивание рук, приседания. Такие упражнения, быстро нагревали тело, кровь «просыпалась» и бурными потоками от физического напряжения организма, шла по сосудам. А вместе с тем, через несколько минут и ушла гусиная дрожь, мешавшая сосредоточиться мыслям.

Кто-то из солдат во сне вскрикнул. Искать, кого беспокоят кошмары, не пришлось, тот парень снова погрузился в тихий безмятежный сон.

- Муса! – окликнул постового Князев.

- Я тута, товарища лейтенанта, - ответил Мансуров.

- Сейчас подойду к тебе.

- Хороша, - зевая, ответил тот. И когда Князев потихонечку добрался до этого бойца, поздоровался с ним. – Салам аллейкам, товарища лейтенанта.

- Доброе утро, - улыбнулся ему командир. – Что думаешь, будут душманы сегодня лезть к ущелью через нас, или нет?

- Нета, товарища лейтенанта, - шепчет Муса. – Зачем им на смерть идти. Они хитрый.

- А в кишлаке могут находиться душманы?

- Товарища лейтенанта, здесь царандой и афганские войска рядом стоят. Душманы не дураки, жить хотят.

- Может и так, - согласился с солдатом Игорь и, присев, стал слушать ночь, как и замолчавший Мансуров.

Рассвет начинается в горах с легкой серебристой вспышки в небе, которая разрастающейся простынею тумана пробиралась к звездам, растворяя в себе их яркие и тусклые точки-лампочки. Минут через десять-двадцать проявляются в посеревшей мгле и очертания гор. Их неровные выступы все ярче и ярче освещаются лучами солнца, поднимающегося с той стороны.

- Я вот на что обратил внимание, Муса, часть степи золотом отдает.

- О, рожь растет. Красота, товарища лейтенанта.

- А под горою степь, хотя еще можно было бы и эти полкилометра использовать под посадки ржи. Почему дехкане не сделали так?

- Сама думала, - после небольшого молчания ответил Мансуров. – У нас дома в кишлаках вся земля в деле. А тут не знаю. Может для сена, может, не хватило семян.

Игорь задумался. И было о чем. Изучая Афганистан, он знал, что провинция Кундуза богата не только горами, но и землей, орошаемой небольшими речками, арыками, каналами, построенными дехканами сотни лет назад и занимающимися здесь сельским хозяйством. Но беда у местного крестьянина в одном, уж больно привлекательна эта земля, как и урожаи, собираемые ими здесь - риса, пшеницы, фруктов, не только властям, но и душманам. Банды Ахмад Шаха находятся рядом не только в Панджшере, но и здесь, и, устанавливая свою власть, грабят народ, отбирая у него все продовольствие.

Поднявшийся над неровной каемкой гор шар солнца, растопил в воздухе черные краски ночи, сделав его прозрачным.

- Красота, - прошептал Муса, смотря в степь, покрытую желто-серыми красками. – Как у нас в Таджикистане.

- Потом об этом поговорим, - сказал лейтенант. – Буди всех. Начинается работа.

Перед бойцами Мансуровым и Кислым стояла задача контролировать горную часть местности, а Смернихин с Евтеевым отвечали за ее степную сторону.

После получения докладов с отделений разведывающего Николая Востросина и Владимира Сидорова, лейтенант, выключив рацию и спрятав ее в рюкзак, присел рядом с Евтеевым.

- Судя по разговору с вчерашним бачаткой, душманы могут остаться в кишлаке, но не верится, что они в открытую, через поле, пойдут сюда, - поделился своим мнением с сержантом Евтеевым Князев.

- Трудно сказать, - всматриваясь вдаль, ответил Иван. – Товарищ лейтенант, если бы они хотели устроить здесь минное поле на дороге, то выполнили бы эту работу перед рассветом. Это раз. Но так как наша часть будет с боевых действий возвращаться только послезавтра, то они это сделают через ночь. Причина, у них везде здесь есть глаза и неплохая связь между своими группами. Это два.

- А почему я должен надеяться на эти ваши предположения, товарищ сержант? – поправляя панаму на своей голове, поинтересовался Князев.

- Ну, война войной, а обед, как говорится, по распорядку. Этот регион продолжает жить своими делами. Сегодня и завтра по этой дороге из кишлаков в столицу провинции, а может даже и в Кабул, пойдет ни один, а десятки обозов с разной утварью, товарищ лейтенант. Людям нужно торговать, этим они и живут.

Отсюда на продажу везут мясо, крупы, муку, овощи, оттуда сюда, везут инструменты, одежду и так далее. Плюс в кишлаках есть маленькие магазинчики - дуканы, они тоже торгуют тем, что привозят из провинции. Не будут же душманы, глядя на это, постоянно ставить на дороге мины и потом их постоянно вытаскивать из нее, чтобы пропустить местных людей? Им за их смерти не заплатят, а только за шурави и военных.

- А через горы, думаете, душманы не пройдут сюда, чтобы уничтожить военную колонну?

- Да как не пройдут, товарищ лейтенант? Пройдут. Они же местные, все тропки знают здесь, - прокашлявшись, громче стал говорить Евтеев.

- А с той же стороны, как и с этой, стоит афганская пехота? По роте, кажется?

- Во-первых, они, почему-то находятся на дороге только перед и после ущелья. Если бы они еще стояли возле кишлака, то у нас с вами, товарищ лейтенант, и голова бы не болела.

- Как вы думаете, а где могут располагаться кяризы (подземные проходы), если, конечно, они тут есть? - поинтересовался Евтеев.

- Вот и я, товарищ лейтенант, об этом думку думаю, - ответил Евтеев и, чуть приподнявшись, продолжил. – Скорее всего, они могут располагаться только по обочине поля, так как на нем они выращивают рожь. Но по обочине не рыхлая земля, а камень. Второе, вот посмотрите, в трех частях поля полосы кустарников.

- Где?

- Да вот, посмотрите все светло-рыжее поле, а в полукилометре отсюда что-то в виде лесополосы. Так у нас в Союзе селяне дороги для тракторов и другой техники делают, чтобы те при передвижении меньше уничтожали пшеницы, и так далее.

- Ну да, - согласился Князев, рассматривая ту, еле различимую лесополосу в рыжем поле. – Думаете, там и может располагаться их кяризы?

- Трудно сказать., ну, а почему бы и нет.

- Нас окружают! – всего два слова, сказанные спокойным голосом Кислого, перевернули все с ног на голову.

-2 –

Солнце, чуть-чуть поднявшееся над еще сохраняющим тень ночи темно-серым скальным плато: двумя склонами, упирающимися в поверхность вершины, расположенной в километре, а может и в двух от них, - слепило. Подумать только, его небольшой шар, еще не успевший набрать своего дневного света – очень яркого желто-белого окраса, сейчас больше напоминало всего лишь краснеющую каплю плавящегося железа, катящуюся вверх по осветляемому небосклону. А оно уже не давало людям возможности не то, что наглядеться на себя, а и всматриваться под него, в очертания медленно осветляющихся стен скального рельефа.

- Вон там, присмотритесь, - шептал боец, указывая пальцами на вершину еще темного ребрышка склона. – Вот снова, два, нет уже три белых пятнышка. Ну, вот они, товарищ лейтенант!

Князев, до боли в глазах, пытался рассмотреть под набирающимися яркостью лучами солнца тех, двух, трех, а уже и четверых, двигающихся к ним душманов, но не получалось. И в очередной раз, вытерев слезу, наполнившую глаза, пытался различить через красную призму преломляющихся лучей, эти белесые точки.

- Четыре, говоришь? – пару раз зажмурившись, спросил лейтенант. – А почему решил, что они нас окружают?

- Так посмотрите под увал скалы, что слева. Там, уж точно увидите пять точек.

И снова Игорь всматривается в еще толком и не освещенную лучами просыпающегося солнца скальную поверхность.

- Тоже ничего не видите, еклмн! – сплюнул Кирилл. – Товарищ сержант, а вы, видите? – он посмотрел через лейтенанта на Евтеева, лежавшего рядом с ним, и также, как и офицер, внимательно всматривающегося в склоны горы.

- Да, ты у нас боец, прямо как летучая мышь, не столько видишь мошкару, сколько ее осязаешь, - сказал с восторгом сержант.

- Да что вы говорите, товарищ сержант? – в голосе рядового Кислого появилась озлобленность.

- Никому не двигаться! – скомандовал, чуть слышно лейтенант. – Следите за целями и считайте их. Кислов, ваш правый склон, Смернихин, левый, Муса – за вами подножие скалы с зеленкой, сержант - степная часть. Моя северная часть, а повернувшись спиной к снайперу, начал всматриваться в горную часть.

- Может передать своим? - спросил сержант.

- Вы правы, Иван Сергеевич. Передайте по радиации, но только, чтобы она не заскрипела громко.

- Да нет, вчера вечером и ночью переговаривался с ними, тихо работает.

- Мышь, черная мышь, черная мышь... - утренний голос сержанта, больше напоминал дальние раскаты грозы. – Что у вас?

Гу-гу-гу, раздавался ответный шум с радиации.

- Похоже, духи двинулись к «горлышку». Будьте готовы и не двигаться, - Евтеев легонько кашлянул, и снова продолжил свой разговор. – Белая мышь, белая мышь, серая на связи.

Гу-гу-гу.

- Похоже покой закончился, белая мышь, скоро будет жарко, и даже очень, лисы проснулись, и очень голодные. Передайте это соседям, пусть смотрят не только вперед, но и за спину.

Гу-гу-гу.

- Тоже заметили передвижение душман, - в ухо Князева прошептал Евтеев.

- Кто?

- Востросин. Он где-то в километре от нас у центра ущелья находится.

Князев стал всматриваться в вершину скалы, на которой предположительно, находилась группа разведчиков младшего сержанта Востросина.

- Похоже, действительно нас окружают, - прошептал он. – Огонь открывать только в крайнем случае, когда душманы будут рядом. – А сейчас, кс-кс, на каком они от нас расстоянии?

- В метрах двухстах.

- Уже скоро будут, - сплюнул Евтеев.

- Ну, да, - подавляя в себе нервозность, Князев посмотрел под себя, на камень, на котором лежал, и часто моргая, стал, как бы настраивать свое зрение.

Ага, вот и каждая каемочка цветовой гаммы камня, теперь ему хорошо видна. Посмотрел чуть в сторону, на другой камень, и здесь много времени тратить не понадобилось, чтобы настроить резкость своего зрения, да и, что не менее важно, слеза перестала заполнять его глазные окуляры, раздраженные лучами яркого солнечного света. А теперь можно продолжить изучать местность, окружающую их.

- Пятеро. Что-то не пойму, такое впечатление, что двигаются не сюда, а по бокам слева направо, - предположил Кислов.

- Вот-вот и я о том же хотел сказать, - прошептал ефрейтор Смернин.

- Белая мышь, сколько их у тебя? – отвлек внимание лейтенанта голос Евтеева.

Гу-гу-гу.

- Точнее!

Гу-гу-гу.

- Понятно. Отключаюсь пока, чтобы не сели батарейки.

Гу-гу-гу.

- Ничего они не видят, товарищ лейтенант. Видно их радист только проснулся и такую чушь мелет, и сам не понимая толком, о чем говорит.

- Нужно передать их командиру, чтобы во все глаза кругом осматривался. Вы слышите, товарищ сержант? – повысил голос Князев.

- Киселев, давай сюда! Да рацию давай, тупица! – сорвался сержант.

- Успокойтесь - толкнул в плечо Евтеева Князев.

- Извините, - выдохнул Иван. – Эдик, подай рацию. Не выключил? Молодец!

Лейтенант посмотрел себе за спину, на радиста. Кого-то он ему напоминал: кряжистый, среднего роста, лицо широкое с выпуклыми нижними и верхними скулами, нос широкий, словно вдавленный в лицо.

- Только не торопитесь, товарищ лейтенант. Куда нам бежать, если толком ни в чем еще не разобрались, - в голосе Евтеева чувствовалась какая-то власть, которая пыталась подчинить себе лейтенанта.

И снова Князев, сжав челюсти, заставил себя промолчать, не срываясь в командирский эпатаж. Он прав, этот сержант, он прав(!), и сейчас никак нельзя поддаваться трусости. Никак!

Чем выше закатывался на южную сторону горных вершин солнечный шар, тем светлее он становился, а вместе с тем и ярче. И как не пытались бойцы прикрывать от его лучей свои глаза краями панам или ладонями, каменными выступами, - все равно это не позволяло им рассмотреть приближающихся душман, что вызывало дополнительную нервозность. А виной этому был всего лишь световой контраст: темнота в горном склоне и сильное освещение местности, на которой находилась разведгруппа лейтенанта Князева.

Лейтенант вроде нашел выход из этого положения, пытаясь боковым зрением, немножко кося свой взгляд влево, всматриваясь в одну из точек вдаль, находить те светло-серые двигающиеся фигуры. Но почему-то их небольшое смещение с одной точки в другую, и потом возврат назад, создавали такое впечатление, что они не спускались с горы, как и не поднимались на нее, а оставались на месте.

Князев понимал, что это всего лишь зрительный обман. Ну, просто не может быть такого, что душманы, настроенные уничтожить их, пришлых шурави, будут играть роли двигающихся мишеней.

- Товарищ лейтенант, - в голосе снайпера появилась истерика, - что делать? Ну, прикройте мой прицел от солнца, что ли! Их же нужно остановить, а то подумают, что нас здесь нет.

- Нытья твоего только сейчас не хватало! - грохнул пронзительный фальцет из уст сержанта.

И снова вокруг воцарилась тишина, сменяемая громкими шорохами бойцов, их восклицаниями.

- Похоже, никто нас из них и не думает окружать, - через несколько минут, выразил свое сомнение Князев. – Помните, товарищ сержант, когда вчера мы выходили из зеленки сюда, нам по дороге попались несколько колючих шаров?

Евтеев промолчал. Но Князев и не стремился к тому, чтобы сержант тут же ответил на его вопрос.

- В смысле, товарищ лейтенант? Перекати-поле, что ли? Колючки? – с удивлением спросил сапер.

- Ну, да, - согласился с ним Князев.

- Была, была, - затараторил Муса. – Я тозе видела, товарища лейтенанта. Я это тозе видела...

- Вот и я о том же. Не они ли это там, в горах катаются? – предположил Князев. – Может душманы привязали их к веревочкам, а их концы закрепили камушками, вот и летают они, как шары поддуваемые снизу ветерком?

- А зачем им это? Вот чего я не могу понять, – подал голос сержант.

- А что бы мы прокололись сейчас, стали рассматривать их в бинокли, к примеру. По их бликам и вычислят нас, где мы находимся.

- А-а-а, чтобы выявить, где мы на-хо-о-димся-я-я, - голос Евтеева стал мягче, за счет чего последний слог растворился в воздухе как слабеющее эхо в горах.

- Давай-ка сыграем с этими душманами в их игру.

- Как это сделаем, товарищ лейтенант? – спросил Евтеев. – Блеснуть им в ответ сейчас биноклем, что ли?

- Это хорошее предложение, только не отсюда, а оттуда, где нас нет, и не должно быть. И чтобы это место нами хорошо просматривалось, как и душманами. Вот только чем блеснуть, а?

...Место, для начала игры, решили расположить в низине, в самой подошве скалы, в которую упиралась «зеленка».

- 3 –

Прошел час, за ним второй, третий. Солнце поднималось к своему зениту, и становилось все жарче и жарче. А душманы так и не клюнули на попытки Смернихина пускать солнечных зайчиков с той скальной пики, на которой они вчера вечером немножко задержались, ища подходящее место для остановки.

- Оставаться здесь - это глупая затея, - в какой раз со вздохом повторял одну и ту же фразу сержант Евтеев. – Нужно к нашим группам возвращаться, чтобы охранять это «горлышко», това-арищ лейтенант.

«Может и глупо оставаться здесь, - не вслух согласился со своим замкомвзвода Князев, - но не стоит торопиться».

- Товарищ лейтенант, что вы молчите? – стал раздражаться Евтеев.

- Я не понял, товарищ сержант, вы, где служите? – сквозь зубы прошептал Князев.

- В разведвзводе. Ну, в армии.

- Не похоже! - сплюнул в сторону Игорь.

- Ну, бездельничаем же мы здесь, товарищ лейтенант.

Солдаты, невольно ставшие свидетелями первой перепалки своего сержанта с новым командиром - лейтенантом, молчали.

«Терпение у разведчика, главная черта характера», - заставлял себя задержаться еще хоть на некоторое время на этом участке, думал лейтенант.

Щелчок, раздавшийся слева с присвистом, для Князева был неожиданным, и он невольно вздрогнул с испугу, и стал осматриваться по сторонам. Второй щелчок с присвистом и звук покотившегося камешка по склону горы, дал понять Игорю, что таким способом хотел о чем-то ему сказать или предупредить снайпер, расположившийся в нескольких метрах над ними.

- Кислов, что видишь? – спросил лейтенант.

Но поднявшийся ветерок, похоже, и не донес его вопроса, заданного шепотом, к ушам Кириллы, и, поэтому лейтенант стал самостоятельно искать цель, которую видел снайпер.

То, что противник мог двигаться по склону горы, находившемуся напротив них, Игорь не сомневался, и поэтому стал медленно осматривать его сверху вниз. Звонкий щелчок затвора винтовки, раздавшегося вверху, подтвердил, что снайпер наблюдает за противником. Но, где он? Почему молчит?

- Блин, прям как прозрачные! – тихо воскликнул Евтеев.

- Где они? – спросил у него Князев.

- Почти под нами, - ответил Иван.- В метрах пятидесяти.

Игорь опустил глаза, и стал рассматривать небольшую скальную выемку. И, пожалуй, если бы под ними не находилась светло-серая известковая полоса, то он навряд ли бы заметил несколько темно-серых фигурок людей,двигающихся в сторону зеленки.

- Их, похоже, семеро, - прошептал сержант.

- Уж больно смело идут, открыто.

- Хозяева, - согласился с лейтенантом Евтеев. – Можно я пойду вместо Мусы к саперу?

- Иван, а, думаете, Мансуров не справится с этой задачей?

- А зачем именно он должен за ними следить? – вопросом на вопрос ответил Евтеев.

- Их язык знает. Пусть крадется и слушает.

- Муса! – окликнул Мансурова сержант. – Только смотри мне, блин, не нашуми там. Чтобы...

- Естя, товарища командира, - усмехнулся Муса и пополз вниз.

Полз громко, отметил про себя Князев, но окликать солдата не стал, было уже поздно.

- Я потом его прибью, когда вернемся с операции за этот шум! - также со злостью отреагировал на громкое передвижение Мусы Евтеев.

- Когда вернемся, - поддержал своего заместителя лейтенант, продолжая наблюдать за местностью.

Время после ухода таджика Мусы Мансурова тянулось очень медленно. Особенно первые полчаса.

- Молчат, - раздался голос Евтеева.

- Да, да, - согласился с ним Князев.

- Хоть бы стрельнули, что ли.

- Зачем? – спросил Игорь. – Как раз этого я и не жду.

- Да я с вами согласен, товарищ лейтенант. Сорок три минуты прошло. Думаете, душманы уже добрались до Смернихина? – сержант ударил кулаком по камню.

- Давайте, пока, не будем отвлекаться от наблюдения, товарищ сержант! - сухо ответил ему лейтенант, пытаясь и дальше придерживаться своей командирской линии в отношениях с подчиненным.

- Есть - ответил с раздражением тот. - Кислов, что там у тебя? Ну, чего молчишь?

- Пусто, - раздался тихий голос снайпера.

Солнце палило нещадно. Спасал ветерок, но не свежестью, ни прохладой, а теплой волной воздуха, высушивающего капли пота, катящиеся из-под панамы по виску на верхние скулы, или капающий на нос и щеку со лба.

«Два часа дня. Это значит три часа прошло, как ушел Муса, - размышлял Князев. – И тишина. Интересно, душманы вышли на сапера? Если да, то куда потом направились? Куда? Пошли к дороге, чтобы установить мины? Глупо. И они это знают, так как сразу будут убиты охраняющими ту часть дороги шурави с афганскими солдатами.

Второе. Они могут и не идти к дороге, а направиться к своему складу с оружием, который находится где-то рядом с нею. Или в кишлак? Но что там им делать?

- Слышали? – раздался звонкий голос Кислового.

- Что? – не понял Князев.

- Так что-то вроде трех щелчков, - ответил боец.

- Опа-а! – лейтенант посмотрел на разомлевшего ото сна Евтеева. И вместо того, чтобы толкнуть его, усмехнулся, сняв тем самым с себя напряжение.

«Прокололся ты, сержант. А то строишь, из себя супера».

- Евтеев! – громко прошептал Князев.

- Да, да, извини-ите, товарищ лейтенант.

- Повторите, Кислов!

- Три выстрела прозвучали, похоже, оттуда. Ну, в смысле, с зеленки.

- С зеленки! – отпрыгнув назад за каменный выступ, и вскочив на ноги, Князев пытался понять то, что ему сейчас нужно делать.

- Выстрелы из автомата, одиночные, - высунулся снайпер из своего гнездышка, «свитого» на скальном ребре под каменным навесом.

Игорь смотрел то на него, то на Евтеева.

- Из зеленки, думаешь? – переспросил у солдата сержант.

Тот в ответ пожал плечами.

- Товарищ лейтенант, разрешите я сейчас спущусь и во всем разберусь?

Князев покачал головой.

- Ну что, что делать? – глаза сержанта, буквально всверливались в глаза Князева. –

Там же...

- Носовой платок достаньте и утрите слезы! Сер-жант! – повысил голос Князев.

Евтеев сломался: сел на камень, ухватившись обеими руками за ствол автомата, упер подбородок в дуло.

- Все по местам, - в голосе Князева чувствовался металл.

Радист, ухватив рацию, сбежал вниз...

Где-то вдали раздался гром, эхо которого разносилось по горам.

Взглянув вверх, не безоблачное небо, лейтенант невольно позавидовал тем, кто сейчас находился под облаками, а может даже под освежающим ливнем. Во рту пересохло, и с каким удовольствием он сейчас бы ловил капли дождя, льющегося с неба.

- Сюда доходит канонада, - кто-то сказал из бойцов.

И лейтенант пристыдил себя...

- 4 –

Муса со Смернихиным вернулись перед закатом солнца. Уставшие и раздосадованные. Душманы даже не приблизились к ним, по той, дальней стороне от дороги ушли по «зеленке» в сторону степи.

- И что? Перед вами же ни кто и не ставил задачи их сопровождать, - успокоил солдат Евтеев.

- А я пошла, - опустил глаза Муса. – Шла за ними, шла, а они там пошла, - и стал показывать себе под ноги указательным пальцем. - Я так думала.

- В кяриз? – догадался сержант.

- Похожа. Ну, а я туда тоже пошла. Они с кишлака.

- Не понял, - посмотрел на Мансурова Князев. – Как это понять?

- Винтовка у них и все, - прищурившись, смотрел на лейтенанта таджик. – Не смотрела назад, когда шла. Не боялась. Би-истро бижала. Вот скока их, - и показал семь пальцев.

- Они не душманы, думаешь?

- Не знаю, товарища лейтенанта. Громко говорила, что нужно есть им. Они голодная, кушать надо.

- Ну, не тяни резину, Муса! – стал торопить таджика Евтеев.

- Не знаю, не говорила они много.

- А как же ты расслышал их разговор? – спросил радист.

- Так я тоже бежала. Я так поняла, что они душманы, но с этого кишлака. Там живут, а может не душмана. Не знаю. Но у них винтовка. Здесь ходила, туда пошла, что я знаю, товарища лейтенанта. Кушать хотят, значит, обедать хотят.

- Ну, у тебя и мысли, расхохочешься, Муса, - вздохнул Князев. - Так, так, что же делать? – посмотрел на сержанта лейтенант. – Может нам у кяриза засаду сделать?

- А зачем? – спросил тот.

- Да уж, - посмотрел на солнце, уже давно спустившееся со своего зенита и все ближе и ближе приближающегося к горизонту, на фоне неровной гряды из скал.

- Завтра наша часть будет возвращаться. Может, успеем сейчас пробраться к своим? – предложил сержант Евтеев.

- Там теплее, - улыбнулся лейтенант, - и безопаснее. Да, Иван Сергеевич?

- Ну, а что делать, - сдавив губы, с прищуром смотрит на Князева сержант. – Каноада за весь день все громче и громче становилась, значит, наши приближаются к нам, все ближе и ближе. Значит все, война идет к концу своему.

- Но это еще не говорит о том, что они будут возвращаться на день раньше запланированного, товарищ сержант, - повысил голос лейтенант.

Последняя фраза Князева поставила сержанта в тупик.

- Наверное так, товарищ лейтенант. Не знаю, - опустил глаза Евтеев.

- Ладно, бойцы, сейчас поужинаем и, кто отдыхать, а кто на караул заступит. Товарищ сержант, распределите, кто за кем будет заступать в караул. Смена двух часовых через каждый час, в том числе и мы с вами постоим. Все сменяются самостоятельно, будят тех, кто за ними заступает в караул.

- Есть, - ответил Евтеев.

- Хотя, есть идея, - Князев посмотрел на солнце, потом на часы. – До группы Востросина сколько идти, товарищ сержант?

Евтеев задумался.

- Когда за вами шли, минут сорок до «зеленки» спускались, - сказал радист.

- Ну, где-то так, - согласился с Киселем Евтеев. – И сюда с того места, с зеленки, столько же. А что?

- Смотри, - чуть-чуть приподняв голову, Князев показал рукой под скалу, на которой они расположились.

- Екпн, - воскликнул сержант Евтеев, увидев внизу группу людей в афганской одежде. – Не ошиблись мы, значит, душманы рядом. Вот нагрузились а. Мясом, скорее всего, крупой, мукой.

- Было семь человек, а теперь, Кислов, сколько их? – лейтенант вздохнул, всматриваясь в подъем на скалу, находившуюся напротив них.

- Четырнадцать, нет, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать. Товарищ лейтенант, их восемнадцать, и всего трое с винтовками идут сзади них, пустые. А нет, у каждого из них еще по винтовке за спиной. А все остальные с баулами идут. Еду, похоже, несут к своим душманам, - сделал вывод боец.

- Муса, а почему они мясо несут наверх, а не гонят скот вместо него, - поинтересовался Князев.

- Скот? – не понял Мансуров.

- Ну, коров, барашек, - объяснил Мусе, лежавший рядом с ним ефрейтор Смернихин.

- А-а, так отара долго идет, нужно гнать быстро. А мясо не надо гнать, а надо нести.

- А кушать они его, как думаешь, когда будут? – спросил у таджика Князев.

- Не знаю, товарища лейтенанта. Утром, может, ночью.
- Так что, товарищ лейтенант, мне бежать к Сидорову? – подполз поближе к Князеву Евтеев.
- А почему к Сидорову?
- Так его группа на самом краю находится. Ну, а я отдохнувший, я быстро. А что нужно? Может, их сюда вызвать для усиления? – быстро говорил сержант.
- Правильно думаешь, но мне нужен Востросин. У него же пулемет?
- Так точно, ротный, а у Сидорова ручной пулемет.
- Тогда так, пусть Востросин отправит бойца с пулеметом к Сидорову, там, товарищ сержант, и встретите его, и приведете сюда.
- Думаете, душманы ночью двинутся к ущелью, товарищ лейтенант? - голос у Евтеева стал сухим.
- Не знаю. Но к этому нужно готовиться. Если это будет малая группа душманов, то вопросов нет. А если крупная! Тогда вот в этом сужении, - Князев показал на спуск со скалы под собою, - или, чуть дальше, на выходе у зеленки их и встретим пулеметным огнем.
- А может лучше нам сразу спуститься туда? – предложил сержант.
- Не тяните время, Евтеев. Здесь вас будем ждать с пулеметчиком. Только аккуратнее, и не забывайте, солнце уже садится, так что времени у вас полтора часа. Торопитесь, не пуха вам.

Глава 7. Удар в спину

Запах жареного мяса, которого ожидали бойцы от шашлыка или плова, ветер до группы лейтенанта Князева не принес, ни ночью, ни утром.

«Значит душманы не находятся вблизи от нас, - размышлял Игорь. - А может приготовлением пищи займутся днем? Но, ветер сменился с северо-восточного направления на южное, а значит, он не донесет до нас этих запахов. К счастью, - подавляя в себе чувство голода, вздохнул лейтенант. – Но то, что они находятся недалеке, не сомневаюсь. Вон как задвигались их шары – перекати-поле. О, один даже оторвался от земли, и полетел вверх. И как интересно, словно его кто-то тянет на веревке туда к себе. Может это летучий змей?»

- Товарищ лейтенант, - окликнул офицера снайпер, находившийся чуть выше его. – Сегодня-то кустарники ближе к нам находятся метров на пятьдесят. Их хорошо видно и без бинокля.

- Точно! – удивился Князев. – И значительно ближе, в метрах ста от нас, или они больше стали?

- Не пойму. Похоже, вы правы, товарищ лейтенант, и их, скорее всего чем-то покрасили белым, а может серо-желтым. Кстати, вчера днем, сколько искал их, так не нашел. А сейчас как одуванчики под солнышком появились.

- С биноклем искал? – спросил Евтеев.

- Нет, товарищ сержант, через прицел. У него стекло матовое, но все равно ладонью прикрывал его от лучей солнца, так что...

Кислого перебил сержант Евтеев:

- И вообще их не видел?

- Кого, душманов? А, шаров! Нет, товарищ сержант, - ответил снайпер. – Товарищ лейтенант, да уверены они, что мы там, у ущелья все сидим, вот и людей в кишлак посылали.

- Разговоры закончить! – громко прошептал Князев. – Боец, в с-смысле, Кислов, рядовой, какое расстояние от нас до этих колючек?

- Трудно сказать, товарищ лейтенант. Около ста метров, ну совсем близко. Может сто двадцать. А вчера в метрах двухстах были они.

- Зачехлите прицел.

- Так не дурак я, товарищ лейтенант, крышкой закрыл его.

«Да какие же это колючки перекасти-поле? Их разве можно увидеть с двухсот метров?» – задал себе вопрос Князев.

- Сержант Евтеев, позовите ко мне Мусу, - обернулся он к своему заместителю.

- Я здесь, товарища лейтенанта, - раздался слева громкий шепот таджика.

- Скажите-ка, боец, а вы у себя дома в кишлаке надували желудки от коров, ну там, или овец?

- Така точно, товарища лейтенанта, - ответил тот. - Большой шар получается, на нем улететь на луну можна. Вон она впереди нас летают, такие же шары.

- А говорил вчера, что это колючка.

- Так вы говорила, товарища лейтенанта, - обиделся Муса. – Мы когда по зеленке шла, там на краю такая колючка лежала, как ее?

- Перекасти-поле, - подсказал Князев.

- И что думаете, товарищ сержант? – Князев вопросительно посмотрел на Евтеева.

- Вы о том, где расположить пулеметчика?

- Сейчас, подождите, товарищ сержант, продолжим разговор. Муса! – Князев остановил отползающего от него Мансурова, - подождите. Муса, а вода здесь поблизости где-то есть?

- Нета, только слива, товарища лейтенанта. Там, в саду, ну зеленка называется. Сейчас я принесу.

- В помощь кого-то ему дать? – спросил у лейтенанта сержант.

Игорь кивнул:

- Только тихо и незаметно, - вздохнул Игорь.

- Может у душманов ее занять? – усмехнувшись, спросил Евтеев.

- Смеетесь?

- Если хотите пить, то возьмите, - и сержант протянул Князеву свою пластмассовую флягу. – Там еще есть вода, на три-четыре глотка ее хватит.

- Нет, нет, - отстранил от себя рукой флягу офицер. – У меня тоже глотка на четыре осталось. А насчет шелковицы со сливой, как? Рискованно больно. А не воду ли вчера душманы несли в тюках на спине? – немножко подумав, громко спросил Князев.

- Вполне может быть, - согласился с ним снайпер. – Что мука, что вода, трудно понять, что в мешке. Они по своей консистенции похожи, и трудно сразу разобрать, что в мешке. Мука тоже как вода будет двигаться как единая масса, если в мешке есть свободное для этого место.

- В мешке? Он же матерчатый, - напомнил Кислому сержант.

- Ну и что, так они воду носят в мешках из тех же высушенных коровьих желудков, если у них нет целлофановых мешков.

- О! – невольно воскликнул Князев, - не эти ли надутые желудки летают там как шары?

- А что, вполне может быть, - согласился с офицером снайпер.

Через полтора часа начался пир. Муса со Смернихиным принесли не только алычу с абрикосами, а и яблоки размером с кулак и поменьше. Зеленые, кислые, а вместе с тем, и сочные.

Лейтенанту Муса поднес самые мягкие сливы с абрикосами, сказав:

- Нектара, спелые, кака меда.

И прожевывая их, Игорь согласился с бойцом. Косточки сложил рядом с собой, на камне, а потом указательным пальцем стал сталкивать их вниз.

- Товарищ лейтенант, слышите? – громко прошептал Кислов сверху.

- Кирилл, это косточки от фруктов падают.

- Да нет, - перебил тот лейтенанта, - кто-то камень столкнул вниз. Похоже под нами. «Под нами?», - удивился Князев, и, напрягшись телом, стал прислушиваться.

- Точно, - где-то через минуту, согласился с Мансуровым радист Эдик Киселев.

Князев посмотрел в сторону Киселя, расположившегося на правом боку, с приподнятой рукой и вытянутым вверх указательным пальцем, прося внимания, и смотря куда-то вверх, вслушивался.

И когда рука Эдика снова резко поднялась на несколько сантиметров вверх, теперь и Князев услышал какие-то звуки.

- Это козленок, - разорвал тишину голос Кислого. – Точно, он. Хуже собаки, точно нас унюхает.

- Что за козленок? – не понял Князев.

- Ну, может козел, мекает так громко, как мамку свою зовет, чтобы дала ему молока, - объясняет офицеру Кирилл. - Ну, а скорее всего, если он взрослый, то что-то учуял и требует внимания. О, да их там, этих барашек и козлов, товарищ лейтенант, целая отара. Штук десять, а может и больше. И пастуха вижу. Вроде бачатка. Вон под нами ведет овец с козами, палкой козла бьет и что-то ему на своем афганском талдычит.

- Ну, вот и отара для шашлыка, - прошептал Евтеев. – Точно нас разнюхивают. – Неужели Кислов твоего зайчика вчера душманы увидели. Я ж тебя тогда...

- Тихо, сержант, - приструнил Евтеева Князев. – Кто знает, чем все это пахнет. Поэтому ни кому не высовываться.

- Товарища лейтенанта, - подполз к офицеру Мансуров. – А можна я пойду вниз, посмотрю, спрошу пастуха, что она здесь делает?

- Жить надоело, - перебил таджика сержант. – Не высовывайся, сказали тебе, выполняй!

Лейтенанту сейчас было не до разговоров. Он понимал, что все предложения, зачем здесь под ними оказался пастух с небольшой отарой овец, это только предположения, и не больше. А вот как они пропустили этого пастушка с овцами, вот в чем вопрос. Фрукты отвлекли.

- Мансуров, - подозвал он к себе таджика, - а вы их не видели и не слышали? Овец?

- Нета, товарища лейтенанта. Наша тропа далеко от того места, где это. Мы же пошла подальше отсюда, туда, ближе к «горлушку», чтобы нас не видела душмана. У него глаза острая.

- Правильно, молодцы, - похвалил Мусу лейтенант.

- Во, товарищ лейтенант, он пошел к подъему со своим стадом.

- Наблюдаем, - распорядился Князев, и, припав подбородком к камню, начал наблюдать за появившейся отарой животных и идущим за ними человеком.

- О, кто-то к нему бежит, чуть выше, сантиметров на десять, - громко прошептал снайпер.

Эту фигуру бегущего человека нашел глазами и Князев.

И то, что пастух и бегущий в его сторону человек были знакомы, стало тут же понятно, так как и тот побежал к нему навстречу, что-то крича. И вот когда они приблизились, спускающийся сверху, вдруг упал. И через несколько секунд прозвучало эхо выстрела.

- Я заметил, откуда стреляли! – возглас Кислого отвлек лейтенанта от откуда-то появившихся переживаний за упавшего человека. Было хорошо видно, как пастух подбежал к нему...

- Это бача, - сказал Муса.

- Товарищ лейтенант, тот, кто стрелял, встал и смотрит в бинокль сюда.

- Лечь всем и не высовываться, - приказал бойцам Князев.

- Может его снять?

- Кислов, не торопись. Только бы его не вспугнуть, - громко прошептал лейтенант.

- Вспугнешь душмана, - злорадно прошептал Евтеев.

Но Князев сдержался и повторил про себя свою любимую пословицу, которую как-то придумал сам: «Дураку объяснять, значит, время терять, лучше показать».

«Вот так поворот событий, ожидаемый, - продолжал размышлять над произошедшим Князев. – Значит, мы расположились в правильном месте. Душманы этим проходом хотят воспользоваться, вот и проверяют наше местонахождение здесь разными способами. А вот зачем человека убили, или это новая инсценировка?»

Раздавшиеся хлопки, сменяющиеся пулеметными или автоматными очередями, и взрывы, заставили лейтенанта приподнять голову. Да, звук происходил, похоже, в районе той горы, с которой только что прозвучал выстрел по бегущему человеку.

- Товарищ лейтенант, тот снайпер целился в пастуха, а как начался бой, обернулся в ту сторону, так и не сделав выстрела.

- Следи за ним, что будет делать, скажешь мне, - приказал Князев.

- Товарищ лейтенант, думаете, это снова спектакль? – спросил сержант.

- А ты, что думаешь? – спросил у него Князев.

- Одно из двух. Либо душманы вызывают нас к себе. Либо кто-то с той стороны ввязался с ними в бой.

- Так и я думаю.

Как долго начало тянуться время.

- Он присел на колени и в кого-то целится. В смысле туда целится, и, похоже, стреляет, за гору, не в нашу сторону, - наконец-то доложил снайпер.

- На каком он от нас расстоянии? – спросил у него сержант.

- Метров четыреста, может чуть больше.

Гул стрельбы не стихал. А, похоже, даже и нарастал. К винтовочно-автоматной стрельбе добавились более громкие и протяжные, скорее всего душманы стреляли из крупнокалиберного пулемета типа ДШК.

- Ну что, пора. Кислов,ними со своего ствола глушитель, и попробуй того стрелка снять. Сможешь?

В ответ прозвучал громкий хлопок выстрела из трехлинейки, так свою винтовку называл снайпер.

- Все, товарищ лейтенант, ваш приказ выполнен, - отрапортовал он.

- Группа, за мною! – скомандовал Князев и начал спускаться к зеленке.

- 2 –

Двигаться к месту боя по склону, Игорь со своей группой не решился, понимая, что все эти события могут быть тем же капканом, как и утренние шары, пастух с овцами, вчерашний поход душман в кишлак за припасами...

Но все-таки он «клюнул» на перестрелку, хоть и сомневался, что их помощь там кому-то уже нужна. Бой стихал, вернее, активность стрельбы. А это ни что иное, как он заканчивался: душманы окружили группу своего противника, и расстреляли ее как в тире. Наверное!

Ноги затекли: два дня без движения, сказывались. Ахиллесовы сухожилия на обеих ногах заныли, икры наполнились свинцом, пятки стали деревянными, плюс еще и одышка. Но, показывать ребятам, что он слабак, было никак нельзя, и поэтому Князев пытался найти в себе силы, чтобы хоть как-то незаметно сбавив шаг, восстановить дыхание.

До «зеленки» оставалось уже совсем ничего. Звуки стрельбы подталкивали тело, как и крутой спуск, двигаться быстрее. Но в то же время, он понимал, что идти в обход скалы, это значит идти никуда, так как он хорошо помнил рельеф этого участка, изучая карту. И цифры, обозначающие высоту края скалы, к которой он сейчас двигался – семьсот и триста метров. Да, может, там вовсе и нет обрыва, пропасти, как указано в карте, а пологий подъем. Но чтобы это узнать, нужно туда прийти, и в этом удостовериться. А это потребует времени. Плюс, двигаясь по краю скалы и «зеленки», можно попасть в душманскую засаду, как те, с которыми они ведут перестрелку.

Что делать? На этот вопрос Князев не стал искать ответа, а спустившись в самый низ, повернул налево к пологому подъему, к пастуху с убитым человеком, к тем шарам,

которые два утра раздражали его, требуя, чтобы он взял бинокль и «пуская» солнечных зайчиков, искал их. А то, что именно этого и ждали душманы, это доказал выстрел их снайпера по сбегающему со скалы человеку. Значит нужно двигаться по краю скалы, на вершине которой и находился снайпер, то есть, в мертвой зоне.

Пастухом оказался мальчишка, склонивший голову над лежащим перед ним мужчиной, одетым в зеленую афганскую военную форму. Он не видел шурави, а если даже и слышал их топот ног по камням, то он находился, скорее всего, в состоянии прострации, и ничто ему уже не было нужно, кроме лежавшего перед ним человека.

Сержант удержал лейтенанта за локоть и остановил. Он тоже громко дышал, пытаясь подавить в себе одышку.

- Товарищ лейтенант, стрелять перестали, эха-эха, - громко дышал он. – Опоздали!

- И что предлагаешь? – усмиряя свое дыхание, спросил Князев.

- Пусть впереди идет сапер, потом – Муса, я буду третьим.

- Нет, я! Фуууу, - выдохнув из себя большую часть скопившегося в легких воздуха, стараясь успокоить дыхание, лейтенант посмотрел на собравшихся невдалеке от него солдат.

- Все, пошли. Бойцы, я не знаю, что нас ждет там, прошу внимания и осторожности. Смернихин, давай вперед, будь внимателен, здесь могут быть не только растяжки. За ним Муса идет, вы, товарищ сержант, за мной, и прошу, по-ма-га-ть мне.

- Так точно, товарищ лейтенант! – улыбнулся Евтеев. – Кс-кс, за мной идешь по пятам, - ткнул рукой он в снайпера. Коля, ты за ним, - сказал он пулеметчику, - замыкает Киселев.

- Вперед, - скомандовал Князев, и, пропустив вперед себя сапера с таджиком, двинулся за ними.

Шли легко, бесшумно, задевая правым плечом неровности скальной стены. Вскоре ефрейтор на секунду остановился и продолжил ход. Почему он это сделал, показал Муса: натянутая проволока, которую нужно было аккуратно переступить, чтобы не коснуться ее ногой.

На растяжку он указал Евтееву, тот, идущему за ним пулеметчику...

Еще одно препятствие, встретившееся метров через пятьдесят после растяжки, оказалась противопехотная мина, заваленная мелким камушком. Ногу так и тянуло наступить на нее...

Следующим, что привлекло внимание, оказалась винтовка и повисшее на камне тело душмана, скорее всего того снайпера, или меткого стрелка, убившего сбегающего вниз человека.

Через десять минут Смернихин лег на камни, как и Мансуров. Так сделал и лейтенант, а за ним и остальные бойцы. Николай пополз вверх, показывая рукой, чтобы они не двигались за ним. И только сейчас Игорь обратил внимание на крики людей. Говорили они по-афгански. Не просто говорили, а орали.

- Бистрее, - скомандовал Муса, и лейтенант, подчинившись ему, пополз за ним.

Громко говорящих людей на небольшом скальном ребрышке не оказалось, они были несколько ниже. Около двух-трех десятков человек, собравшихся толпой. Они стояли

к Князеву спиной, в метрах тридцати, и наблюдали за шеренгой людей, стоявших перед ними на коленях.

Из толпы вышло несколько человек. У них в руках были удавки.

- Сейчас будут казнить их, - прошептал Евтеев.

- Николай, - Князев шепотом подозвал поближе к себе пулеметчика. – Только аккуратно, вы отсюда по скоплению людей будете вести огонь. Только будьте внимательны, чтобы не задеть тех, кто на коленях. Похоже это наши, из афганской армии.

- Понял, - кивнул головой солдат.

- Прицелься! - шептал Князев. – На счет три, огонь. Раз, два, три! - и громкий залп огня обрушился на душман.

Игорь, давая короткие очереди из автомата, невольно вставая на колени, сначала шептал, а потом уже кричал одну и ту же фразу: «Получай! Получай! Получай!» И до сих пор он не мог поверить тому, что душманы, захваченные врасплох, оказались перед ними такими беззащитными.

Вскочив на ноги, он бежал к ним, лежащим на земле, переступая через их кровавые тела, направляясь к тем, кого только что бандиты хотели казнить.

Первый солдат, лежавший на боку со связанными сзади руками, дрожал всем телом. Ухватив его за ворот и второй рукой под локоть, Игорь помог ему приподняться на колени, и, вытащив нож, разрезал веревки, стягивающие сзади его кисти рук.

- Это афганцы! - крикнул Евтеев.

Князев это тоже понял, рассматривая смуглое лицо, покрытое черной порослью бородки, и большие чайные глаза, смотревшие на него.

- Муса, что он говорит? – крикнул он Мансурову.

- Товарища лейтенанта, - откликнулся, находящийся где-то справа таджик, - они из бригады коммандос. Их в плен взяла ночью душмана.

- Какой ночью? – не понял лейтенант. – Сейчас же стреляли, только что? Быстро отвечай! Быстро, Муса! Что молчишь? – не обращая внимания на свое раздраженное состояние, кричал Князев, рассматривая пленных людей одетых в полевую форму афганской армии оливкового цвета.

И в тот же миг, он, ухватив за ворот второго афганца, орал:

- Здесь только что стреляли. Кто? Кто?

Бросился к третьему афганцу, но они испуганно ему что-то говорили, но он ни как не помог понять их языка.

- Муса, ну! - и ухватив солдата, подтолкнул его к афганцу, которого придерживал другой рукой за локоть.

- Он командира, капитана старшая.

- Какая старшая? Какая?

- Старшая капитана, - испуганно смотрел на своего командира Муса. – Она говорит, что спала, их взяли в плен и приволокли сюда.

- Так, ну дальше, торопись! Время, солдат, время!

Муса что-то говорил длинному и тощему парню в зеленой изорванной форме. А тот все смотрел на лейтенанта, и мотал головой, так больше ничего и не говоря.

- Как его зовут?

- Бахтияр, - с трудом глотнув слюну, сказал Мансуров.

- Бахтияр, а ты переводи ему. Мы шурави. Здесь был только что бой. Но тот снова ни сказав, ни слова, только и делал то, что мотал головой.

- Еклмн. Муса, давай другого человека допросим, - и только хотел сделать шаг к следующему афганцу, тот, что мотал головой, заговорил.

- Вторая группа хотела их спасти, товарища лейтенанта, когда душмана их хотела казнить. Но они их расстреляла.

- Где?

- Тама, - и Мансуров показал вниз. - Тама все лежат. Командира своего хотела спасти, но душман их убил.

- Это все были душманы? – не спуская глаз с трясущегося лица Бахтияра, спросил Князев.

- Нет, ушли туда, - сказал на ломанном русском языке капитан. – Час назад.

- Куда?

- К ущелью.

- Их много? Ну, капитан, что молчишь? Сколько их? – орал Князев.

- Пинджа, - ответил капитан. – Пинджа.

- Пятьдесят, - перевел Муса. – Может и меньше, но их много, у них миномета, пулемета. Куда пошла она, он не знает. Сказала, к ущелью. Его била, она плохо слышала. Она хотела его висеть, повесить.

- Он ходить может? Спроси у него, что тянешь резину, Мансуров! - смотря в глаза Мусе, снова повысил голос лейтенант.

- Да, она может ходить.

- Сержант, срочно передай нашим группам, что к ним движется крупная банда душманов. Пусть вызовут пару вертолетов. Быстрее давай?

- А оружие, товарищ лейтенант, собрать? – спросил Евтеев.

- Сержант, ты что стоишь? Зачем мне это оружие? Нам сейчас в бой, а ты оружие, что его на себе тащить? Кому оно нужно? Бегом к радисту, сержант! – Князев развернулся к стоявшему перед ним капитану и сказал. – Берите оружие и с нами к ущелью идите. Понятно? Муса, где ты?

- Я здесь, товарища командира. Я все сказала ему.

- Капитан, чего ждем? Пошли, раненых, которые не могут идти, оставь здесь. Нужно догнать душманов. Бегом! Все за мной! – крикнул Князев, и, развернувшись, пошел быстро вниз, оглядываясь по сторонам.

И когда бойцы с его группы догнали лейтенанта, он, обернувшись к афганцам, шедшим за ним, крикнул:

- Бегом!

- 3 –

По отдаленному гулу стрельбы, было трудно определить место, где она происходила, и оставалось только предполагать, это был бой или обстрел какого-то

участка. А по ее насыщенности – участие в ней принимала не мини-группа, а чуть ли не целая рота или батальон. А значит, в ней участвовали не несколько малочисленных групп советских солдат, а скорее всего – афганские подразделения. И именно эта мысль заставила лейтенанта не останавливаться, чтобы связаться по радиации с группами младших сержантов Востросина и Сидорова, а двигаться к намеченной цели. И поэтому для уточнения он еще раз спросил, у бегущего рядом с ним Евтеева, успели ли они по радиации передать о двинувшейся к ним банде душманов. На что Евтеев ответил коротко: «Да, заколебал».

«На обиженных воду возят», - сплюнул лейтенант и прибавил шагу.

Спускаться вниз легче, но это не расслабляло бойцов, так как все понимали, что скоростью бега нужно управлять, а не поддаваться эйфории. Под ними все-таки не асфальт, а камни со своими неровностями.

Кто-то вскрикнул от боли, упав на землю. Но лейтенант не остановился, а замедлив шаг, оглянулся. Ни кто из его солдат не отставал, все его шурави бежали рядом, как и афганцы. Сколько их, что-то даже не поинтересовался. Около двадцати человек, а может и чуть меньше.

Того мальчишку, сидевшего у убитого человека, он увидел издали. Бача стоял в полный рост и смотрел на них, приближающихся к нему людей.

Когда вышли на ровную полосу спуска к «зеленке», остановился и показал рукой, чтобы все остановились и залегли. Через бинокль начал внимательно изучать местность. Впереди, вроде ни живой души. Но это еще не говорило о том, что можно и дальше продолжать в открытую спускаться к «зеленке». Душманы, услышав стрельбу, могли в этом месте сделать засаду. А может, и нет, так как наоборот могли подумать, что эту стрельбу открыли свои, казнившие пленных афганских солдат. Но, надеяться на то, что впереди нет засады, опасно.

- Ни кого! – услышал он голос Кислицына.

- Думаешь можно бежать? – спросил у него Князев.

- А зачем? – спросил Евтеев. – Мы же можем вернуться на свое место, где находились несколько дней подряд.

«Глупости. Впереди, около ущелья шла перестрелка, а может и бой, и нам здесь отсиживаться! – подумав об этом, лейтенант посмотрел в ту сторону, куда показывал сержант, а потом левее, на край скалы, где он позавчера предполагал сделать наблюдательный пост за «зеленкой». Вот туда-то нам и нужно идти», - принял решение офицер.

Первым к этому месту направился сапер Смернин. Ефрейтор, с помощью небольших перебежек, пробрался туда быстро, в течение пятнадцати-двадцати минут, и пустил в ответ трех зайчиков с помощью зеркальца: «Все спокойно».

Князев, дав команду Евтееву возглавить группу и двинуться к Смернину, задержался, решив идти в колонне последним, что давало ему возможность определить, на сколько человек его группа пополнилась за счет афганских солдат, и посмотреть на их физическое состояние.

Семнадцать человек! Несмотря на травмы и ранения, афганцы прекрасно держались на ногах, и более того, судя по их улыбкам офицеру, ни кто из них не унывал,

все были готовы к новому испытанию. Это придавало Игорю надежды в том, что его группа не только не потеряла своей мобильности, но и значительно усилила свою боевую мощь.

И более того, нужно отдать им должное: даже калеки, с кровотокающими ранами в разных частях тела не пожелали остаться там, на месте своей казни. А Бахтияр, сжимая до боли ладонь Игоря, тряс ее, повторяя одну и ту же фразу: «Дуст! Дуст!»

- Вперед! – скомандовал Князев, и они бегом направились вниз. Канонада боя стала в несколько раз громче, это говорило о том, что бой идет недалеко от них. И что особенно важно, теперь можно было безошибочно определить его местонахождение: на краю «зеленки».

Метров через триста Князев приказал всем остановиться. Евтеева он направил к пропасти, чтобы сверху установить наблюдение за передвижениями противника. Сапера направил вниз, посмотреть чистоту спуска от минных ловушек. А сам со снайпером двинулся правее, на небольшую возвышенность, позволяющую просмотреть участок, в котором должны были занять оборону группы Сидорова и Востросина.

Через несколько минут пришел к выводу, что это ничего не даст и направился к сержанту. И понял, что дал промашку, расширяя границы своего любопытства. Нужно было выдвинуться к пропасти, чтобы установить наблюдательный пост, и вести прицельный огонь по душманам, скопившимся, почему-то под скалой, а не в «зеленке». Хотя, кто его знает, может и там они есть.

- Товарищ лейтенант, - окликнул Князева вернувшийся сапер. – Похоже, душманы все здесь, под нами.

- (?) – Князев в недоумении смотрел на ефрейтора.

- Я же по вашему приказу позавчера здесь, под нами установил четыре растяжки. И все они идут по краю зеленки. Я когда спустился, то увидел, что одна из них сработала.

- В каком смысле? – не понял лейтенант.

- Где первая была растяжка, там трое душман убитыми лежат, и еще один стонет, - прошептал сапер.

- Ясно. Но это еще не факт, что все они под нами, - высказал свое сомнение лейтенант.

- Ц-ц! – подал голос Евтеев и приподнял вверх ладонь.

Выстрел, раздавшийся сзади и за ним автоматная очередь, заставили Князева оглянуться, и увидев в нескольких десятках метров от себя двух душманов, падающих на камни уже убитыми.

Тут же открыл огонь и снайпер Кислов. Он расстрелял минометный расчет из трех человек... Но об этом лейтенант узнает только после боя. А сейчас он, вскочив на ноги, искал глазами Евтеева.

- Иван, оставайтесь здесь старшим. Я с Мусой и Смернихиным, и с афганцами спускаемся вниз. Найдите и уничтожьте с Кислым находящиеся там внизу душманских пулеметчиков и минометчиков. Все! Муса, командуй Бахтияру, чтобы со своими солдатами двигался за мной. Ударим душманам в тыл. Ну, переводи ему быстрее!

И увидев, что афганский капитан, выслушав Мансурова, кричал что-то своим людям, показывая на него, на Князева, Игорь не мешкая, махнув своим рукой, побежал вниз.

Он слышал топот людей, бежавших за ним, что успокаивало, и, переключив свое внимание на местность, куда спускался, сбавив ход, остановился, прижавшись спиной к каменной стене. Рукой показал, чтобы так сделали и другие.

Бахтияр, подбежавший к нему, смотрел в глаза лейтенанта.

- Глупо! – покачал головой Князев.

- Не поняля, - вытерев рукавом пот со своего заросшего черной щетиной лица, сказал афганский капитан.

- Душманы там нас ждут, - и показал рукой в сторону зеленки.

- Ней, ней, - замотал в ответ тот головой.

- Муса, - Игорь окликнул стоявшего невдалеке таджика.

- Ней, ней, - положил правую руку к своей груди Бахтияр. – Я понимаю, учился Союз.

- Душманы там! Понимаешь? – почувствовав какой-то страх, Игорь попытался еще раз объяснить это афганскому офицеру, стремясь услышать от него хоть какой-то дельный совет. Но тот только мотал головой и смотрел на него своими огромными безумными глазами.

- Ней, ней. Душманы идут туда, - показывал он рукой в сторону ущелья. – Душманы бить, бить, так, - и, сжав левый кулак, начал наносить им по воздуху прямые удары. – Бить душманы, офицера, - и сколько злости было в его словах.

- Все равно, Бахтияр, у них есть глаза. Твоя форма, - схватив за ворот, Князев, тряся ее рукой, продолжил. - Они видят твою форму, меня увидят, и будут по нам стрелять. Понял, Бахтияр?

- Бали, - закивал головой тот.

- Там, ниже, пойдем туда, - и показал рукой вправо. – Там щель, трещина, проход на нижнюю часть скалы. Понимаешь, - и посмотрел на Мусу, переводившего афганскому офицеру его слова. - Мы с нее откроем огонь по душманам. Нас душманы сразу и не увидят. Понимаешь? Мы с тобой оттуда нанесем им большой урон, - хлопая по груди Бахтияра, громко шептал Игорь.

Но афганский офицер, слушая Мусу, продолжал мотать головой, и трудно было понять, соглашается он с мнением советского офицера, или нет. А каждая секунда сейчас Князеву была очень дорога, так как он прекрасно понимал, что в этот момент душманы пытаются овладеть ущельем, и наступают на маленькие горстки охраняющих выход к ущелью шурави.

- Вперед! Чего стоим? – и, потянув на себя Бахтияра, Князев пригнувшись и взяв автомат наперевес, побежал вниз.

Смернин его ждал у той самой трещины, через которую Князев должен был повести в бой с душманами освобожденных афганских солдат.

- Мин нет, я все осмотрел, - доложил он лейтенанту.

- Давай, Коля, иди вперед. Там у выхода из трещины подожди нас, - и, оглянувшись, тут же выставив руку вперед, остановил рвущегося к проходу Бахтияра. Тот, остановившись, приложив ладонь к сердцу, начал что-то быстро ему говорить.

- Товарища лейтенанта, Бахтияра не хочет идти с нами, она пойдет вниз и расстреляет всех душманов без вашей помощи, - переводил слова афганского капитана Муса. – Он должен наказать этого предателя Сарбуланда, который ночью привела в его отряд душманов, убила часовая, и взяла их в плен и казнила. Он хочет сам убить Сарбуланда, он предателя. Он из одного с ним кишлака, вместе служила с ним и та предала.

- Но у тебя всего-то семнадцать человек, Бахтияр, - Князев, мотая головой, попытался объяснить афганскому офицеру, - а их там намного больше. И там внизу у «зеленки» они сделали засаду.

- Ти, маладеца, - широко улыбнулся Бахтияр, и в его чайных глазах появилась радость, а вместе с тем с его лица ушла усталость. – Это моя далга. Дол-га! - словно поправляя себя, чтобы это слово прозвучало без мягкого знака, громко сказал Бахтияр. - Аллах Акбар! – и махнув своим солдатам, продолжил спускаться.

Афганцы, проходя мимо Игоря, ему радостно улыбались, кто-то, приложив руку к сердцу, немножко кланялся, показывая свое уважение к командиру шурави.

А Игорю ничего не оставалось делать, как развести руками. Нет, он не пошел со своей мини-группой из трех человек за афганцами, понимая, чего это может им стоить - смерти. Он был уверен, что душманы, получив сопротивление у подхода к ущелью, сейчас постараются сделать все, чтобы окружить их. И у него еще оставалась надежда в том, что на помощь группам Востросина и Сидорова придет афганское подразделение, которое стерегло вход в ущелье со степной части местности. Плюс он ждал помощь с воздуха, вертолеты поддержки, у которых он попросил огневой поддержки, вот-вот должны были появиться здесь.

В двух местах спуски были почти вертикальными. Единственное что не останавливало своих бойцов, они были небольшими, не более двух-трех метров. И благодаря тому, что внизу были широкие выступы, можно было без остановки продолжать свое движение к намеченной цели, передвигаясь вниз.

Первым пример подал Князев: закинув автомат себе за спину, лег животом на скальную стену и, расставив в ширину ноги и руки, упираясь носками и пальцами на ее шероховатости, начал сползать. Но не удержался, кулем свалился на камень, выступающий снизу. Ноги подкосились и, потеряв равновесие, завалился на спину.

Прицел находившегося сзади автомата, упершись своим выступом ему в затылок, разорвал на голове кожу. Но, не обращая внимания на боль, Игорь тут же ухватился руками за штанины ниже колен, пытаясь погасить скорость движения своего тела, чтобы кубарем не покатиться дальше по склону скалы.

Удержавшись и оглянувшись, несколько секунд смотрел вниз, а потом, встав на ноги, немножко приподнявшись, махнув рукой, приказал спускаться следующему. Мусу он ухватил под плечи. Несмотря на то, что он был сухощавым и невысокого роста, на глаз – легким, это оказалось далеко не так. И, получив скользкий удар с носа в подбородок прикладом автомата, висевшего у Мусы на спине, снова потеряв равновесие, упал на спину.

Мансуров, что-то шепотом лепеча, в виде извинений, помог лейтенанту встать и своей ладонью начал вытирать выступающую кровь из широкой царапины на лице своего командира.

Князев, сдавливая от боли зубы, оттолкнул руку Мусы и махнул Смернихину, чтобы тот не тянул резину и спускался. Последнего приняли вдвоем с Мусой, но без нового ушиба, теперь в плечо, не обошлось, и Князев сразу же почувствовал глубокую боль в предплечье, о которой забыл совсем недавно, проходя реабилитацию в военном санатории.

Продолжили спуск. Следующий трамплинчик был поменьше первого, и скальный выступ внизу - пошире. Он оказался и последним, за ним - пропасть, ее глубина на глаз метров тридцать, а может и больше. Этот участок и был той целью, к которой шел Князев. Жаль, что афганцы не пошли вместе с ним, они смогли бы все вместе свободно расположиться здесь, что позволило бы им открыть прицельный огонь по душманам, чувствовавшим себя здесь спокойно.

Шли иоджагеды в полный рост, и довольно-таки плотно, что в тоже время и делало их менее уязвимыми из-под огня сверху. Но это можно было и поправить, открыв стрельбу, так как под испугом душманы залягут, что и позволит увеличиться по своим объемам этим целям. А их здесь предостаточно, да и зона обстрела вся на виду: около двадцати метров в ширину и протяженностью не менее двести метров.

Где шел бой, догадаться несложно, у ущелья. Правда активность стрельбы, по сравнению с двадцатью минутами назад, снизилась и значительно. Определить почему, невозможно, как и то, с какого места велась стрельба - снизу или сверху, или вперемешку. У Игоря оставалась единственная надежда, что группы разведчиков – младших сержантов не дадут душманам подняться к ним наверх, а будут удерживать их внизу.

«Где же вертолеты? И почему молчат афганцы Бахтияра?» - и только подумав об этом, Игорь услышал открывшуюся внизу слева от себя стрельбу. Но, к сожалению, того места, где она шла, отсюда не было возможности рассмотреть, мешал скальный выступ. А это очень плохо, и поэтому, Князев дал разрешение своим бойцам вести огонь одиночными выстрелами по душманам, бросившимся в ту сторону – налево, где спустилась группа Бахтияра. К счастью, глушители, надетые на автоматные стволы, не давали противнику понять, открыли по ним огонь сверху или нет.

И нужно отдать должное, Муса с сапером оказались хорошими стрелками, несколько душманов стало извиваться в предсмертных конвульсиях. Из трех первых выстрелов, один оказался точным и у Князева. Стыдно. Но у Игоря не было времени оправдываться перед своими бойцами за неточную стрельбу, и успокаивал себя, что они навряд ли наблюдали за качеством огня своего командира, так как сами вели выбор своих целей и открывали по ним огонь.

Выстрел из гранатомета, сделанный кем-то из душман где-то справа внизу от него, он уловил только по белой полосе, оставляемой после себя ракеты. Нашел его, после того, как стал внимательно всматриваться в тот участок. Он, гранатометчик, взобравшись на высокий камень, благодаря чему и был быстро найден Князевым,

второго выстрела сделать уже не успел, упал с камня как подкошенный. Это, скорее всего, была работа Кислого или Евтеева, находившихся над ними.

Душманы, поднимаясь, и ведя короткий огонь, побежали к спуску со скалы, где находились солдаты Бахтияра. И поэтому Игорь, шепча одну и ту же фразу: «Ребята, огонь! Ребята, огонь!», пытаясь ровнее держать ствол и сдерживая свою дрожь в руках в момент прицела и выстрела, вел непрерывный огонь одиночными выстрелами. Вытащив из автомата магазин, с закончившимися патронами, быстро перевернул его, и, вставив, надавил на курок. И снова от стыда, наверное, в очередной раз покраснел, и быстро спустив предохранитель и вогнав затвором в ствол очередной патрон, продолжил стрелять.

К сожалению, чтобы поразить очередную цель одного, а то и трех выстрелов было мало.

Перестрелка внизу закончилась. По тому, что душманы орали «Аллах акбар!», было понятно, что им удалось уничтожить группу Бахтияра.

- Тихо! – командовал Князев, и бойцы прекратили огонь. Игорь наблюдал за группой из троих душманов, тащащих за собой тело человека. Они что-то громко кричали. – О чем они говорят, Муса? – Игорь посмотрел на Мансурова.

- Похоже, они взяли какого-то афганского командира и тащат его к своему главарю, - прошептал таджик. – Только его зовут, товарища лейтенанта, этого не как говорила Бахтияра – Сарбуланда, а Парвиза.

- Парвиз? – переспросил Князев. – Где же вертолеты, а? – ударил он кулаком по камню.

- Ой, Кислая убила душмана, - вскрикнул Муса, показывая рукой вниз.

Корчившееся тело одного из той троицы душманов, тащившей убитого или раненого «афганского командира», увидел и лейтенант.

- Смернихин, мы можем спуститься туда? – указав рукою вниз, спросил Князев.

- Здесь справа, в шагах двадцати от нас есть трещина, вроде бы.

- Нет, это опасно, - помотал головою Игорь. – Ползи в ту сторону и поищи место, по которому можно спуститься.

- А тама, таварища лейтенанта, стрельба тозе кончилась, - прошептал в ухо Князеву Мансуров.

И только сейчас Князев обратил внимание на тишину.

- А вона и вертолета, - указал рукой в степь Мансуров.

Игорь начал искать в небе вертолеты, но нашел их не сразу, а вычислил их местонахождение только по нарастающему звуку. Две точки шли невысоко над степью.

Душманы тоже услышали приближающиеся к ним вертолеты и бросились в рассыпную с открытой местности, кто из них прятался в «зеленке», кто под скальными выступами. Тело того человека, которого несли, оставили лежать распластанным на широком камне, около убитого душмана.

- Товарищ лейтенант, я нашел место, где можно спуститься вниз. Только там три душмана лежат, спиной к нам, скорее всего, они прячутся от вертолетов. А может это не душманы?

- Давай бегом туда, - командовал Князев и, согнувшись, пошел за Смернихиным.

К счастью это место было недалеко. Три душмана, спрятавшись от приближающихся вертолетов за огромным каменным валуном, стояли к ним спиной и были хорошо видны. И что это были именно душманы, можно было понять по тому, что они целились из своего оружия в приближающиеся к ним воздушные цели. У одного из них был вроде бы гранатомет, а может и переносной зенитно-ракетный комплекс типа советской «Стрелы», или английских «Блоупайп» и «Джевелин». Что именно, Игорю трудно было рассмотреть, но этой цели он и не ставил сейчас перед собой, понимая, что душман мог в любую секунду сделать пуск ракеты или гранаты в приближающиеся вертолеты, и скомандовал:

- Коля, твой слева, мой – посерединке, Муса, твой справа. На счет три открываем огонь. Целься!

На всякий случай они сделали по два выстрела, душманы были убиты, и Князев, пропустив вперед сапера, двинулся за ним.

По усилившейся стрельбе, было понятно, что душманы, спрятавшиеся в деревьях и под камнями открыли огонь по вертолетам. Из-за этого «истребители» Ми-24 пролетели над ними без открытия огня. Но не ушли, а сделав небольшой круг над «зеленкой» и зайдя на «подолу» скалы со стороны ущелья, с небольшой высоты – метров ста, дали залп. Скорее всего, кто-то по радиации им указывал цели. Подумав об этом, Князев окриком остановил Смернихина, приказав ему спрятаться за выступами камня, чтобы летчики, грешным делом, не приняли их как душманов и не открыли по ним огня.

И - вовремя. Нурсы, посланные винтокрылыми машинами, взорвались рядом буквально в пятидесяти-сорока метрах от них, на самой подошве скалы и в «зеленке».

И только после того, как вертолеты ушли, Игорь начал быстро спускаться вниз.

- Товарищ лейтенант, они же сейчас вернутся, - остановил Князева Смернихин.

- Будьте здесь, сейчас вернусь, - ответил лейтенант и продолжил спускаться.

У тел убитых ими душманов, останавливаться не стал. Дым и пыль от взрывов, скопившиеся внизу, дали возможность Князеву скрытно передвигаться влево. Стон, раздававшийся под скалой, его также не останавливал, он торопился, приблизительно помня, где остался тот человек, которого несколько минут назад тащили душманы. И наткнулся прямо на него. Но, судя по одежде, это был не солдат афганской армии, а душман – в перхуане (длиннополой рубашке) и штанах, поэтому взглянув на его окровавленную голову, не усомнившись, что он мертв, Князев продолжил свой поиск. В пяти шагах от убитого, наткнулся еще на одно человеческое тело. Но это тоже был душман. Переступив через него, в метре, наконец, увидел того, кого искал. Этот парень был одет в форму оливкового цвета, которую носят военные афганской армии. Он был живым, его тело содрогалось от кашля или плача. Ухватив его за плечо, Игорь попытался перевернуть, но тот, сопротивляясь, начал громко что-то говорить.

- Ты, Бахтияр? – спросил Игорь, и тот, услышав это имя, резко повернул свое лицо к нему. Князев не ошибся. – Вставай, вставай, пошли! Бегом! – и помогая афганцу встать на ноги, подставив ему под руку свое плечо, потащил афганца с открытой местности к скале.

И только они успели приблизиться к ней, как пошла вторая огневая атака вертолетов, буквально чуть не накрывшая их...

Прикрывая собою дрожащее тело Бахтияра, Князев, вжимая свою голову в камень, закрыл глаза...

Глава 8. Капитан – кинозвезда

Боли в затылке Князев не почувствовал, как и той мощной воздушной волны, чуть не сломавшей ему шейные позвонки, бросив его тело на камни как мяч. Ударившись обо что-то твердое, Князев сознания не потерял. Да и ничего он не чувствовал кроме чего-то тяжелого, давящего ему на лицо, губы, нос. Что это, понял не сразу, только позже, услышав громкий шепот на ломанном русском языке:

- Молчать!

Игорь расслабил шею, и почувствовал облегчение. Но только физическое, на несколько секунд, а когда услышал афганскую речь, все тело снова напряглось. Правая рука, лежавшая под спиной, затекла. Что сжимала ладонь, вспомнил сразу, автомат, как и все остальное: почему он оказался здесь.

Разговор афганцев был почти рядом. Создавалось впечатление, что эти люди что-то или кого-то искали. Удалялись медленно, но ненадолго, снова голоса приближались. По голосу, это были другие люди, по шарканью ног, шли быстро. За ними – другие.

Чья-то ладонь, лежавшая на лице Игоря, а это была именно она, немножко поднялась вверх. Открытый ею свет был ровным, серым – это небо. Воздух по вкусу кислый, саднящий дыхание. Таким он становится после разрывов снарядов, догадался Князев, и приподняв немножко голову, осмотрелся. Кругом камни, дым, справа на него смотрело заросшее большой щетиной лицо Бахтияра. И вроде даже улыбалось.

- Вставяй, - прошептали его сухие, потрескавшиеся губы. – Няшя сарбоза...

Игорь, упершись на левый локоть, чуть-чуть приподнял свою голову, и, разжав правую ладонь, вытащил ее из-под спины. Перевернулся на живот, осмотрелся. А увидев выбегающих из кустарников людей, стал внимательнее всматриваться в них. Нет, все они были в форме, это афганские солдаты, бегущие и стреляющие. Кто-то из них падал, другие, приседая на колени и не прицеливаясь, давали короткие и длинные очереди из автоматов.

- Сарбоз! – стукнул Бахтияр по плечу Князева, и своей рукою заново начал сильно давить на плечо лейтенанта, заставляя его лечь на камни. И Князев поддался, понимая, что и сам сейчас невзначай может оказаться целью наступающих афганских солдат.

Вжавшись в камни, Князев замер, а вот Бахтияр напоминал из себя просыпающийся Везувий: трясся всем телом, вдавливая затылок Игоря, что-то ему беспрестанно шептал на своем дари в ухо. Очень хотелось врезать ему локтем по ребрам, чтобы хоть на некоторое время замолчал, да отодвинулся подальше от него, дав возможность ветру разогнать дым, этот неприятный кислый химический запах. Но, Князев был не в том свободном положении, как тело афганского капитана.

Наконец-то рука Бахтияра ослабла, но Игорь не торопился расслаблять тело, а оставался лежать и прислушиваться к происходящим вокруг них звукам. Переставший говорить капитан, похоже, всхлипывал. Плакал? Сдавлив губы, Князев плечом столкнул его руку со своего затылка и, напрягая под собой руки, чуть-чуть приподнялся и осмотрелся. Рядом никого.

Шорох, раздавшийся сзади, напугал, и он снова уткнулся подбородком в камень.

- Товарища лейтенанта, - голос Мусы снял напряжение и Князев обернулся.- Сержанта здесь. Ви зачем здесь?

И в этот же момент поднялся и Бахтияр.

- Ви спасала его? – спросил Муса.

- Мансуров, всех сюда. Всех, всех, бегом! – скомандовал Князев и, встав на одеревеневшие ноги, с трудом двигаясь, пошел за своим бойцом.

Мысль о том, проверить, какое оружие было у убитых ими несколько десятков минут назад душманов, целившихся в вертолет, возобладала. И это сделал не зря, гранатомет РПГ-7 был в хорошем рабочем состоянии. Вытащив из трубы реактивный снаряд, вставил его в сумку, находившуюся рядом, в которой лежали еще две гранаты.

Бахтияр, стоявший сзади Игоря, потянулся рукой к гранатомету, но Князев ее оттолкнул, мол, не заслужил.

- Где твой автомат? Где твои солдаты? Капитан, отвечай на мой вопрос!

Бахтияр, смотревший с испугом на лейтенанта, снова сломался, как игрушечный человек: его ноги затряслись, и он, упав на колени, обхватив руками голову, начал захлебываясь в слезах ему что-то говорить.

- Как ты меня заколебал! – сжимая зубы, со злостью высказался Князев.

- Товарищ лейтенант, потерь нет? - то ли спросил, то ли отрапортовал сержант Евтеев.

- Рад. Времени нет, идем до своих, - и больше не обращая внимания на афганского офицера, пошел в сторону ущелья. За ним двинулась и вся его группа.

- Товарища лейтенанта, я понесу гранатомета, - догнал командира Мансуров.

- Бери, - Князев, не замедляя шага, передал солдату сумку с выстрелами и гранатомет. – Сержант, передайте по радиации нашим - Сидорову, Востросину, там еще кому, что мы идем к ним.

- Зачем? – нагнал лейтенанта Евтеев, - вон они стоят и нас ждут.

- 2 –

Подав ладонь, Игорь, крепко ухватившись за руку бойца, взобрался на камень. Рука у младшего сержанта Николая Востросина была цепкой и сильной. Мельком, еще раз взглянув на его лицо, Князев снова вернулся к мысли, что сразу и не запомнить его. Никакой выделительной особенности на лице младшего сержанта, оно все, как и у всех покрыто слоем пыли с несколькими темными линиями ручейков от скатывающихся ручейков пота.

- Мы хотели к вам уже двинуться на помощь, - сказал он, глядя в глаза Князева.

- Глупо, - ответил лейтенант. – Когда не просят, не лезьте, - и уселся на камень. – У вас без потерь?

- Так точно, товарищ лейтенант. Повезло, афганская армия помогла, если бы не они. Мы уже пустые остались: по одному неполному магазину с патронами, несколько гранат.

- А где Сидоров со своими бойцами?

- Чуть выше нас, - и предложил лейтенанту флягу.

Князев вначале хотел отказаться от нее, но по весу поняв, что она полная, сделал несколько коротких глотков воды.

- Где набрали?

- Так под нами арык небольшой, туда уходит, - младший сержант махнул в сторону севера. - А там, - указав на скалу с другой стороны ущелья, - водопад небольшой.

- Много душманов было? – лейтенант посмотрел на Востросина.

- Трудно сказать сколько. Но наседали плотно. Человек десять из них точно убили. А когда передали по радиации нашим, помощи попросили, спасибо «первому», заставил афганский батальон идти к нам в помощь. А то спали, им похеру все...

- Точно? – лейтенант пытливо посмотрел на Востросина.

- Ну, не знаю, что еще сказать по этому поводу, товарищ лейтенант. Так стоят-то они огромной силой рядом, а мы здесь горсткой, перед такой ватагой душманов! – взорвался младший сержант. – Как Матросов!

- И долго?

- Товарищ лейтенант, ну, - Востросин махнул рукой. – Где-то в четыре часа сорок пять минут они полезли. Сначала услышал у вас перестрелку. Она отдаленная была, и где-то через полчаса стала приближаться к нам. Вы же там, я так понял, в бой вступили?

Князев в ответ кивнул головой. Сержант Евтеев, сидевший рядом с ним, молчал, что несколько удивляло лейтенанта. Вечно он любит вставлять свое слово, где нужно и не нужно, а здесь.

- Ну и, буквально, через, - Востросин на полуслове замолчал, замерев с полуоткрытым ртом, видно, подбирая подходящие слова, - ну, я не знаю. Может, минут через тридцать, может меньше, Воробей сказал, что душманы лезут. Ну и началось. Мы, в принципе, были готовы к этому, хотя рядом стоит два батальона афганских, по одному с той, и с этой стороны.

И знаете, товарищ лейтенант, - сплюнул младший сержант, - полезли на нас нагло так, как у себя дома.

- А где же еще они находятся, - наконец-то «проснулся» Евтеев.

- В полный рост шли. Ну, почти, - поправился Востросин. – Ну, мы и дали по ним! А потом еще вы приказали, чтобы поддержку вызвали.

- Товарищ лейтенант, «первый» вызывает вас, - доложил радист.

- «Первый», «первый», я «серая мышь». «Грачи» налетели, сарбозы помогли.

- «Серая мышь», и всем мышам приказываю выдвинуться в квадрат сорок три – восемь. Будьте готовы к встрече. Как прибудете, доложите.

- Есть! – и, сняв с себя наушники, Князев повернувшись к солдатам, найдя глазами Киселева, отдал приказ. - Передать всем нашим «мышам», срочно выдвигаться в квадрат сорок три – восемь. Погоди, - Князев удержал радиста за локоть, и, вытащив из потайного кармана завернутую в целлофан карту, развернув ее, начал искать интересующую его точку.

- Вот это место, - указал рукой Евтеев. – О, да здесь степь.

- Не путай, это квадрат сорок три, а нужная нам точка, - и мысленно раскладывая его на девять частей, определил ее восьмую часть, - вот здесь она находится, - и ткнул пальцем в неровную полосу реки. – Боец! – посмотрел он на радиста, включайся! – И глянув в глаза Евтеева, спросил. – Нам лучше всем двигаться по ущелью, ну, в смысле по дороге?

- Не знаю, - пожал плечами сержант. – Как бы нас за душман не принял тот афганский батальон.

- Кто у нас на краю в той части ущелья находится?

- Пехота.

- Тогда передай им об этом... Слышишь, радист? Передай, чтобы спустились и ждали нас. Мы должны незаметно просочиться через дорогу и по краю незаметно для «зеленых» двинуться к квадрату, какому не говори. Передавай.

Сухарь, зажатый в пальцах, лейтенант чуть не выкинул. Но вовремя глянул на него, и, бросив в рот, смачивая его слюной, сказал:

- Через пять минут спускаемся. Бахтияр, пойдешь с нами. Тебя вашим передавать не буду. Пусть это сделает наш командир. Переведи ему, Муса, - и, протянув афганскому капитану руку для рукопожатия, улыбнулся.

- 3 –

- Не так страшен волк, как его малюют, - сказал Евтеев, подавая лейтенанту бинокль.

Тот, рассматривая через его окуляры технику – боевые машины пехоты, танки, бронетранспортеры, занявшие круговую оборону, присвистнул.

- Как же они здесь оказались? – удивился лейтенант.

- Так обошли горы, через второе ущелье. Я сам не пойму, когда слушал канонаду сначала с нашей стороны, а потом, через два дня справа.

- Из танков, что ли палили? – спросил Князев.

- А вы левее посмотрите, там чуть дальше гаубицы самоходные стоят. «Гвоздики» и «катюши».

- Точно, - согласился с сержантом лейтенант. – Ну, тогда потихонечку пойдём, ползком. До них от нас еще с километр, если не больше.

- Так доложим сейчас по радиации и пойдём в полный рост, - предложил Евтеев.

- Не торопись в «двухсотые», - прошептал Князев. - Сзади нас горы, у душманов есть хорошие снайпера. Да и вокруг может где-то быть их засада. Кто знает, сколько здесь может быть кяризов. Тем более до кишлака того, что западнее, не больше двух километров.

К штабу полка группы Князева не подпустили метров на двести. Издалека были хорошо видны несколько ГАЗ-66, и небольшая группа людей, снующих перед ними.

- Телевидение приехало. Наше, - доложил часовой. И, взяв на перевес автомат, обернулся к офицеру спиной, ожидая ехавший в их сторону бронетранспортер.

С машины спрыгнул на землю молодой парень. Кто по званию, не определишь, так как на его комбинезоне, как и у всех, нет погон.

- Кто здесь лейтенант Князев? – громко спросил он.

- Я, - двинулся к нему Игорь.

- Я старший лейтенант Федорцов из политотдела полка, - пожал он руку Князеву. - А где ваш пленный?

- Бахтияр? Так он не пленный, а командир отряда коммандос. Мы его спасли от казни.

- Отлично, это то, что нужно. К командиру полка его срочно нужно доставить. Там телевидение с Союза прилетело, снимать его будет. А вы пока здесь расположитесь, только, чтобы вас не было видно оттуда. Телевизионщики так сказали. А он герой, расскажет, как они воюют. Все, все, товарищ лейтенант, у меня времени с кузькин нос, где он?

Князев подтолкнул вперед Бахтияра, сказав Мансурову, что бы тот все перевел, сказанное офицером, афганскому капитану.

- О, у вас еще и переводчик есть. Его забираю с собою. Все ребята, отдыхайте.

- У вас пожрать что-то есть? – спросил у старшего лейтенанта Евтеев.

- Сейчас, мужики, я мигом. – Солнцев, тащи сюда ящик консервов с кашей. И флягу воды давай. Чего там еще, сухарей, - и, взглянув на Князева, сказал, - пусть твои бойцы помогут флягу стащить из БТРа. Восемьдесят литров в ней. А то у меня механик-водитель после госпиталя, сам понимаешь. Ну, все, мужики, отдыхайте. Где наша кинозвезда, - и подхватив под локоть Бахтияра с Мансуровым, быстро забравшись с ними на броню, поехали в сторону штаба полка.

- Блин, подумать только, что с нами кинозвезда-а была! – засмеялся Евтеев. – Ну, что, товарищ лейтенант, кушать подано! Налетай, - и, взломав несколько досок на ящичке, вытащил из него консервную банку, покрытую замасленной бумагой, ножом быстро вскрыл ее и подал лейтенанту.

Глава 9. Шайтан

Мечта Игоря выспаться, так и осталась ею. А вместе с нею и сытный обед из консервов, подаренных старшим лейтенантом из политотдела, полчаса отдыха, вызов в штаб полка, где перед ним, Князевым и командирами батальонов и отдельных рот ставилась оперативная задача выдвинуться в такой-то регион...

Что говорить, оказывается та «кинозвезда» (Бахтияр), спасенная группой Князева от казни, со своим отрядом специального назначения пришел сюда не с афганским

полком, а из Панджшера, сопровождая большую группировку моджахедов – около двухсот человек. Судя по своей вооруженности: кроме стрелкового оружия, у них было не менее десятка комплектов ПЗРК, минометов и ДШК. Их цель выйти к Кабулу. Почему душманы пошли в столицу по такому дальнему пути, догадаться несложно: Чарикар – это открытая зона и воинские части советского контингента при поддержке авиации с артиллерией, могли при обнаружении их, быстро уничтожить.

Но все это догадки.

Взятые Бахтияром «языки» тоже не владели нужной информацией. А до Парвиза, полевого командира террористов, руки было не дотянуть, уж больно широко раскинул он свое продвижение в сторону Кундуза, разбив свою группировку на несколько частей. И судя по тому, как вели себя моджахеды в бою, это были опытные вояки. Но не менее важной была еще одна информация: часть группировок состояла из наемников. И скорее всего из Индокитая: Лаоса, Китая, Вьетнама, Камбоджи. Многие их бойцы, прекрасно владели единоборствами. Вторая часть наемников из Пакистана, Ирана, Ирака. Эти были «помягче».

Что обозначало это выражение, доведивший до офицеров эту справку представитель афганской контрразведки, не раскрыл. Трудно определить возраст этого человека, где-то от тридцати до сорока лет, и видно хорошо побитый жизнью. Так думал о нем не только Князев, но и многие другие присутствующие офицеры в полевом штабе – в полуоткрытой войсковой палатке, покрытой камуфляжной сеткой. И звание у него минимум как майор. Подсказкой этому служило уж больно уважительное отношение к нему их командира полка и начальника штаба. Плюс, этот афганский контрразведчик он был интеллигентен, голос вкрадчивый, приятный, с небольшой доброй улыбкой. Его лицо, выбритое начисто, лоснилось от пота. А большие черные усы, придавали его облику афганский шарм.

...Но все это было позади, и теперь перед разведывательным взводом Игоря Князева была поставлена задача: вернуться на свое старое место. Незаметно. В усиление ему приданы два взвода из первого батальона. С помощью них, он должен сделать засады у кяриза, найденного Мусой, и у прохода в низине скалы, по которой двигались душманы к ущелью.

«Хоть разорвись на несколько частей, – думал Князев, провожая один за другим уходящие вертолеты, скрывающиеся в восточной стороне гор. Но ему, находящемуся сейчас невдалеке от дороги, проходящей через ущелье, нужно было ждать колонну афганской армии, возвращающейся к федеральной дороге Кундуза. Поднятая машинами пыль и станет его рубашкой-невидимкой.

Теперь Игорю стала понятной эта хитрость командования. Нужно обмануть душманов, показав, что войсковая операция в этом регионе закончена. Именно это может ввести их в заблуждение, чтобы продолжить свой намеченный путь к Кабулу.

Их полковая боевая техника тоже собиралась в дорогу: колонна выстраивалась в несколько линий и потихонечку выдвигалась к общей дороге. По легенде, план войсковой операции должен остаться тем же, афганские и советские войска должны перейти к выполнению ее второго этапа: выдвинуться в восточную часть провинции и уничтожить группировку террористов, закрепившуюся там.

- Все, товарищ лейтенант, пришли минометчики, - доложил Князеву подползший сержант Евтеев. – Два расчета.

- И здесь сэкономили, - сжав губы, ругнулся Князев и посмотрел на командира взвода, приданного ему для усиления. – Давай так, у кяриза тебе миномет не нужен. Ты будешь находиться не то что в открытой местности, но и в высокой траве. Твоя задача не дать душманам войти в кяриз, и выйти из него. За ночь там окопаешься, займешь круговую оборону. Это необходимо, так как с одной стороны - горы, с другой – «зеленка» и степь. Главное, чтобы они ее не подожгли.

Мы вас прикроем сверху, тем же минометом. Мой позывной – «серая мышь». Ваша, товарищ лейтенант – «рыжая мышь». Ваша, товарищ старшина, - повернулся он к командиру второго приданного ему взвода, - «белая мышь». Вы будете находиться над тропкой под скалой у самого ущелья. Там тоже полно сложностей, так как вы не должны будете пропустить душман ни в «зеленку», ни в степь, и ни к себе. Со скал я вас прикрою. У вас тоже, как и меня будет минометный расчет и гранатометчик. У вас, товарищ лейтенант ручной и ротный пулемет. Понятно?

Тот в ответ кивнул головой, сказав:

- Не впервой, разберемся.

Что удивляло Игоря, никто из командиров взводов лишних вопросов ему не задавал, и не оспаривал задачи, поставленные им, еще зеленым воякой. Что говорить, у каждого из них минимум, как год службы в Афганистане. Точно, сколько они находятся здесь, он не знал, как и их самих. Но, судя по их поведению и спокойствию, догадывался, что перед ним достаточно опытные командиры.

- 2 –

Поле боя было не убраным, что вдвойне раздражало Князева. Тела убитых людей лежали везде. О чем это говорило? А о том, что афганский батальон не собрал своих убитых бойцов, как и душманы. Выходит, здесь могут остаться и раненые. Но проверять, так ли это, ему, лейтенанту Князеву никто не давал право, так как он обязан быть невидимым. Взводы старшины и лейтенанта уже заняли свои места. Их проводили младший сержант Востросин и рядовой Мансуров. Николай уже вернулся, его встретил Смернихин, а вот Мансуров что-то задерживался.

Покусывая губу, Князев всматривался в степь, ища точку – идущего по степи Мусу. Потом внимательно осмотрел проход между скалой и «зеленкой». Единственное, что успокаивало, не было слышно стрельбы, а значит, взвод «рыжей мыши» лейтенанта Иванова не встретил на своем пути душманов. Если бы попал в их засаду, то хоть один из его бойцов успел бы нажать на спусковой крючок автомата и этот выстрел Игорь или кто-то из его бойцов обязательно услышали бы. Но кругом была тишина.

- Товарищ лейтенант, - подполз к Князеву сержант Евтеев, - группу младшего сержанта Востросина расположил на том месте, где душманы хотели казнить солдат Бахтияра, а бойцы Сидорова под нами, где я с Кислым и Киселем утром в засаде сидел.

- Молодцы! Мансуров где-то запропастился, - с дрожью в голосе прошептал лейтенант. - Солнце уже вот-вот сядет.

- Может, он увидел что-то, - предположил Евтеев.
- И взвод Иванова молчит, который он отводил к кяризу.
- Это плохо? - спросил Евтеев.
- Кто его знает, - пожал плечами Князев. - Как вы думаете, товарищ сержант, их можно взять тихо, без выстрелов?

- Кого? Вы имеете ввиду душманам наших? – переспросил Евтеев. – Наверяд-ли.
- А где же, спрашивается, тогда находится Мансуров? Слишком долго ходит, – вздохнул лейтенант, и тут же увидев что-то вдали, похлопал сержанта по руке, прося внимания.

То, что увидел он, было новым предметом на проходе между скалой и порослью. Приложившись к окулярам бинокля, лейтенант стал регулировать резкость. Да, не ошибся, это были три всадника на конях. Рядом с ними шли три афганца с автоматами наперевес.

- Душманский дозор, похоже, - и, указав пальцем Евтееву, куда смотреть, подал ему бинокль.

- Похоже, дозорные, - всматриваясь в указанное место, согласился с лейтенантом сержант. – Вон прошли лежащее тело убитого, даже не посмотрели на него. А ведь он ихний душман. Ночью, скорее всего, пройдут здесь толпой. Сейчас, видно, решили удостовериться, что здесь никого нет, войска ведь ушли. Вот это и проверяют.

– Хоть бы бойцы Сидорова не бабахнули по ним сейчас, - прошептал Князев.

- А может, мы их расстреляем сами, пропустим чуть вперед и... А, товарищ лейтенант? – предложил Евтеев. – Тогда душманы не пойдут сюда, это точно. А? Ведь представьте себе, что мы сделаем, если их несколько сотен здесь будет идти ночью? Стрелять куда попало и все. Бахтияр же говорил, что в душманском отряде, за которым он шел, было минимум двести человек. Ну, положим мы с вами с десятка два их прихлопнем, а они нас из своих минометов и ДШК в фарш превратят.

Игорь не ответил, молча, продолжал всматриваться в бинокль на приближающихся к ним душманов. До этого дозора оставалось на глаз - метров сто. А то, что это и есть душманы, а не дехкане из ближайшего кишлака, он не сомневался. Те бы среди убитых или выискивали своих соседей, или бы собирали всех мертвых, чтобы захоронить.

Но всадники с пешими людьми не останавливались около тел убитых, а ехали, не обращая на них никакого внимания, держа автоматы на плече.

Когда они уже почти поравнялись с местом засады взвода Князева, под одним из всадников конь заходил ходуном со стороны в сторону, наверное, испугался чего-то. Всадник, пытаясь его остановить, натянув на себя вожжи. Но конь, не поддаваясь ему, заржал, и резко развернувшись, галопом поскакал назад. За ним поскакали и два других всадника вдогонку. Пешие люди, тоже без оглядки побежали за ними.

- Тихо, тихо, - успокаивал себя или сержанта Князев. – Что их могло вспугнуть? Как думаете?

- Н-не знаю, товарищ лейтенант - ответил Евтеев. – Может змея, может трупный запах. Там одного из убитых, от жары так раздуло, как шар стал, вот-вот лопнет. Фу-у, - скривился сержант. - Как вспомню, до сих пор воротит

- Да, да, видел, - вспомнил лейтенант.

- Видно лопнул, и лошадь испугалась. Нет, товарищ лейтенант, нужно было в них стрелять.

- Струсил? – неожиданно для себя вырвалось у Князева.

- Да, что вы говорите, товарищ лейтенант!? Да это я так предложил вам, как один из вариантов, – смутился Евтеев. И больше не зная, что еще сказать лейтенанту в свое оправдание, пополз в сторону бойцов.

«Может ты и прав, сержант, нужно было в них стрелять, - вздохнул лейтенант, - тогда навряд ли их банда сунется сюда. А теперь, кто знает, что нас ждет впереди, - сплюнул в сторону Игоря. – Нужно, как говорит Евтеев, срочно, пока солнце не село, растянуть под нами растяжки».

- Ефрейтор Смернихин, - позвал лейтенант к себе сапера. – Пока есть время, возьмите пару бойцов, а лучше сержанта Евтеева, товарищ сержант, слышите меня? Спуститесь со Смернихиным и расставьте там на проходе растяжки, сколько, как посчитаете нужным. Несколько с гранатами, две-три со световыми ракетами.

- Хорошо, - ответил Евтеев. – То есть, разрешите исполнять, товарищ лейтенант? – с жесткостью в голосе спросил сержант.

- Выполняйте, - а сам про себя подумал «Ну, поиздевайтесь, поиздевайтесь, если вам легче станет, сержант», - продолжая в бинокль рассматривать то место, где скрылись всадники.

Пешие люди от них значительно отстали. Только теперь их было не три человека, а семеро.

«Вот тебе и на, как же мы это их проморгали?», - ударил кулаком по камню Князев.

- А вот и наш Муса вернулся, товарищ лейтенант, - отвлек внимание Игоря рядовой Киселев.

Лейтенант посмотрел в сторону, куда указывал рукой снайпер. Мансуров, подняв руку и махая ей, замер под каменным выступом. Его хорошо было видно, но что удивляло, как сержант Евтеев с солдатом, прошедший рядом с ним, его не заметил.

- Поднимайся, Муса, - помахал ему рукой, громко шепча Киселев. – Ну, что стоишь? Давай быстрее беги сюда.

И тот, увидев высунувшегося Киселева, обрадовавшись, начал быстро подниматься к ним.

- Товарища лейтенанта, я прибыла, - доложил Муса. В его дрожащем голосе чувствовалась нервозность. – Товарища лейтенанта...

- Ч-ч-чь, - приложил палец к губам Князев, - ползи сюда, что с далека кричишь?

Глядя в большие глаза Мансурова, Князев словно читал в них его испуг.

- Докладывай, довел группу лейтенанта к кяризу?

- Так точно, товарища лейтенанта. Довела. Товарища лейтенанта, тама засыпана ветками.

- Что засыпано, кяриз? Вход в него?

- Да, да, товарища лейтенанта, кяриза засыпана ветками. Лейтенанта тама оборону заняла.

- Что тебя так напугало, боец? – глядя в глаза Мансурова, спросил Князев.

- Тама душмана ехала.

- На лошадях?
- Да, да, товарища лейтенанта.
- Они тебя увидели, когда испугались? – Князев не отводил своего взгляда с лица солдата.

- Нета, нета, - замотал головой Мансуров. – Я не знаю чего, товарища лейтенанта. Может, запаха. Там воняло так сильно, - он, зажмурив глаза, пальцами сдавил нос.

- Они, душманы, рядом с тобою были?
- Нета, нета, товарища лейтенанта. Я далеко был, в кустах.
- Что же их там напугало, Муса, знаешь? - спросил Князев. – Ну, что испугало их, что глазами своими блымкаешь? Ну?

Мансуров опустил глаза, будто что-то ища на камне, а потом, исподлобья посмотрев на командира, сказал:

- Тама Бахтияра лежала.
- Что? – удивился лейтенант.
- Да, сама Бахтияра. Она лежала.
- Не понял. Он же вроде оставался в афганской части, - сморщив лоб, лейтенант пытался что-то вспомнить.

- Да, товарища лейтенанта, и была одета в перхуан и васкате.
- В чем это? – недоуменно посмотрел на таджика офицер.
- Ну, ну, - Муса затряс руками, словно помогая этим себе найти подходящее слово.
– А, рубаха, такая, перхуан, длинная до сюда, - и ткнул себе по колену, - и куртка.

- Может, это был похожий на него человек? Муса, ты обозначился, наверное? – не сводя своего взгляда с глаз Мансурова, спросил Князев.

- Нета, товарища лейтенанта, это была Бахтияра. Сама Бахтияра. У него здесь вот, - и провел ребром своей ладони себе по лбу и брови, - разрезано так.

- Шрам?
- Да, да, товарища лейтенанта, шрама. У него глаза моргали. Она на меня смотрела. А когда душманы поехала назад, она обернулся, и смотрела на них.

- И что ты сделал? – торопил дрожащего Мусу Киселев, сидевший с лейтенантом рядом.

- Шайтана это! Шайтана. Я испугалась и побежала назад. А потом хотела вернуться и убить Бахтияра. Это шайтана, это она стала Бахтияром, товарища лейтенанта. Она шайтана!

- И убил его?
- Тама, не было его больша, - тыкая указательным пальцем вниз, громко шептал Муса. – Больша не было его, и других убитых тоже. Шайтан их забрал в ад. Это шайтана была, я вам говорила!

- Как так, не было? – схватив бинокль и немножко высунувшись наружу, Князев стал всматриваться вниз. – Не понял, Муса! – громко вскрикнул он, и, взявшись обеими руками за бинокль, стал указательным пальцем крутить на нем колесико, настраивающее резкость. – Блин, здесь же под нами куча трупов лежала, - и, посмотрев на Киселя, подозвал его к краю скалы, чтобы и тот посмотрел вниз.

- Точно, - через минуту доложил снайпер, - под нами лежало восемь человек, теперь только один, нет – два, - и с удивлением посмотрел на командира. – Я всех, кто лежал там, посчитал, товарищ лейтенант.

- Зачем? – невольно вырвался вопрос у Князева.

- Так нужно знать все, что вокруг нас находится. А вдруг лишний труп появится? А это не труп, это душманский снайпер может быть, или разведчик.

- А кто? - пытаюсь понять, о чем ему сейчас втолковывает снайпер, спросил Князев.

- Ну, это же могут ползти сюда душманы и прикидываться убитыми, чтобы потом неожиданно напасть на нас, - прошептал рядовой Киселев.

- А, понял, - лейтенант, кивнув головой, наконец, понял, о чем ему втолковывает солдат. – Так кто же это был, и куда они делись, вот в чем вопрос. Сейчас же наши ребята наткнутся на них.

- Или они к нам ползут, - предположил еще один вариант Киселев.

- Это шайтана! – не унимался Муса.

- Нужно срочно остановить сапера с сержантом, - обернулся к Киселю лейтенант. – Камень есть какой-нибудь, ищите, - помогая солдатам искать вокруг себя, - или гранату без запала. Хотя нельзя этого делать. А может, может, - и, ухватив Мусу, находившегося рядом, скомандовал ему, - дай свою гранату.

- Зачем? – не понял Мансуров.

- Вместо камня бросим ее. Выкрути из нее запал. Ну!

- Это шайтана!

- Стоп, стоп, товарищ лейтенант, сержант уже внизу, - и вскинув свою винтовку, и, припав к прицелу, стал всматриваться в него снайпер.

Лейтенант тоже через бинокль смотрел вниз, и вдруг, резко сдвинувшись назад, облокотившись на правый локоть, начал смотреть на южную часть прохода, откуда полчаса назад появились всадники.

- Никого, - сказал лейтенант.

- О, товарищ лейтенант, внимание! Душманы, - доложил Киселев.

- Где, - обернувшись к солдату, Князев припал к биноклю и стал искать душманов, которых увидел снайпер. – Где они?

- Бросайте гранату.

- Там же сержант с сапером? – возмутился лейтенант, смотря надвигающихся внизу на проходе двух человек.

- Нет, они в метрах пятидесяти от них. Вон, у кустарника душман лежит. Сейчас я его, - и прицелившись, замер.

Игорь, отметив, что на ствол винтовки Киселя надет глушитель, шепнул:

- Стреляй!

И в этот же момент ствол винтовки резко дернулся, а за ним раздался громкий хлопок.

- Все, только дернулся, - доложил Киселев. – Так и остался лежать.

Исчезли с прохода и Евтеев с сапером Смернихиным.

- Товарищ лейтенант, вроде я знаю, кто были шайтанами, - увидев приближающихся к ним сержанта с сапером, сказал снайпер. – Это был настоящий Бахтияр со своими солдатами.

- Думаешь, они прикинулись мертвецами? А зачем? – пытался понять предположение рядового Киселя Князев. – Я тоже так подумал, боец. А тот душман, в которого вы стреляли, как себя «чувствовал» при попадании пули?

- Похоже, товарищ лейтенант, он был уже мертвым. Моя пуля попала не в живое тело...

- Бойцы, я вам еще раз напоминаю, - громко шептал Князев, - наша задача не останавливать душманов здесь в проходе, если они пойдут сюда. Мы должны им не дать бежать в горы и в степь, и держать, пока их не окружат афганские войска. Они должны быть вокруг нас и в зеленке, и в том месте, где хотели казнить бахтияровских командос.

- Так я это поняла, товарища лейтенанта. Но она воняла, она была убита! И глаза открыла, - Муса испуганно смотрел на офицера. И глядя на него, было видно, что Муса верил тому, с чем встретился. Он – верил!

- Шайтан! – ухмыльнувшись, помотал головой Князев.

Именно ухмыльнувшись, а не улыгнувшись. И почувствовал неприятный сырой холодок, почему-то появившийся под грудью, сковывающий дрожью тело, и ползущий вверх, через спину к затылку.

И только сейчас лейтенант обратил внимание на сумрак, спускающийся в горы и еле видные на горизонте, красные всполохи прячущегося за горами солнца.

Дрожь, охватившую тело, нужно было погасить. Нет, она появилась не из-за испуга. Нет, нет, он понимал, что то, что увидел Муса, это не может быть потусторонней силой, а всего лишь видением солдата. Но этот испуг Мансурова, вдруг стал приобретать какую-то огромную силу, превращаясь в холодную змею, проникшую сквозь плотную материю комбинезона к груди, и сжимал ее, как мокрая тряпка, накинутая кем-то на его разгоряченное тело. И эта ожившая тряпка, как змея, ползла выше, через спину к подмышкам... И тело все сильнее и сильнее дрожало от ее ледяного ползущего холода по краям кожных нервов, которые тут же передавали это неприятное чувство всему организму, до самых пальцев ног, икрыных мышц.

И тут же вспомнился тот случай, когда он, помогая своему сержанту Каплину нести тело убитого солдата, споткнулся от усталости, и уронил его на камни. То, что произошло после этого, его чуть не свело с ума. Он, подняв глаза на убитого, увидел, как рука этого солдата начала изгибаться в локте, тело - в спине, нижняя челюсть – упала, оголяя его зубы в открытом рту. И веки опустились, он смотрел на него...

- Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, - рука этого мертвеца схватила Игоря за грудь, и, начала пробираться к его горлу. Но Князев вовремя прижал нижнюю челюсть к груди, не давая ей пробраться до его кадыка и начал отползать назад.

И при этом он ни как не мог рассмотреть лица мертвого солдата, а только ощущал его, как оно, оскалив зубы, готовится ими вцепиться ему в шею.

- Шайтана! – кричал Муса.

И, вырвавшись из цепких рук мертвеца, лейтенант с силою оттолкнул его тело от себя и... открыл глаза.

Вокруг ночь. Из-за холода, забравшегося ему под одежду, знобило все тело. И только сейчас Игорь, приходя в себя, стал понимать, что все, что он видел, было во сне.

- Шайтана! Шайтана! – тряся его тело, шептал Муса. – Собака скулила. Тама, тама, товарища лейтенанта, собака скулила. Много собака скулила Шайтана их ест.

В той стороне, куда показывал Мансуров, была степь. Ранний рассвет еще только набирал свои световые силы, нужно только набраться терпения...

- Далеко?

- Что, товарища лейтенанта? – не понял Муса.

- Скулила собака далеко отсюда?

- А, далеко. Слушаю я. Там собака скулили, убили ее. Потом другая, третья скулила.

- Может это волки на собак напали, или шакалы, или змея их покусала? – предположил рядом лежавший Смернихин.

- Нета, - сказал Муса, - одна долго не визжала, а быстро, раз и все. Другая два раза визгала. А другая визжала и бежала, а потом все.

- А выстрела не слышал?

- Нета, товарища лейтенанта. Три собака лаяла, а потом визжала, и все.

- Так выстрела ты не слышал, Мансуров? – еще раз переспросил лейтенант.

- Я не слышал, - ответил сапер. – Меня Муса разбудил раньше на пять минут. Далеко гавкала собака, а потом взвизгнула и все.

- А почему думаешь, что их, собак, убили? – Достав флягу и, сделав небольшой поток воды, Игорь выплюнул ее себе на ладонь и растер ей лицо.

- Это шайтана! – прошептал Муса.

Глава 10. В клещах

В середине светлеющего поля появилось длинное темное пятно. Всматриваясь в него через бинокль, Игорь увидел людей, идущими по пояс в траве вместе с навьюченными животными – лошадьми, ишаками, верблюдами.

Интересно получается, люди идут не по проселочной дороге, которая тянется прямо от кишлака через поле и «зеленку» к основной дороге, а в косую, через поле в сторону гор и ущелья. Идут через поле, с которого дехканин еще не собрал урожай – рожь. Что их заставило так сделать? Боязнь, что та кишлачная дорога может быть заминирована? Или на ней расположились афганские войска или душманская банда? А дехканам нужно сохранить свой товар, который они везут на продажу в город.

Именно так подумал Князев, когда в бинокль рассмотрел на горбе первого верблюда корзины с мешками.

Наконец-то по рации откликнулась «рыжая мышь» - лейтенант, находившийся со своим взводом у кяриза.

- Дай мне наушники, - выдернул их с ушей радиста Князев. – «Серая мышь» слушает.

- В полночь кто-то пытался пролезть изнутри из кяриза. Часовой нечаянно пугнул их криком. Больше не лезли.

- Оставайся на месте, готовься к бою. По степи из кишлака в мою сторону идут дехкане, и может быть с душманами, уж больно их много, человек около ста, если не больше. Если завяжется бой, они могут кинуться к кяризу. Готовься.

Дрожь в руках говорила о волнении. Игорь, чтобы взять себя в руки, сжал несколько раз кулаки, а после, передав бинокль Смернихину, сказал:

- Впереди идут пацанята со стариками. Что делать, понимаешь? Пока они не вышли под скалу, нужно снять растяжки. А они, скорее всего, идут именно в эту сторону, чтобы по ущелью направиться в город.

- Вижу, все понял, товарищ лейтенант, - сказал ефрейтор. – Разрешите выполнять?

- Стоп! Сержант Евтеев, вы опять с ним пойдете. Будьте внимательны, не задерживайтесь там. Кто его знает, что нас ждет.

Куда пойдет дальше караван, вот в чем вопрос. Лучше бы конечно спуститься ниже и наблюдать за его продвижением с наименьшей высоты. Это даст возможность понять, почему он такой большой. В кишлаке, судя по рассказу бачатки, которого несколько дней назад спасли в зеленке от растяжки, этот населенный пункт небольшой, около двухсот человек. Вот и спрашивается, зачем в таком количестве мужчинам с детьми нужно идти в город? А в том, что это именно мужчины, вопросов нет, у местного населения всеми вопросами вне кишлака занимаются мужчины, женщины – сидят дома.

Нет, не верилось, что этот караван пойдет в горы. Хотя это вполне может быть, если им руководят душманы. Они, прикрывшись детьми и стариками, чувствуют себя безопаснее. И вчерашние всадники – это, скорее всего, тоже были душманы. Но что заставило их вернуться, если поддались испугу лошадей.

Канонада артиллерии, грянувшая на востоке, говорила о начале новой войсковой операции. Интересно, слова Бахтияра подтвердились, что это крупный душманский отряд находится здесь? Подумать только, сколько лезет сюда этой нечести - террористов из того же Пакистана, Ирана, в эту бедную страну.

Как говорил один из афганских стариков в Дехсабзе, вера ислама здесь скоро совсем перемешается с другими верами: буддистами, католиками, аяявари, не говоря уже о разных сектах в исламе. Но самая страшная из них – это рабы денег и насилия, которых в Афганистане становится больше и больше, и им все равно кого убивать за них – ханум, бача, аксакала или муллу, имама или дервиша.

Игорь покачал головой и, приподняв бинокль, продолжал изучать толпу людей, шедшую из кишлака в их сторону.

- Киселев.

- Я, товарищ лейтенант, - откликнулся радист.

- Передайте «белой мыши», чтобы ждали караван. Он вполне может направиться к ним. Впереди идет местное население, а в середине, скорее всего душманы. Они будут идти к ним через нас. Пусть освободят проход и поднимутся выше на скалу и без моего разрешения не открывают огонь. Выполняйте.

Яркий солнечный полукруг появился над скальным хребтом. Как не хотелось лейтенанту спуститься вниз метров на пятьдесят, как говорится, чтобы заглянуть в лицо каждому человеку, но удерживал себя от этого поступка, понимая, что караван может двинуться совсем в другую сторону от ущелья. А если нет, то только тогда ему нужно будет в оперативном порядке спуститься к своему отделению, оставив здесь только минометный расчет.

Караван, перейдя узкую зону кустарника, вышел под скалу. С трехсот метров, приблизительно на таком расстоянии они были друг от друга, не услышать, о чем переговариваются люди. А если Мусу к ним отправить? Но эти триста метров - прямая зона, которую можно преодолеть только на крыльях, чего у людей нет. А если спускаться по скальной стене и двигаться к ним, то это не менее километра. Будет потрачено и время, которое в нужную минуту не остановить.

«Главное не торопиться, а если торопиться, то не спеша», - оценил эту мысль Князев, словами одного из своих училищных преподавателей по тактической подготовке.

- Всем на стволы надеть глушители, и приготовиться к бою.

- Мой уже разрушился, - ответил лейтенанту Киселев.

- И мой...

- И мой... - еще раздалось несколько голосов солдат.

«И мой глушитель, в принципе тоже на ладан дышит», - согласился с солдатами про себя лейтенант.

Группа людей – около пятидесяти человек с десятком лошадей и верблюдов отсоединилась от остановившегося каравана и двинулась в сторону ущелья. Солнце еще держалось на востоке, что позволяло пользоваться биноклем, на стекла которого еще не попадали солнечные лучи.

Впереди мини-каравана шли люди без оружия.

- Стариков с детьми пустили вперед, - слова радиста подтвердил и Князев, рассматривая в середине идущей толпы людей с оружием. На крупе одной из лошадей был привязан крупнокалиберный пулемет. И не на одной, а на двух, шедших посередине каравана.

Игорь понимал, что если они сейчас откроют по душманам огонь, то те, отстреливаясь, уничтожат и дехкан с детьми, за спины которых прячутся.

Удалившись от каравана метров на тридцать, эта группа остановилась. Что стало причиной этому? Похоже, душманы из мини-каравана побоялись идти к ущелью такой маленькой группой, и требовали идти вместе. К такому выводу пришел Князев, увидев выехавшие из большого каравана к маленькому нескольким всадников. Один из них, вскинув автомат, дал несколько коротких очередей по людям.

- Своих бабахнули. Трех убили, - доложил Князеву снайпер.

- Может быть и дехкан, - предположил лейтенант.

Но ответа на этот вопрос он так и не успел получить, так как два всадника начали бить плетями стоявших лошадей с мулами и верблюдами, и те, давя людей, ринулись в сторону ущелья.

- Муса, как поравняются с нами, крикнешь дехканам, чтобы убежали в «зеленку». И передай сержанту Сидорову, чтобы после этого они открыли по душманам огонь. По душманам, понял? После того, как люди разбегутся, ты понял? Не по дехканам с детьми, а душманам. Встретишь Евтеева, он старшим будет там. Понял, Мансуров? Передашь ему мой приказ! Беги.

- Я поняла, поняла, товарищ лейтенанта, - и Муса тут же исчез на фоне темно-серой скальной стены.

Игорь, сдавив до боли кулаки, всматривался вниз.

- Товарищ лейтенант, смотрите, смотрите! – зашептал снайпер.

Приложив окуляры бинокля к глазам, Князев никак не мог понять, что заинтересовало рядового Кислова в этой толпе быстро идущих людей.

- Что вы там увидели? – через несколько секунд спросил у снайпера Игорь.

- Так, товарищ лейтенант, вон тот мальчишка, что впереди бежит, это не тот ли бача, которого мы спасли в «зеленке»?

- Плохо вижу его лицо, - признался Князев.

Но толпа людей снова остановилась.

Всадники, скачущие по бокам толпы, снова стали махать своими плетками, и бить людей, заставляя их идти. И толпа снова двинулась.

- Товарищ лейтенант, а заметьте, среди них только несколько лошадей. И все. Идут налегке.

- Да, да, - согласился с солдатом Игорь, рассматривая идущих людей в бинокль. Сколько среди них душманов?

- Те, что на лошадях, это точно душманы. А так серая масса людей, трудно понять кто из них кто. Ну, может посередине еще несколько человек идут, может и больше.

- Почему так решил? – спросил Князев.

- Да потому что те люди, которые идут впереди, постоянно оглядываются, то медленно, то быстро идут, будто их кто-то заставляет.

- Хм, точно, - согласился с солдатом лейтенант. - Я только одного не понимаю, душманы что, тупые? Такой толпой, по открытой местности передвигаются. И выругавшись про себя, обернулся к радисту. – Настраивайте рацию.

- Она уже подготовлена, товарищ лейтенант, - ответил тут же Киселев.

- Соединяй с «первым», - и, придвинувшись к нему поближе, надев наушники, продолжил. - Первый, первый, я серая мышь. К ущелью через меня идет караван с душманами, гонят впереди себя население.

- Понял, понял, серая мышь, - сразу же ответил кто-то. – Пропустите их...

Расслышать последнюю фразу Князев не успел, его отвлекли крики афганцев внизу. И передав наушники радисту, стал наблюдать за происходящим.

Из толпы приблизившегося к ним каравана в сторону зарослей бросились люди, и тут же открылась стрельба. Это работа Евтеева с отделением младшего сержанта Сидорова, догадался он. Удивившись, что так быстро мог туда спуститься Муса. И, отложив в сторону автомат, продолжал в бинокль наблюдать за складывающейся внизу ситуацией.

Лошади были убиты вместе с всадниками и душманами.

- Товарищ лейтенант, можно открыть по ним огонь? – спросил снайпер.

- Да уже поздно, - и тут же, обернувшись к рядовому Кислову, замахал рукой. - Не торопись. Не торопись, боец. Вон, где наша проблема, - сказал лейтенант, указав солдату на «проснувшийся Везувий» в массе застывшего вдали от них большого каравана. Он заходил, забурлил, внутри его началась стрельба, перемешанная с криками людей. – Что мы натворили! – ударил по прикладу кулаком лейтенант.

- Так давайте мы сейчас по ним из миномета шарахнем, - не унимался снайпер.

- Да ты что, дурак? – сорвался Князев. – Там же дехкане! Они и так уже кончают их. Еклмн! – и, не зная, что делать, Игорь, ударив кулаком по камню, сдерживая себя, продолжал наблюдать за массой людей и животных бегущих по степи.

- Товарищ лейтенант! – закричал радист, - «Белая мышь» передает, что с их стороны на душманов вышла группа царандоевцев. Это они открыли огонь по душманам.

- Слушай сержант, минометчик. Слушай, если сейчас душманы ринутся в проход между скалами, сможете по ним ударить?

Длинный сержант, командир минометного расчета, держа на весу блин опорной плиты, закивал головой:

- Так точно, товарищ лейтенант.

- Точно? - не отводя с него взгляда, спросил Князев. – Смотри, там на том подъеме наш взвод сидит, по прямой в метрах семистах. Не накроешь их?

- Так мы аккуратненько, товарищ лейтенант, как баскетбольный мяч в корзину положим. Здесь до центра этого прохода, о котором вы говорите, двести тридцать – двести пятьдесят метров.

-Тогда готовьтесь, сержант. Только по степи не вздумайте ударить, там дехкане с детьми и стариками прячутся!

- Я понял все, я понял все, товарищ лейтенант, - кричал сержант, помогая своим бойцам из расчета устанавливать миномет.

- А может, сначала туда пару мин положим, товарищ лейтенант? А то душманы по людям, бегущим по степи, стреляют.

- 2 –

Первая мина легла чуть левее, на вершине горы. По поднятой пыли Игорь понял, что после взрыва там начался камнепад, из-за чего толпа душманов сразу же отхлынула от скалы.

Вторая мина легла там, где нужно. Поднятая пыль после камнепада и взрыва, подхваченная ветром, уже не давала возможности лейтенанту четко определить последующие действия банды душманов. Часть из них ринулась в степь, вторая – в их сторону, к ущелью, где находилась засада Князева, третья – по проходу в скалы.

- Сержант, как тебя там, Александр... - орал лейтенант.

- Федотов я, - вставляя в ствол следующий снаряд, кричал в ответ минометчик.

Но Игорь не слыша его, продолжал:

- Дай по проходу, сюда, между скал...

А сам, ринулся вперед, к левой части скалы, на которой находился его взвод, и что-то вспомнив, оглянувшись, услышав хлопок выстрела из миномета, и, зажав руками уши, смотрел на солдат, смотревшим со скалы вниз. И потом, будто выискав кого-то глазами, крикнул. - Киселев с пулеметчиком, за мной! А вы чего сидите, огонь! Огонь по душманам!

Лавина банды моджахедов, бросившаяся в сторону ущелья, вдруг резко сменила свое «течение» и, повернув назад и налево, поползла вверх, в сторону скал, где находился взвод поддержки разведчиков.

Князев, расположившись на краю скалы, прекрасно понимал, что он тремя стволами не остановит эту банду, ползущую к нему вверх и огрызающуюся огнем.

Взрыв, раздавшийся внутри «потока», раскидал часть людей в разные стороны. Но он никого не остановил. Пулеметчик, давший несколько коротких очередей, замолчал. Скорее всего, его стрелок ищет более удобное место для ведения огня по наступающим душманам.

Игорь, выбирая цели, нажимал и нажимал на курок, давая короткие очереди, понимая, что они навряд ли достигали целей. Но, на данный момент этого и не требовалось, как остановить врага.

Автомат замолчал, в магазине закончились патроны. Сменил его.

Громкие щелчки, раздавшиеся где-то совсем рядом, заставили Игоря убраться с края скалы назад, потащив за собой за локоть пулеметчика. И взглянув на него, вздрогнул: лицо Константинова было окровавленным. А огромные голубые глаза, смотревшие на лейтенанта, так и замерли.

- Ты чего?

- Не стреляет, - трясущейся рукой он поднял приклад пулемета.

- Так патроны кончились у тебя, слышишь? Вставляй новую ленту. Ну!

- Что? – не понял солдат.

- Тебя ранило?

- А-а, нет, - замотал тот головой, - это камнями.

Князев, отцепив на поясе солдата с пулеметной ленты скобу, скреплявшую ее, и потянув ее на себя, помог пулеметчику вставить ее в патронник.

- Все, спасибо, - вытерев рукавом комбинезона кровь, смешавшуюся с потом на лице, Николай Константинов, выставив вперед пулемет, прицелившись, открыл огонь.

Нарастающий протяжный свист, отвлек Князева. Но, так и не поняв, что это могло быть, его тело вжалось в камни. Гром от взрыва, раздавшегося через несколько секунд где-то внизу, дало возможность его сознанию найти в памяти ответ на тот звук. Его издавал во время полета минометный снаряд.

Звук стрельбы, перемешавшийся с взрывами и криками людей, был усилен эхом, бьющимся о стены скал.

Лейтенант понимал, что в этой ситуации, он ничего не мог делать, как только наблюдать за происходящим. Огонь его мини-группы, не мог остановить этой лавины людей, поднимающейся снизу в горы.

- Стой! – Князев орал пулеметчику, у которого снова закончились патроны. Но Константинов, не замечая этого, громко матерясь, ворочал стволом вправо и влево,

продолжал нажимать на курок, мысленно поражая приближающихся душманов. – Стой, боец! – схватив солдата за шиворот, Князев оттянул его от края скалы к себе. – Стой. Патронов нет, ты чего?

Большие глаза, смотревшие на лейтенанта, вдруг у пулеметчика начали сужаться, и принимать нормальный свой вид. Но полураскрытый рот, который так и оставался в этом положении. И только сейчас Игорь обратил внимание на правый окровавленный рукав у Николая.

- Ранен?

Константинов не отвечая на этот вопрос офицера, все продолжал всматриваться в лейтенанта, словно не понимая, что тому от него нужно.

- Тихо, солдат, тихо, успокойся. Кислов, - окликнул он снайпера.

Но тот не отозвался. И взглянув немножко вбок, лейтенант в панике, сжал губы, чтобы не сорваться в крик. Тело того солдата распласталось на камнях, кисть одной руки окровавлена, как и голова.

Да еще не давал ему покоя какой-то жук, царапающий кожу на верхней скуле. Смахнуть его рукой не удалось, он продолжал карабкаться, стирая своими колючими лапами кожу с лица, задевая нерв.

Игорь еще раз попытался убрать его рукой, и, почувствовав, что ему удалось ухватить это неподдающееся твердое насекомое, оторвал его от кожи. А взглянув на него, невольно икнул. Это был совсем не жук, как ему сначала думалось, а камень, окровавленный, с длинным острым кончиком.

- Товарищ лейтенант, сейчас, сейчас, - кто-то сильными руками его ухватил за спину, и пытался развернуть к себе.

- Да я живой, все нормально! - чуть-чуть сопротивляясь силе навалившегося на него сзади человека, сказал Князев, и повернулся к нему.

Это был тот самый сержант минометчик, который пытался разорвать бумагу с пачки, в которой хранился бинт. И вот ему удалось это сделать, и он, освободив ее от пергамента, приложил к тому месту, где только что под виском Игоря воткнулся каменный осколок.

- Держите, сейчас все пройдет.

- Что это было? – все никак не мог понять лейтенант.

- Взрыв.

- Где, сержант? Где? – тряс его руку Князев.

- Это не наша мина, товарищ лейтенант. Скорее всего, по вам ударили душманы из гранатомета. Граната туда попала, - показывал он рукой где-то выше.

- Блин, - подал голос снайпер, и, схватившись руками за голову, приподнявшись на коленях, посмотрел на лейтенанта. – Ничего ж себе, бахнуло!

- Товарищ лейтенант. Товарищ лейтенант, я чего прибежал к вам. У меня осталось две мины. Куда их? – тряс за руку Князева сержант.

Игорь обернулся и, посмотрев на проход между скалами и передвигающихся от скалы, на которой они находились, к противоположной ее части много людей, указал туда рукой:

- Сержант, только осторожнее, там справа на краю наши. Ты понял, сержант?

Но минометчика уже не было, он, прыгая с камня на камень, бежал к своему расчету.

- Кирилл, как ты? Что у тебя с головой? - осматривая короткие светло-серые волосы снайпера, и не найдя на голове порезов и разрывов кожи, спросил Князев.

- Да оглушило, или что, не пойму, - сказал, оборачиваясь к командиру, рядовой Кислов, и окровавленной ладонью, начал гладить свою голову.

- Ясно. А что с рукой?

- Да, заживет, чем-то поцарапал. А, это, видно, осколок от камня попал в ладонь, товарищ лейтенант, - вот и кровит. Сейчас перебинтую.

- Патроны есть? - лейтенант обернулся к пулеметчику.

- Все, тью-тью, товарищ лейтенант. - Еще две ленты там, у этого, как его, у Мусы, остались.

- Стоп-стоп, он их снял, и оставил у минометчиков, - вспомнил лейтенант. - Сможешь сам сходить за ними?

- Ес, ес, - Николай, встав на ноги, согнувшись, направился в сторону минометного расчета.

- Так чего будем делать? - спросил у лейтенанта Кислов. - Я могу по душманам стрелять. У меня еще есть около тридцати патронов. И, присмотревшись, сказал. - О, наши по душманам огонь открыли.

- Я же им сказал, чтобы пропустили душманов, - приложив к глазам бинокль, начал всматриваться вдаль Князев. - Вот дураки, а! Они же их сотрут в пыль.

Но, сколько ни всматриваясь в то место Игорь, ни как не мог понять, почему снайпер пришел к выводу, что взвод лейтенанта Блохина открыл по душманам огонь. Те шли ровно. Если бы по моджахедам открыли огонь, то они бы начали укрываться за камнями, передвигаясь со стороны в сторону, чтобы не дать солдатам вести по ним прицельный огонь. Но этой хаотичности в их движениях не было.

Хотя, это не так. Пыль, поднявшаяся в нескольких местах от разрывов мин, внесла некоторую сумятицу в движение моджахедов. Но ненадолго.

- Что-то ты ошибся, молчит наш взвод, - сказал лейтенант.

- Так я, товарищ лейтенант не о них вам сказал, а о минометчиках. Это они пару разу бахнули по душманам.

Посмотрев в сторону поля, заполненного россыпью черных точек - животных и людей, Князев пришел к выводу, что и у старшины Сергеева, занявшего оборону у входа в кяриз, боя нет. Гул стрельбы снизу, где находился сержант Евтеев, тоже тишина.

А где же те афганские солдаты, которые загнали моджахедов сюда? Или Блохин ошибся? Ничего не пойму. И в эту же секунду он снова услышал шипение падающей мины или летящей ракеты, посланной из гранатомета и хлопок от взрыва. Раздался он где-то вдалеке за ними. Второй был поближе, третий - под ними.

- Это душманы из миномета по нам открыли огонь, - прошептал Кирилл Кислов, с любимой поговоркой, - а где же вы? А где же вы? - припав к прицелу своей винтовки, он начал просматривать степную зону.

Игорь тоже услышал несколько хлопков выстрелов из миномета в стороне ржаного поля. Затарахтел и пулемет. Звук выстрелов из ДШК ему был хорошо знаком. Скорее

всего, душманы открыли огонь по отделению Евтеева, или по взводу лейтенанта Блохина. А может и по афганским солдатам, которые наступали со стороны ущелья.

Бу-бу-бу, - снова заработал ДШК, по звуку, находившийся где-то невдалеке от них. Его очередь из крупнокалиберных пуль прошла прямо под ними, кроша скальные камни.

- Вижу их, товарищ лейтенант. Прямо перед нами на скале, почти на нашем уровне, - доложил снайпер.

- Так чего ждешь?

- Только всполохи огня видны.

- А если по стволу? – торопил солдата офицер.

И как долго Кирилл Кислов целился. Уже минута прошла, и в третий раз повторялась огневая очередь из ДШК: бу-бу-бу-бу. И пули все выше и выше поднимались, кроша скальные стены.

Первый выстрел снайпера, не прекратил огня крупнокалиберного пулемета. И как не хотелось Игорю поторопить Кислова, чтобы быстрее уничтожил эту страшную цель, но, как мог, тут же сдерживал себя, понимая, что этим только помешает солдату целиться. А ДШК находится от них, судя по словам Кислого, совсем рядом, в метрах четырехстах, плюс-минус пятьдесят. Значит, душманы их еще не видят, а занимаются поиском, стреляют по всем скальным выемкам, в которых могут прятаться советские солдаты.

Это, видно, хорошо понимает и Кислов, поэтому выжидает, и делает выстрел в тот момент, когда пулеметчик открывает огонь.

- А можно я ему помогу? – спросил приползший к ним Константинов.

- Ты только нас откроешь. Спрячься, балда! – прикрикнул снайпер на Константинова.

И снова раздался выстрел, аж уши заложило.

- Есть, вроде, попал в этот чертов ДШК, - сказал Кислов.

- Молодец!

И в тот же мгновение нарастающий свист падающих мин, и один за другим их разрывы на нижней части скалы, на которой находились бойцы Князева, не дали снайперу расслышать слова одобрения его командира.

- Уходим, быстро-быстро уходим, ну! - приказал лейтенант и, торопя взглядом пулеметчика со снайпером, через несколько десятков секунд отползли от своих огневых точек, и скрылись за камнями.

- 3 –

По радиации переданная «серой мышью» «первому» информация по приблизительному расположению огневых точек душманов, была своевременной. Через десять минут после радиопередачи, на бреющем полете над ними прошли две пары «крокодилов» (вертолетов Ми-24).

Огонь, открытый ими из пулеметов, и пуски ракет, казалось, должны были перевернуть всю землю и камни, уничтожая душман. В это бойцы Князева только верили, и ни у кого из них не было желания высунуться из своих укрытий, чтобы своими

глазами в этом убедиться. И это понятно, все понимали, что на их головах не написано большими буквами «шурави».

Глава 11. Потерявшийся взвод

В кабинете начальника штаба полка было невыносимо душно. Новая струя уличного воздуха, загнанная сюда сквозняком в открытую оконную форточку, остановилась, не находя другого выхода из этого помещения. Можно было конечно ей метнуться в противоположную сторону от окон и просочиться через щели неплотно прикрытой входной двери, но в горячем, стоячем воздухе этого сделать ей было не по силам. И поэтому уличному воздуху ничего не оставалось, как «усесться» на плечо к кому-нибудь из сидящих людей за длинным столом, и наблюдать за происходящим, ожидая, когда откроется дверь и со сквозняком отправится дальше.

И поэтому она набралась терпения. А если она еще и понимала человеческий язык, то и не скучала. У стены, с большой географической картой, раскинутой на всю ее ширину, стоял молодой человек в полевой форме песчаного цвета. Указка, кончик которой уперся в середину листа, подрагивала. По состоянию человека, было видно, что он даже и не думал проткнуть ею слой целлофана, которым была покрыта плотная бумага, так как смотрел на людей, сидевших сбоку от него, за столом, и что-то сбивчиво им говорил.

- После обстрела душманов с воздуха прилетевшими к нам на помощь вертолетами, - рассказывал этот человек, - поднялась пыль и дым. И когда вертолеты пошли на третий круг, мы увидели полосу ракеты, которая должна была попасть в одного из них. Но не попала, она ушла в сторону, за выпущенным из вертолета пучком тепловых трассеров.

По дымной полосе ракеты мы поняли, что выстрел был произведен из степного участка, и в бинокль было хорошо видно в том месте небольшое скопление людей. Они двигались в сторону «зеленки», и должны были пересечь место, где находился выход из кяриза, охраняемый взводом лейтенанта Блохина, его позывной «рыжая мышь». Я попытался передать ему об этом по радиации, но было уже поздно. Они вступили в бой с другой группой душманов, наступавших на них со стороны «зеленки».

Поэтому я принял решение выдвинуться наперерез той банде, которая двигалась к кяризу со стороны скалы.

- А огнем нельзя было их остановить с того участка, где вы находились? – спросил капитан, сидевший в группе офицеров за столом. - У вас же был миномет, гранатомет?

- Снарядов к ним у нас уже не было, товарищ капитан, - помотал головой лейтенант. – Между кяризом, к которому душманы двигались, и этой группой, было на глаз около километра. Мы, если поторопиться, то успевали спуститься с горы, приблизиться к банде, и с тылу ударить по ней, чтобы не дать моджахедам окружить взвод Блохина.

Но мы не успели.

- Не понял? – обернулся к командиру разведвзвода начальник штаба полка майор Захаров.

- Когда мы спустились, бой в том месте был уже прекращен. И поэтому я принял решение выдвинуться к кяризу со стороны «зеленки», вторую группу с моим заместителем сержантом Евтеевым, оставил на прежнем месте. Их задача, наблюдать за происходящим и если мы завязнем в бою, то он должен был принять самостоятельное тактическое решение и ударить душманам в тыл.

Посмотрев на офицеров, и вздохнув, лейтенант продолжил свой доклад:

- В нашей группе семь человек, со мною – восемь. Когда мы двинулись к «зеленке» под скалой, то увидели, что с местными людьми сделали эти душманы. Порубили их саблями. Дети без голов, старики – тоже. Жуть! – тяжело вздохнув, опустил глаза лейтенант Князев.

- Продолжайте, - выждав несколько секунд, попросил майор Захаров.

- Так точно, так точно, - закивал головой Князев. – Трава по краю зеленки была достаточно высокой, и поэтому я принял решение делать к кяризу короткие перебежки через нее, разделив группу на три части. Первая продвигалась тихо где-то на пятьдесят шагов во главе со мною. Потом, если все нормально, я издавал крик сапсана, и выдвигалась вторая группа, потом – третья.

У кяриза были только окопы, оставленные группой Блохина, гильз от стрельбы не было. По окраине, метров на пятьдесят – тоже. Мансуров нашел несколько трупов солдат афганской армии, свежих. Невдалеке от них трех душманов.

- А почему вы решили, что это были душманы? – задал вопрос тот же, еще незнакомый Князеву капитан.

- По вооружению. Автоматы Калашникова китайского производства, гранаты – американские. Один был еще жив. Когда мой солдат Мансуров, начал с ним разговаривать, тот вытащил саблю из ножен, и хотел ею заколоть солдата. И я подоспел, выбил ее из его рук. Она была вся в крови. На мой вопрос, кого он ей рубил, он сказал неверных. Я сказал ему, что это были дети и старики. Он крикнул, что это предатели и вытащил пистолет. Солдат застрелил его.

В кабинете стояла тишина. Было слышно только муху, бьющуюся об окно.

- И вы решили вернуться?

Князев посмотрел на капитана, и помотал головой.

- Нас окружили афганские войска. Но я не знал, кто это и приказал своим залечь. Если бы этого не сделал, мы бы положили многих из них, а они нас. К счастью, рядом среди афганских солдат был офицер, хорошо знавший русский язык. Он громко спросил по-русски, кто мы. Ну, я и ответил. Он сказал, что бы мы по ним не стреляли, и вышел к нам. Так все было.

Я поинтересовался у него, что здесь был за бой. Он сказал, что боя не было, они вышли цепью из зеленки и должны были окружить душманов. Сначала они наткнулись на малую группу душманов, которые на верблюдах пытались уйти в сторону зеленки. Они часть их уничтожили, часть взяли в плен. Потом столкнулись со второй группой душманов. Трех из них убили, остальных взяли в плен.

- Это тех троих убитых, на которых вы наткнулись? – снова спросил капитан.

- Так точно, - ответил лейтенант.

- А взвода русских они не видели?

- Нет, - развел руки Князев. – Потом афганцы так же своей цепью двинулись по степи дальше в сторону кишлака, а мы направились в сторону скал, к тому месту, где находились ранее.

- А рации с собою у вас не было? – снова задал вопрос капитан.

Князев невольно посмотрел на начальника штаба, ведущего это заседание. Тот, глянув в глаза командира разведвзвода, кивнул ему головой, мол, продолжайте.

- Да, радист был со мною.

- И почему не доложили «первому» о пропаже взвода? – капитан застучал шариковой ручкой по раскрытой тетради.

- Мы пытались снова связаться с «рыжей мышью», товарищ капитан. Но снова тишина. Ее нашел Киселев, то есть, рядовой Киселев, наш радист, по позывным. Она находилась в завале веток у кяриза.

- Подробнее, пожалуйста, об этом расскажите, - попросил капитан, и стал что-то записывать в тетради.

- Когда мы повторно стали выходить на «рыжую мышь», радист услышал ее позывные.

- А вы?

- Нет, товарищ капитан. Я после взрыва плохо слышал. В ушах звон, да и такое впечатление, что в них затычки были всунуты, такие невидимые, знаете. Сколько не пытался их вытащить, не удавалось. А радист расслышал ее, у него слух профессиональный, он писк рации различит через разные звуки.

- Но вы их не слышали? - не унимался капитан.

- Нет. Еще раз повторяюсь, нет, радист об этом доложил. Я поверил. Мы по слуху двинулись к тому месту и снова вышли к кяризу. Рация лежала под завалом веток. Когда стали ее искать, хорошо, что предварительно стал рассматривать ветки наш сапер. И нашел несколько растяжек. Вернее шнуров, которыми пользуются наши саперы. Ими были обмотаны несколько веточек. И сапер, ефрейтор Смернихин, стал кричать, что-то вроде такого; «Мужики, вы здесь?» И они сразу откликнулись. Мы не стали трогать ветки. Я передал лейтенанту Блохину, чтобы они вылезали.

- Ну, почти так же на допросе лейтенант Блохин мне и докладывал, - сказал капитан.

И только теперь Князев на форме капитана рассмотрел петлицы. Они были не мотострелковые. Щит с мечом, военной прокуратуры.

- Это вы, товарищ лейтенант, перед тем как направить его с взводом к кяризу, посоветовали ему, если начнется наступление душманов, спрятаться там?

Холодной водой обдало мозг Князева, да так неожиданно, что все его тело бросило в дрожь.

Дверь в кабинет резко отворилась и появившийся в ней оперативный дежурный полка, попросив у майора Куракина извинения, обратился к военному юристу:

- Товарищ капитан, вас срочно вызывает прокуратура, майор Иванцов.

- Да, да, спасибо, - встал капитан, и, укладывая в папку тетрадь, в которой вел записи, вопросительно посмотрел на лейтенанта Князева.

- Это был единственный выход, чтобы сохранить людей, товарищ капитан, - нашелся командир разведвзвода Князев. – Его задача была не выпустить из кяриза душманов.

И ночью они, таким образом, взяли в плен разведывательную группу душманов, задача которой была узнать, есть ли засада на пути следующей за ними банды.

- Да, да, знаю, - сказал капитан. – Это подтвердила и контрразведка, которой эти душманы были переданы. Ну, ладно, извините меня, товарищ майор, разрешите покинуть ваше заседание. У меня больше вопросов к вам нет. Лейтенанта Блохина сегодня отпустим. Пусть служит дальше.

И выходя из кабинета, он на несколько секунд задержался в двери. Из-за сквозняка резко открылась форточка, через которую горячий воздух, скопившийся в комнате, стал выходить наружу, сталкиваясь с не менее горячим воздухом, нагретым афганским солнцем, стоявшим в проходах между жилыми модулями гарнизона.

Глава 12. «Летучая мышь»

Выйти на след душманского отряда, о делах которого новости из органов безопасности провинции и уезда сыпались, как из рога изобилия, разведывателю Игорю Князеву так и не удавалось. Вторую неделю подряд он гонялся за бандой, которая бесчинствовала в западной части их региона, нападая на кишлаки, раскинутые по краям скал Гиндукуша. И последние два раза его группа, к счастью, без перестрелки, сталкивалась с одним и тем же отрядом царандоевцев, занимавшихся тем же, что и они, поиском бандитов.

Расходились после этой встречи не сразу, только после дружеского чаепития у милицейского контрольно-пропускного пункта: афганцы не менее гостеприимны, чем русские. Советские рафинад, шоколад, мясные с кашей консервы были лучшей закуской к их терпкому зеленому чаю с виноградным и тутовым изюмом. А в прикуску, конечно же, шла информация о новой банде неуловимых душманов, собранная царандоевцами в близлежащих кишлаках.

- Мы называем эта отряда «летучею мышью», - переводил Муса слова афганского лейтенанта Муатабара ад-Дина. – Они начала нападать на кишлаки в этом районе полтора месяца назад. Грабили дехканские семьи. В кишлаке Кала-Якубали, Каланавали, Чихильтан люди о банде молчат. Боятся. И в этих кишлаках моджахеды побывала уже много раз и убила много семей, тех кто воюет против них, учителей местных школ и муфтий. И тех кто просил о помощи царандой.

Так душмана запугала все кишлаки, - продолжал переводить слова афганца Муса. - Поэтому дехканам ничего не остается, товарища лейтенанта, как молиться Аллаху, прося у Всевышнего помощи и защиты. А своих сил, чтобы дать отпор душманам, у них нет.

Слеза, скатившаяся по лицу Муатабара, оставила после себя мокрый розоватый след, из-за отражающихся в нем лучей поднимающегося над горными вершинами солнца.

- Наша пехотная дивизия перекинула в этот района свой батальон, расположив его вблизи перевала, - продолжал переводить Муса рассказ афганского милиционера. - Но это пользы не дало, они напали на два кишлака с другой стороны гор у перевала Аргандех. На следующий день, переброшенный туда в кишлак Кухбаки отряд

царандоевцев, был обстрелян из гор минометом и ДШК. Одни страдания людские, - мокрыми глазами смотря то на Князева, то на Мусу, мотал головой офицер. – Нам нужна ваша помощь, шурави.

- А почему вы этих бандитов называете «летучей мышью»? – спросил Князев.

- Они нападают на все кишлаки ночью.

- Ночью? – переспросил Князев.

- Так, так, - закивал головой Муса вместе с Муатабар ад-Дином. – Но мы об этом узнаем днем от людей, которые едут на автобусах в сторону городов Пагман или Аргандеки-Паин через царандоевские КПП. Сами местные боятся нам об этом говорить.

- По имеющейся у вас информации, Муатабар ад-Дин, это достаточно мобильная банда душманов, - Князев исподлобья посмотрел на царандоевского командира, ожидая, пока Муса переведет ему его слова.

В ответ афганский милиционер пожал плечами.

- Я не понял, Муатабар, вы со мною согласны или нет? – не сводя с афганского милиционера глаз, переспросил Князев.

Тот вопросительно посмотрел на советского лейтенанта, и, немножко подумав, кивнув Мусе, начал быстро говорить.

- Банда находится в скалах между этими кишлаками, - начал переводить Муса. - Где-то в этих скалах.

- И нападает на них именно ночью? – удивился Князев. – У вас, Муатабар ад-Дин, афганские ночи очень темные. И фонарик человеку не поможет быстро со скалы спуститься, или на скалу подняться. Так?

- Товарища лейтенанта, душманы ходят по тропам, - сказал Муса.

- Это ты мне сказал, Мансуров, или Муатабар ад-Дин? - посмотрел на Мусу Князев.

- Она сказала, товарища лейтенанта, она, - кивнул в сторону царандоевца солдат.

- Так что же вы тогда здесь, лейтенант Муатабар ад-Дин, делаете, а? – выразил на своем лице удивление Князев. – Почему вы не находитесь там, на этих тропах, по которым ходят душманы? Почему вы не можете провести со своей царандоевской бригадой и с пехотной дивизией проверку этого участка гор, а? – из-за раздражения, голос у Игоря Князева стал громким. - Или ждете, когда за вас это сделаем мы, русские?

- А они их не знают! – дрожащим голосом ответил Муса. – Они просят, товарища лейтенанта, помогать им их найти, - из-за волнения и торопливости Муса стал произносить некоторые слова, допуская ошибки в их окончаниях.

- Ищеек нашел! – сплюнул Князев. – Не переводи ему этого, Мансуров!

- Я вас поняла, товарища лейтенанта, - прошептал Муатабар ад-Дин. – Ваша солдата не все мне переводила, как вы говорила. Я вас поняла, умирать за нас не хочешь.

Игорь поднял вверх правую ладонь, и замахал ей:

- А нужно? Вы, что, Муатабар ад-Дин, хотите меня упрекнуть в трусости? - Игорь посмотрел в глаза афганского офицера, и поднялся. – А вы, герои, что ж вы туда в середину скалы не лезете, а? Все хотите на наших плечах себе победу сделать? Ответьте мне!

Афганский лейтенант вскочив на ноги, надменно посмотрев на шурави, что-то сказав себе под нос, отвернулся.

- Вот и договорились! - Игорь, махнув головой Мансурову, направился к сидевшим в тени тутового дерева своим солдатам, ожидавшим прибытия за ними из воинской части боевой техники.

- Я не понимаюта, - догнал Князева афганский офицер и, ухватив его за локоть, пытался посмотреть ему в глаза. – Я не понимаюта, лейтенанта.

- Я тоже, - посмотрел на Муатабара ад-Дина Князев. - Вот скажите мне, вы бы ночью смогли с фонариком полезть в гору и быстро дойти до нужного вам участка, находящегося от вас в трех – пяти километрах?

Муатабар ад-Дин пожал плечами.

- А душманы могут, да? Они же, по-вашему, там, - махнул он рукой в сторону скал, - в горах сидят, как стервятники?

- Я не понимаюта.

- Ночи темные, понимаете? Темно, ничего не видно! - лейтенант прикрыл ладонью свои глаза.

- А, да, да, - закивал головой афганский офицер. – Темно, ничьего ночью не вижу.

Игорь достал из куртки свой фонарик и, направив его царандоевскому командиру в лицо, несколько раз включил его и выключил.

- А-а, поняла, - закивал Муатабар ад-Дин головой. - Нет, увидят его, - он ткнул рукой в сторону фонарика, - они убьют.

- Вот. А скажите, лейтенант, они свою тропку найдут в горах, когда пойдут к кишлаку, включив этот фонарик?

Тот в ответ пожал плечами.

- Нет, не найдут, понимаешь, Муатабар ад-Дин. Не найдут, а себя выдадут светом. Так?

- Что вы говорите, товарищ лейтенант? - подошел к Князеву сержант Евтеев.

- Да я не вам, товарищ сержант, а вот с этим офицером из царандоевского взвода разговариваю, - громко вздохнул Игорь. – Афганский офицер просит нас помочь ему найти след этой душманской банды.

- А чем мы эти дни занимаемся, товарищ лейтенант? – и, смерив продолжительным взглядом с головы до ног худощавого царандоевца с пышными черными усами, Евтеев усмехнулся. – Чуть что, так они, товарищ лейтенант, сразу нас под огонь душманов бросают. Это уже не первый раз так происходит, - сплюнул Евтеев себе под ноги. – А как мы там всех душманов по камням размажем, так они себе всю грудь орденами обвешают, и хвалятся, что победили. Это они герои. Как на прошлой операции, помните, товарищ лейтенант? Они бахвалились своему командованию по рации, что именно они захватили тех душман, которых мы в плен взяли.

Муатабар ад-Дин слушая сержанта, взглянув на русского лейтенанта, сверкнул глазами.

«А Евтеев прав», - согласился про себя Князев, и, посмотрев на царандоевца, показал ему рукой в сторону строений кишлака.

- Вот там находится ваш кишлак, который сегодня ночью ограбили душманы, убив две семьи, - сказал Князев. – Смотри, смотри. За ним, - повернув ладонь направо, - находятся горы. Я понятно говорю?

Муатабар ад-Дин кивал головой, смотря в сторону, куда показывал рукой советский лейтенант.

- От горы до кишлака, на который напали душманы, около километра, или чуть больше. Так?

Афганец, слушая лейтенанта теперь уже без переводчика, кивал головой, показывая, что он понимает слова советского офицера и с ними согласен.

- А слева «зеленка» с садовыми деревьями. С той стороны виноградные поля идут. Так откуда ночью душманы вошли в кишлак? А, Муатабар ад-Дин?

Царандоевец указал рукой на горы.

- А кто вам об этом сказал? – не спуская с него глаз, спросил Князев.

Царандоевец помотал головой, мол, никто.

- Это вы себе вбили в голову, Муатабар ад-Дин, что душманы находятся в горах. Так вам тогда безопаснее находиться здесь. Вот здесь! – лейтенант Князев, указывая пальцем к себе под ноги, ударил носком по булыжнику. - А они могут находиться не там, где вы думаете, а в соседнем кишлаке. Просто запугали дехкан, и живут с ними, а по ночам ходят и грабят соседей. Может это и вообще не душманы, как думаете, а местные жители, которые нищие и таким способом зарабатывают себе на жизнь. Те, которые не верят в вашу власть.

Муатабар ад-Дин, слушая слова офицера, медленно повернул голову и посмотрел в глаза Князева. И только сейчас Игорь заметил дрожь, появившуюся на лице этого гордого афганского офицера. Скорее всего, тот даже не мог предположить такого оборота событий, который ему подсказал разведчик.

- Товарища лейтенанта, - прошептал Муса, - люди, - и кивнул головой в сторону дороги, по которой ехала арба с большими колесами.

Конь, тащивший ее, шел легко, постоянно фыркая, видно ему что-то не нравилось. Но извозчик – мужчина в средних годах, был непоколебим и пару раз сильно ударил его плеткой по крупу. Попытка коня встать на дыбы, тоже была наказана плетью и натянутыми вожжами, тянущими нос коня вниз. И животное поддалось требованиям своего хозяина, опустив голову, ровно зацокало копытами по дорожному покрытию.

В повозке, видно, лежало мясо, накрытое покрывалом, местами пропитанном кровью.

Конь заржал, снова пытаясь встать на дыбы, когда ему перекрыл дорогу афганский солдат, и, ухватив его за вожжи, заставил успокоиться. Двое царандоевцев, подошедшие к телеге, подняли покрывало, и, рассматривая то, что под ним лежит, радостно воскликнули, о чем-то говоря с извозчиком.

- Он везет в Кабул мясо овец, - сказал Князеву Муса Мансуров. – Сколько оно стоит не знает, оно не его, хозяин, который им будет торговать, ждет его в Кабуле.

- Да, шашлычка или плова сейчас бы приготовить с этой баранины, - сказал кто-то из солдат, сидевших под деревом.

Игорь Князев, глотнув слюну, и, показав царандоевцам, чтобы пропустили повозку, посмотрел на афганского офицера, и, сбавив голос, продолжил с ними прерванный разговор:

- Может все и не так, Муатабар ад-Дин, - похлопал он царандоевца по плечу. – Может душманы живут в горах, а вечером, пока не стемнело, пробираются к их краю, и когда наступает ночь, нападают на кишлак, идя к нему уже по открытой местности. А кяризы вы проверяли? А они и здесь могут быть так? Так посмотрите, где они есть в кишлаках, куда они выходят за пределы кишлаков? Может душманы их используют, чтобы незаметно прибыть в кишлак. А значит, у них есть проводники, и именно из местных жителей этих кишлаков.

Муатабар ад-Дин, подняв голову, сжав губы, пожал плечами, мол, не знаю.

- Тогда я не понял, кто вы такой? - удивился Князев. – Вы же из царандоя, а значит, должны все здесь прощупать, пронюхать, расспросить каждого человека. Вы понимаете? Вы же сыщик!

- Я учу студента в университете, - подняв подбородок, громко сказал царандоевец. – Я ушел из университета, я служу Афганистану.

- Тогда послушайте мои советы, лейтенант. Понимаете, что я говорю вам? Я советую, работайте как собака, которая нюхает и ищет.

Афганец немножко подумав, усмехнувшись, кивнул головой.

- Введите в кишлаки по взводу охраны, и ждите. Понятно говорю? Или организуйте у кишлака засаду. Когда душманы в него придут, нападайте на них, окружите их, и возьмите в плен. Или, если их силы будут более крупными, то ведите себя тихо, не показывайте, что вы здесь есть, пропустите их и пойдите назад за ними по их следу.

- Товарищ лейтенант, - окликнул Князева радист. – У одного из БМП, едущих за нами, слетела гусеница, все колонна остановилась, ремонтируются.

- Где они находятся? – поинтересовался Князев.

- В трех-пяти километрах отсюда. Проехали через перевал, потом - кишлак и стали посреди виноградников.

- Там чисто вокруг них?

- Караван на верблюдах идет от нас в их сторону.

- По дороге? – и Игорь тут же почувствовал какую-то тяжесть на сердце.

- Нет, рядом с виноградником, в метрах пятидесяти от дороги.

- Пусть приготовятся к бою, мало ли какой это караван. Если что, открывать огонь на поражение. Мы сейчас выдвинемся в их сторону, царандоевцев попросим, пусть подбросят, - лейтенант махнул Евтееву, чтобы тот строил бойцов. И повернувшись к афганскому офицеру, спросил у него. – Вы, Муатабар, видели караван сегодня идущий в сторону Кабула?

Тот помотал головой, и что-то крикнув своим солдатам, повернувшись, что-то сказал Князеву.

- Что он сказал? – спросил у Мусы Князев.

- Он сказал, торопитесь.

- Понятно, - улыбнулся Мансурову лейтенант. – Сбор! – скомандовал он своим бойцам.

И направился в сторону стоявшего под деревом автомобиля с полукрытым тентом и афганского бронетранспортера.

-2 –

Караван, похоже, был мирным. А, почему он не шел по дороге, а по ее обочине, рядом с виноградником, в этом должен был разобраться царандоевский отряд. Князев, спрыгивая с бронетранспортера, напомнил об этом Муатабару, а также о том, чтобы он расспросил караванщиков, не встречали ли они группу вооруженных людей. Или, на всякий случай, чтобы он осмотрел их мешки, если будут подозрительными.

Пять боевых машин пехоты, после прошедших тридцати минут как рассталась разведгруппа с вернувшимися назад царандоевцами, подняв пыль, двинулись назад. Не в сторону Кабула, а к кишлаку, который сегодня ночью душманы ограбили. Никто этому решению лейтенанта из сержантского состава не возразил, как и его запрету передавать о незапланированном продолжении командировки начальнику разведки их воинской части, курировавшему все передвижения разведвзвода.

Солдаты понимали, что дехкане некоторых кишлаков не всегда доверяли своей афганской милиции, у которой, как говорится, и «рыльце бывало в пушку». То есть, среди их личного состава могли находиться и предатели, которые поддерживали отношения с бандитами. А причин этому могло быть много, в числе которых и испуг за жизни своих родственников, живущих в кишлаках, или за свое будущее, если через какое-то время изменится в Афганистане власть. И так далее, если все перечислять, и пальцев на руках не хватит.

Кишлак растянулся в милю, если не больше. Между домами можно было поставить по футбольному мини-полю. О чем это говорило, трудно сказать, о богатстве дехкан, арендовавших или купивших в свою частную собственность у государства землю, на которой стояли их двухэтажные дома, спрятанные за высокими дувалами – заборами. Несколько улиц уходило вглубь. Но они были не длинными, растягивались на несколько десятков таких же домов. А за ними зеленые нивы виноградников и скалы.

Желания осмотреть весь кишлак у Игоря Князева не было, а только остановиться в каком-нибудь подходящем месте, где ходят люди, и заняться, якобы, ремонтом техники. Этим местом оказался колодец.

Глянув на воду, зачерпнутую ведром, Князев передал ее своим солдатам на обозрение. Пить ее, как и умыться ею, всем сразу же расхотелось: уж больно она была мутно-коричневой. Поэтому, охлаждались от жары и утоляли жажду своей водой, что хранилась в баках, закрепленных на броне.

С приездом шурави оживилась и улица. Бачата, с десятков мальчишек, окружили их, и без нарушения своих традиций просили у солдат угощений – бакшиша. А главным «менялой», лейтенант назначил Мусу.

С детьми Мансуров быстро нашел общий язык, угощая их шоколадом, сгущенным молоком... А те и не думали убегать от добрых шурави, с интересом рассматривая боевую технику, установленные на ней пушки и пулеметы. Оказывается бача многое знало и о душманах, напавших этой ночью на их кишлак. Поэтому Князев попросил

Мансурова не терять времени и больше расспросить у мальчишек о бандитах, пока к ним в гости, так сказать, не пришел кто-то из взрослых дехкан и запретил это делать. А сам, слушая их разговор, язык которого совсем не понимал, делал вид, что помогал солдатам что-то делать на каждой боевой машине, типа подтягивать ключами крепления ходовой части, затягивать гусеницу.

Но взрослые люди, так и не вышли к ним из своих дворов. Оказывается, все они были в мечети, отпевали погибших, которых до полудня должны были похоронить.

А новость о том, что душманы увели у крестьян отару овец, была очень важной. Все эти животные принадлежали Абдуррахману из пятого от колодца дома. Человеку зажиточному, державшему в кишлаке помимо овец дуكان (магазин). Его душманы тоже разграбили. И когда этот дехканин попытался защитить свой магазин от грабежа, они его убили, оставив семерых детей без отца.

Сколько у него было овец, бачата не знали, где-то около двадцати - тридцати голов. Но главное, что стало важным для разведчиков, на всех овцах стояло клеймо в виде бурого круга из охры.

Эти душманы второй раз в течение двух недель грабили этот кишлак. Забирали у людей не какие-то пожитки в виде муки, овощей, фруктов, а только овец, оружие и мужскую одежду. В первый раз у Абдуррахмана в дуكانе изъяли сигареты, чай, одежду и деньги. Что во второй раз, еще неизвестно. А вот куда они ушли, ребята не говорили. Но что заметил Муса, по их взглядам, знали, но старались этого не показывать.

- Попробуй каким-то способом разговорить их об этом между собою, - посоветовал Мансурову Князев. – Типа, нам об этом и знать не нужно, а то придут душманы к нам в воинскую часть, и всех поубивают. А не знаем, где они живут, значит, они к нам и не придут.

И Муса подключился к этой дурацкой, на первый взгляд, игре. А бачата «клянули», пугая Мансурова, что теперь душманы про шурави все знают, так как они видят их с той скалы. И приходят они сюда не по дороге, а по арыку, и возвращаются по нему же к себе назад. А никто не видит их потому, что они одеты в черные васкаты (жилеты, надетые поверх длинных рубах), а на голове носят черную чалму, и поэтому ночью их не видно.

«Испугались» шурави тех душманов, и под смех ребят, быстро уехали из кишлака. А по радию из брони разведчиков пошла в воинскую часть информация о «летучей мыши», с просьбой подключить к поиску бандитов вертолеты и посмотреть западный участок Пагмана...

Но поехали шурави не в сторону Кабула, а в обратную от него. В западную часть провинции, упирившуюся в стены высоких гор Гиндукуша. К сожалению добраться до другой части Гиндукуша, откуда, судя по карте, и бежал арык, было не возможно без уничтожения гусеницами БМП виноградника.

-3 –

Дорога между кишлаками, тянувшаяся через виноградные поля, для шурави была опасной. И все бойцы Князева это понимали, так как в этом регионе, в принципе, как и

во всем Афганистане, теньвыми властителями оставались душманы. Но, несмотря на это, никто из бойцов и не думал сидеть внутри боевых машин пехоты, кроме механиков-водителей, управлявших ими. Все остальные, сидели на броне, осматривая просторы виноградных «морей» с уже спелыми ягодами.

Колонна, поднимая пыль, шла на большой скорости. И только когда на дороге появлялись силуэты людей, сбавляли ее, чтобы поменьше поднималось за гусеничными машинами пыли. Местное население к шурави относилось с почтением. Это была их защита. Что писали о контингенте Советского Союза в Афганистане, их не волновало, так как они знали свою правду. В их стране идет не гражданская война, и не религиозная, а политическая.

Душманы на восемьдесят процентов были бойцами, пришедшими сюда из других стран, которым американские и английские благодетели платили огромные деньги за убийства совершаемые ими. А меньшая из них часть - афганцы, были запуганными людьми, ходившими под прицелом своих полевых командиров.

Через пятнадцать – двадцать минут езды, разведчиков задержала толпа людей, скопившаяся около автобуса. Как оказалось, у него лопнула трубка, из-за которой большая часть охлаждающей жидкости вылилась. Водитель вовремя среагировал на резко поднимающуюся температуру в двигателе и остановился.

Шурави, как не торопились, а решили им помочь, заменив японскую трубку своей, долив в расширительный бачок русского антифриза. Водитель долго тряс руку лейтенанту, из всех фраз, произнесенных им, Князеву были известны только несколько: Салам алейкум - мир вам, дуст - друг, ташакор – спасибо, хода хафез - до свидания, сафар бахайр - счастливого пути. И он в ответ, улыбаясь и пожимая руки водителю, старикам и молодым мужчинам, подходившим к нему со словами - «ташакор, шурави», прикладывая руку к сердцу, повторял им те же слова.

И только после того, как они залезли в свой автобус и поехали, он подозвал к себе Мансурова.

- Товарища лейтенанта, - вздохнул Муса, - они тоже боятся «летучей мыши» и ничего не хотят говорить об этих душманах. Сильно ругают их. Один старик меня отозвала, он из Кабула, и сказала, что здесь нам опасно быть. Душманы ждут, когда они начнут собирать виноград, и все деньги, заработанные дехканами, будут отбирать.

- И так каждый год? – спросил Князев.

- Да, да, товарища лейтенанта. Душманы приходят в кишлак, грабят людей. А сейчас два раза были на прошлой неделе, они просят шурави их наказать. Из них, черных душманов, не все знают их языка – ни фарси, ни пушту. Это не мусульмане. Они бьют стариков.

- А откуда приходят душманы, не спрашивал?

- Нет, не знают.

- Ладно, посмотрим, где заканчивается эта дорога. Вперед, боец! – приказал механику-водителю Лукьянцеву Князев.

- Товарищ лейтенант, у нас осталось не так и много горючего. Мы же вчера после выхода не успели заправиться, как и сегодня. Вы нас ночью вызвали. Вот и поторопились.

- Да здесь недалеко ехать, километров с десять, - вздохнул лейтенант. - Если туда доехать, то обратно до воинской части нам хватит горючего? Тогда, давай, вперед.

Боевая машина двинулась, за ней - остальные. И картина окружающего мира не менялась: с обеих сторон: тянулись виноградные поля. А скалы, словно и не желали, чтобы к ним приближалась колонна шурави, и с такой же скоростью, с которой те шли к ним, удалялись от колонны БМП. Игорь Князев понимал, что это обман зрения. Но при этом, время тянулось очень медленно, и каждая проходящая секунда, растягивалась на несколько десятков секунд. Но, посмотреть на секундную стрелку на циферблате часов, ему и в голову не приходило, все внимание было переключено к виноградному полю.

Пыль, поднявшаяся впереди на глинистой дороге, заставила остановиться. Но виною этому были не пули, а стая птиц, размером с фазанов, копошившихся в толстом слое пыли.

- Товарищ лейтенант, топлива мало, а здесь еще ехать километров сорок до гор, получатся, а не десять, - доложил механик-водитель.

- Ладно, - махнул рукою Князев, - возвращаемся домой.

Того автобуса, водителю которого они заменили шланг для подачи охлаждающей жидкости, не встретили. Пошли в Кабул рядом с обочиной федеральной дороги, чтобы не портить гусеницами ее и без того разбитый асфальт. Некоторые машины, идущие им навстречу по дороге, сигналили, их водители махали руками, приветствуя шурави. И советские солдаты им в ответ тоже махали руками, широко улыбаясь. И, несмотря на то, что этой ночью им так и не удалось поспать больше двух часов, никто, из сидевших на броне бойцов, не чувствовал усталости. Причиной этому была одна, ожидание прохода через перевал, где душманы могли устроить засаду, и как говорится, в любое мгновение напомнить о себе.

Сколько времени прошло с того момента, когда они расстались с отрядом царандоя, часа три. Но афганских милиционеров они больше не встретили, что раздражало Князева. Значит, его наставления лейтенанту шурави – постоять у перевала, проверяя автобусы, машины, идущими по дороге, поговорить с пассажирами и водителями о душманском отряде, Муатабар ад-Дин пропустил мимо ушей.

Перед перевалом им попался навстречу тот возница, в повозку которого был запряжен молодой конь. Афганец даже не посмотрел в сторону проезжающих мимо него шурави, он был очень напряжен и смотрел на своего коня. Князев, обратив на это внимание, посчитал виной этому беспокойного коня.

Сзади, едущая за ними боевая машина пехоты несколько раз просигналила, на что Князев не обратил внимания, посчитав, что бойцы выразили этим приветствие возничему. И только уже после того, как въехав в воинскую часть и поставив свою технику на стоянке, Муса ему доложил.

- Товарища лейтенанта, в арбе у того афганца с конем, был сверток коричневой или черной ткани.

- Что? – невольно вскрикнул Князев. – Почему же ты молчал?

- А мы сигналила, - широко раскрыв свои глаза, сказал таджик.

Глава 13. Час писем

В учебном классе, заставленном двумя рядами столов, было душно, даже несмотря на то, что были полураспахнуты окна. Можно открыть дверь в коридор казармы, чтобы появившийся сквозняк убрал бы из помещения кислые запахи от пота, нестиранных носков и одежды. Но лейтенант Князев этого не сделал, чтобы солдаты, сидевшие напротив него, чувствовали себя спокойнее и не отвлекались.

По распорядку в разведвзводе шли политзанятия. Их тема: «Моя семья, мои друзья». И солдатам он дал задание написать родителям письма. И они, понимали, что другой возможности это сделать потом, может так и не найдется. В любую минуту может прозвучать сигнал тревоги, и они отправятся на новую операцию, а там, кто его знает, что будет. Это раз. Да и время не резиновое, его не растянешь в нужную для себя сторону. Это два.

А три, на написание писем отпущен час. По окончанию занятия, каждый боец должен положить на стол командира конверт со вложенным в него письмом родителям, друзьям, и запечатанным. Вскрывать их Князев и не собирается, чтобы удостовериться, солдат справился с поставленной задачей или нет. Это уже на его совести. Родителям даже несколько строк, написанных сыном, это успокоение, что он жив. А если ребята за отпущенное время напишут письма еще кому-то – друзьям, родственникам, любимой девушке, значит молодцы. Он их соберет и передаст дежурному, который тот час отнесет все их на почтовое отделение их войсковой части и отправит.

Такую традицию Князев ввел в разведвзводе: один-два раза в неделю проводить вместо политзанятий написание писем. Особенно перед войсковой операцией. Если она будет проводиться в течение недели, каждый солдат должен написать родителям минимум одно письмо, если – две недели, то два письма, три недели – три. А задача оставшихся в подразделении солдат и сержантов, их по графику относить по одному на почту, чтобы родители получали весточки от своих сыновей без задержки, раз в неделю.

А вот Игорю писать письмо было некому. От Юли Полежаевой, жены погибшего его друга Александра писем больше не приходило. Как иногда хотелось написать ей письмо, но не мог себя заставить этого сделать. А все потому, что она тогда написала: ее муж – это Саша, а не он, Игорь...

Игорь сжал губы. Да, он тоже был влюблен в Юлю, которая, когда они с Полежаевым были курсантами военного училища, выбрала его, а не Князева. Вышла за него замуж, родила сына. А Саня, как и Игорь, после окончания училища попал в Афганистан и погиб.

Сжав до боли кулаки, Игорь разжал ладони и вздохнул. Сейчас не время подаваться тяжелым воспоминаниям. Он здесь не на отдыхе, а на службе. И в любую минуту их могут направить в горы или в «зеленку», где перед ними будет стоять задача проверить очередной афганский караван, что он перевозит. Или устроить засаду в том месте, через которое проходят душманские отряды. Или сопроводить автоколонну, или... или...

А вот еще ко всему этому добавилась жестокая и дерзкая банда «летучая мышь», за тенью которой он уже гоняется вторую неделю. И только вот сегодня ему удалось получить о ней всего капельку, но так нужной информации. Ту, которую скрывало местное население из-за боязни, а вот он попробовал пойти по-другому пути, сыграл испугавшегося шурави перед бачатами, детьми из кишлака, на который ночью повторно напала «летучая мышь». И о том, что мальчишки ему рассказали, это хорошая зацепка, с помощью которой можно поискать методы, чтобы выйти на эту банду убийц и уничтожить ее раз и навсегда.

С одной из идей он сегодня, после возвращения в часть поделился с начальником разведки. А после, пришлось ему об этом же докладывать и начальнику штаба полка, и особисту...

Из отпущенных солдатам трех часов на сон после ночной операции, ему ни минуты от них не досталось для отдыха. И сейчас он эту возможность упускает, хотя может оставить старшим любого из сержантов и отправиться в кубрик, чтобы хоть немножко передохнуть. Но, не может так поступить по одной причине: не разгаданная тайна о «летучей мыши» не отпускает его от себя.

Да, он прекрасно понимает, что местному царандою не хватает специалистов, чтобы профессионально взяться за поиск душманов. А у партийных активистов, которые в данный момент возглавляют милицейские отряды – студентам, рабочим, крестьянам, знаний для такой работы недостаточно. Хотя они считают наоборот: нужно арестовывать каждого первого мужчину, кто не служит в царандое, в армии, или в государственных учреждениях.

Но, это, как говорится, советский народ уже проходил до и после Великой Отечественной войны. Такого здесь допускать нельзя, так как это разрушит веру народа в новую власть. Нужно опуститься, как говорится, на землю, а не летать во взвездных мечтах, ставя себя над людьми, как Бога.

К предложению Князева доставить в какой-либо из кишлаков продовольствие, а после этого незаметно организовать там засаду и ждать прихода душманов за заброшенной «насадкой», начальник разведки не поддержал. Кишлаки в этой провинции не такие уж и бедные, а наоборот зажиточные. Люди трудятся, выращивая виноград, арбузы, дыни, овощи и фрукты, овец и коз. Занимаются мануфактурой, изготовлением строительных материалов. И поэтому душманам там не обязательно иметь своих шпионов, а могут их грабить в любое время, получая хороший бакшиш.

У начальника разведки майора Куракина было другое мнение. Он считает, что душманы благодаря своим частым нападениям на кишлаки в этом регионе пытаются отвлечь на себя силы царандою и армии, включая и советского контингента. А вот зачем им это нужно делать? Вот в чем вопрос. Или для поставки в местные душманские банды оружия. Или для подготовки какой-либо террористической акции на государственный или партийный объект.

Князев только сейчас заметил, что эти версии, сказанные ему сегодня начальником разведки, он записал на тетрадном листе. И поставив следующую цифру три, готов был записать и новую версию, только какую, он не знал. Глянув на часы, отметил, что

для окончания занятий осталось двадцать семь минут, а значит, это время нужно использовать в нужном русле.

-2-

Двух минут Игорю Князеву вполне хватило, чтобы привыкнуть к развернутому тетрадному в большую клеточку листу. На правой его части будет набросана карта северной части провинции, где терроризировала кишлаки «летучая мышь». На левой – окраины города, их гарнизон воинской части, аэродром.

Начал с левой части. На воинскую часть выделил десять клеток в виде продолговатого прямоугольника, шириной в две клетки. Немного поразмыслив над тем, где будут располагаться другие намеченные им объекты, понял, что влезут не все, поэтому нужно размеры воинской части на листе уменьшить в два раза. Теперь нужно обязательно начертить горную часть окаймляющую город.

Горную часть Пагмана нужно прочертить посередине раскрытого листа, немножко очертив их на левой и правой картах. Горы Дехсабза нужно тоже не забыть прочертить по левому краю карты. Хотя она ему сейчас неинтересна, так как «летучая мышь» действует на Пагманской стороне. Тем более именно через этот участок идут караваны с оружием из Чарикара.

Вздыхнув, Игорь решил еще чуть-чуть уменьшить очертания своей воинской части. В нее упирается аэродром с открытой стоянкой вертолетов, несколько боксов, в которых находится мастерская и так далее.

Вспомнив о стоянках боевой техники с обеих сторон своей воинской части, подарил им еще по половине клетки с каждой стороны.

Начертил линии дорог в сторону города, Пагмана и Дехсабза через перевалы в горах. Теперь он передвинул лист влево и взялся за его правую сторону. Пять кишлаков изобразил в виде небольших прямоугольников. Не забыл и про арык, расположив его посередине кишлаков, и упер его в верхней части листа – в почти ровные линии гор, в которых и находился его источник. А какое расстояние арыка от кишлака, на который сегодня ночью напали душманы? Задумался. Вроде недалеко, от полукилометра и меньше.

С того места, где они помогли отремонтировать афганский автобус, механик-водитель сказал, что до гор осталось около двадцати километров. А до того кишлака с арыком оттуда было не менее четырех – пяти километров. Итого, значит, это не менее двадцати пяти километров. Так? Так. А для душманского отряда пеша идти к нему с гор, потребует не только большого времени, а и потери физических сил.

Да и по арыку они навряд ли бы пошли к кишлаку. Во-первых, они могли быть на виду у летчиков. Раз. А во-вторых? Ну, могли бы попасть в засаду, устроенную царандоевцами или местным населением, которое сразу доложит о них местным властям.

Скорее всего, берлога этой «Летучей мыши» находится ближе к кишлакам, где-то в линии гор разделяющей низину Пагмана с Кабулом. И выдвигаются они к кишлакам какими-то тайными тропами, например, по кяризам (подземным переходам). Хотя

навряд ли, так как все кяризы людям, живущим здесь, должны быть хорошо известны, а значит и властям, которые могут устроить засады на выходах из этих кяризов.

Игорь вздохнул, поднял глаза и посмотрел на солдат, увлеченных своими сочинениями.

«О, глупая башка! – выругался про себя Князев. – Так они приходят в кишлаки через виноградники. А, погоди, погоди, погоди! Но ряды виноградников идут вдоль дороги, а значит, душманы в таком случае встречаются с неприятным неудобством, им надо пересекать эти сотни рядов, нагибаясь под верхней проволокой и переступая нижнюю, на уровне колена. Тоже неудобства. Для этого им нужно сделать специальные проходы.

Ладно, пусть так», - снова отложив ручку, задумался Князев.

Три раза он по тревоге поднимался со своею группой и облетал тот участок на вертолете, но банды душманов не находил. А их банда состоит не из одного-двух человек, а если верить дехканам, на которых они нападали, из тридцати-пятидесяти человек. И если они будут прятаться от вертолета в винограднике, то навряд ли им удастся в нем раствориться. Тем более у экипажей вертолетов глаз наметан и любую букашку в винограднике отыщут, не говоря уже о нескольких десятках человек.

Так почему же эта «летучая мышь» невидимка?

- Товарищ лейтенант, - обратился к Князеву подошедший к его столу младший сержант Востросин. – Вот три письма своим родителям написал, что ничем не занимаюсь, как спортом, и дрыханьем под горячим афганским солнцем. Одна вертикальная полоска вот здесь в верхнем углу конверта – это письмо нужно первым отправить. Два штриха – второе, три штриха – третье.

Игорь поднял на командира отделения глаза, рассматривая его лицо, а потом кивнул, так ничего и не сказал.

- Товарищ лейтенант, можно я пойду, покурю? – шепотом спросил младший сержант.

- Да, да, идите, - Князев кивнул Востросину.

Проводив его глазами, невольно почувствовал какую-то тяжесть на сердце, будто чем-то с ним сейчас поделился младший сержант. А предчувствие, оно просто так не приходит, словно на какую-то наступающую или уходящую тень натывается, которая и подсказывает ему, что скоро что-то произойдет. На гражданке, если вовремя остановиться, то надвигающийся случай может и мимо пройти, а вот на войне?

Тем более, он завтра именно этого младшего сержанта хотел взять вместе с собою на очередной поиск «летучей мыши».

«Парень толковый, неторопливый в поступках, никогда не лезет вперед паровоза, и при этом умеет быстро анализировать создавшуюся ситуацию.

Тогда возникает следующий вопрос: зачем он сейчас написал родителям три письма? Видно, больше некому. Может у него с родителями произошла какая-то ссора, и он делает им отписки раз в неделю, а теперь, чтобы не обременять себя этим последующие две недели, выполнил план? А может, - Князев вздохнув, все-таки решил додумать последнюю мысль, - завтра у них произойдет схватка с этой «Летучей мышью», и он боится, что его ранят, поэтому и отписался? - Это предчувствие было

неприятным, и в то же время подсказывающим, что все должны выйти на эту операцию в бронезилетах. Мало ли, чего можно ожидать».

Вспомнилось, как месяц назад он после Кундузской операции носил в строевую часть наградные листы, подписанные начальником разведки, на трех солдат и двух сержантов. Среди них была фамилия и на младшего сержанта Николая Востросина. Он больше всех был тогда достоин медали «За отвагу»: получив контузию, до последнего патрона со своим отделением прикрывал группу лейтенанта от пытавшихся окружить их душманов. И справился с этой задачей без потерь. Проявил себя и потом, чуть позже, когда афганский батальон шел цепью, и он поднявшись во весь рост, подняв руки, ждал, когда они подойдут ближе к нему, и с помощью Мусы Мансурова, объяснил им, что они шурави.

Начальник строевой части капитан Прохонец, покручивая свои усики, пробежал глазами по наградным листам и громко, с неприятной издевкой, чтобы услышали его подчиненные два солдата, сказал: «А никто вас за наградами на боевые действия не посылал. Вот кто посылал, к тому и идите, и относите это. А разведка, ничего иного, как должна своим делом заниматься, а не делать дыры на своих гимнастёрках для медалей и орденов. Не хочешь, лейтенант, служить в разведке, пиши рапорт и уходи, желающих занять твое место много. Я сам из разведки, и знаю, что такое она, и с чем ее едят.

- А орден «Красной звезды» с медалью «За боевые заслуги», где вы получили, товарищ капитан? – не удержался Князев.

- А за службу вот здесь! – возмутился капитан, ударив кулаком по своему письменному столу. – Сопля такая, только пришел и ему сразу ордена за каждую операцию давай. Да я на вас рапорт в политотдел дивизии подам. Вон отсюда. Вас в герои никто не записывал!

«Лучше не возвращаться к этим воспоминаниям, - с трудом проглотил слюну лейтенант Князев. - Завтра новая операция.

И так. Задача, которую передо мною сегодня поставил начальник штаба, - завтра нужно прийти в тот регион и принюхаться, пошевелить мозгами, и проверить хоть одну из версий, где может прятаться «летучая мышь». Но майор Захаров не предложил ему идеи, с чего начинать, и где, на каком месте шевелить ему этими самыми мозгами, на скале или в винограднике, в кишлаке или у арыка.

Потянувшись, лейтенант, глядя на солдат, задумался, кого из них ему взять с собою в «туристический поход». Рядового Кислова? Это обязательно, у этого снайпера острый глаз, да и мозги всегда на месте. Вот он как раз и сможет определить, где у виноградника не та веточка растет, как и кто ее сломал. Он же из Кубани, с поселка Винзавода, который прекрасно знает, что такое виноградник, и как говорится, с чем его едят.

А кто третьим будет? Ефрейтор Смернихин? Вопросов нет. Без сапера любое движение в незнакомой местности может закончиться крахом. Он нюхом чувствует, где была вскрыта земля, понимая, кто ее копал, крот или человек. Он чувствует, где может быть натянута проволока растяжки.

Без Мусы Мансурова тоже не обойтись. Язык знает, их поступки.

Пятым будет...

- Рота, смиренно! – команда дневального тут же заставила лейтенанта Князева выйти из учебного класса, чтобы узнать, кто из офицеров части пожаловал к нему в гости...

Глава 14. По краю скалы

Почему капитан Федоров свой вертолет назвал Василисой, никто никогда не допытывался. Говорят – опасно для жизни. Николай Иванович взрывной человек, бывший боксер. Хотя в этом виде спорта бывших не бывает, тем более, когда кандидат в мастера спорта. Кое-кто попробовал это проверить после обмывания наград, когда Николай Иванович перебрал. Их было трое: всем досталось. Он работал чисто по торсу, понимая, чего ему будет стоить «фонарь» под глазом или разбитые нос или губа, не говоря уже о сломанной челюсти. Остались только пятна на плечах, на груди. А это все от вышестоящего начальства легко припрятать под формой...

Но и Князев, почему к своему вертолету Федоров относился как к женщине, с вопросами не приставал: у каждого свои тараканы в голове. А после пятого полета с капитаном, тот сам невольно раскрыл свою тайну. Тогда перед тем как забрать разведчиков с точки в горах, он попал под обстрел душманов, получив пять сквозных дыр в борту от ДШК. А через день, когда разведчики снова стали его пассажирами, он, похлопывая рукой по еще не покрашенным заплатам, закрывшим пробоины, говорил: «Ах, ты моя красавица! Вот и подлечили тебя, Василинушка. Постараюсь беречь тебя».

И никто из солдат тогда и приснуть со смеха не захотел, как у молодежи в таких случаях бывает. Война она с первых дней меняет сознание у людей, делая их значительно взрослее.

Леша, бортмеханик, толкнув рядом сидевшего с ним Князева, показал рукой в сторону командира, мол, зовет его к себе.

Игорь быстро перебрался на место бортмеханика.

- Смотри, Князев, - капитан в пол оборота развернулся к нему, и, показывая через лобовое стекло на скалу, к которой они приближались, начал быстро говорить. – Там слева наш вертолет на боку лежит.

Про ситуацию, которая произошла здесь час назад, Игорь уже знал. Душманы сбили вертушку, перевозившую из кундузского кишлака раненых людей: учительницу, трех детей со стариком. Это было дело рук душманов, напавших утром на кишлак и устроивших там резню. Ворвавшись в школу, они расстреляли весь класс.

Пост царандоя, находившийся на окраине кишлака, вступил с ними в бой. Душманы, понеся небольшие потери, отступили. Тяжелораненым на помощь был вызван вертолет и их должны были доставить в Кабульский госпиталь. Но в три часа дня, когда вертолет проходил над Пагманским ущельем, был сбит.

По сведениям экипажа вертолета летевшего с этим в спарке, он был сбит из ПРЗК. Первую ракету экипажу удалось отвести от себя пуском тепловых ловушек. Но вторая, которую, скорее всего и не ожидали, была пущена им в хвост, и она догнала их, попав в двигатель.

И как с таким попаданием экипажу удалось аккуратно пристроить свою машину на скальный выступ, только Богу известно.

Второй вертолет, попытавшийся забрать людей из сбитой машины, был изрешечен из ДШК, и как ему после этого удалось дотянуть до своего аэродрома, тоже только Богу известно, и экипажу.

- Вон там, смотри, лейтенант, - кричал командир звена, - там та вертушка под торчащей скальной пикой.

Игорь ее сразу нашел.

- Но пока мы туда добраться не можем, - чуть ли не в ухо Князеву кричал капитан. – Десантуру высадили, и она идет к ним. Но вся эта зона находится под обстрелом душманов. Они на высоте, что рядом находится, - и указал рукой направо. – Из ДШК и миномета молотят по ним. Мы думали, что ракет вроде у них больше нет. «Крокодилами» (Ми-24) попытались их накрыть, но не удалось. Душманы пустили пару ракет из ПЗРК. Слышал такие - «Ред ай»?

- Красный глаз! – кивнул головой лейтенант.

- Они самые. Экипажам удалось от ракет уйти. От «Стингера» навряд ли бы ушли. Лейтенант, ваша задача...

Громкие хлопки, и после них усиливающийся в салоне звук от работающего двигателя, стал нарастать и давить на уши.

Открыв рот, Игорь обернулся, и то, что увидел, его затрясло от страха. В середине салона лежало бьющееся в судорогах тело младшего сержанта Востросина. С его окровавленного предплечья в разные стороны били фонтаны крови. И слева над иллюминаторами, расположенными посередине салона две рваные дыры.

Два солдата с бортпроводником кинулись к раненому Востросину. Снайпер, Кирилл Кислов, просунув свою винтовку в открытый иллюминатор с другими солдатами, стреляли по скале.

- Сади машину, капитан, сади машину! - орал Федорову лейтенант.

И вертолет, наклонившись на правый борт, резко пошел на сближение со скалой, и, продолжая разворачиваться дальше, резко пошел вниз.

Схватившись обеими руками за стенку, лейтенант, всматривался в лобовое стекло, пытаясь понять замысел летчика, зачем он пошел на сближение со скалой, с которой по нему душманы открыли огонь.

Вертолет, опустив нос, казалось, вот-вот врежется в камни, которые с огромной скоростью вырастали перед ними. Видя это, Князев никак не мог предотвратить этой ситуации, а оставался только ее зрителем. И, более того, чувствуя неприятное ощущение в животе и груди, будто его выворачивало, кричал, пытаясь защитить себя от этого: «А-а-а-а!»

Но Федорову удалось выровнять свою Василису, и, сделав резкий крен в обратную сторону - на левый борт, Игорь снова ничего не мог сделать, пытаясь устоять на ногах, выравнивая свое равновесие, и продолжал кричать.

А скальная часть еще быстрее стала нарастать перед лобовым стеклом. Но Федорову снова удалось выровнять свою Василису, и резко снизив скорость ее движения, он нос начал задирать на скалу, которая была уже совсем рядом от них.

Новой дыры от пули, пробившей борт вертолета, Игорь уже не стал искать. Как удержались бортмеханик с двумя солдатами, оказывающих помощь раненому младшему сержанту, после таких пируэтов вертолета, трудно сказать. Обернувшись назад, он с испугом смотрел на то, как летчик пытался пристроить свою «Василису» с крутящимися винтами к краю скалы. И до него сразу же дошло, что теперь их выход.

Удар левого колеса Василисы о камень, сильно встряхнул салон, и Игорь, не удержавшись на ногах, опрокинулся спиной назад, но кто-то его удержал, и не дал ему завалиться спиной на пол. Вскочив на ноги, открывая дверь, он кричал одному из солдат, лицо которого было полностью залито кровью, чтобы тот остался и сопроводил раненого в медсанбат. И крикнув солдатам: «На выход», - бросился в проем открытой двери.

- 2 –

Василиса легла на бок и начала падать. Игорь, удерживая панаму, провожал его глазами, веря, что это маневр. И машина, исчезнув из его зрения, через несколько десятков секунд, появилась вдали, с той стороны ущелья, «карабкаясь» на соседнюю высоту. И только теперь, слушая ровную очередь работы крупнокалиберного пулемета: та-та-та-та, - он, подняв голову, стал прислушиваться к этому звуку, пытаясь определить его местонахождение.

Как Федоров смог пристроиться к этой узкой выемке скалы, трудно сказать. Ее ширина, на глаз, метров двадцать. Нет, такого не может быть. Значит, они прыгали из машины и, не заметив, что она висела на расстоянии от скалы, на которую они десантировались, минимум как в метре – полутора.

- Товарища лейтенанта, тока вниз идти, - сказал в ухо Князеву Муса Мансуров.

И только теперь Игорь вернулся в себя. И немножко высунувшись головой от края скалы, посмотрел вниз.

«Да уж, с полкилометра как минимум, до той полоски дороги под уступом скалы», - покачал головой лейтенант. И невольно вздрогнул, когда услышал где-то вдали раздавшийся хлопок и шум летевшей ракеты куда-то вниз, оставлявшей после себя тонкую белесую полосу.

Вторая пролетела в метрах пятидесяти от него, и в ту же сторону, что и первая.

- Видно по нашим бьют из гранатомета, - сказал ефрейтор Смернихин, наблюдая в прицел винтовки за удаляющимся снарядом. – А-а, понятно, там колонна БМПэшек идет в эту сторону. По ним и бьют.

- Десантники, наверное, - предположил, осматриваясь по сторонам, лейтенант. – Муса, ты все осмотрел?

- Ровный стена.

- Блин, ну ладно, сейчас что-нибудь придумаем, - и, поднявшись, Князев посмотрел на Мусу. – А если постараться, Мансуров, можем отсюда уйти?

Солдат пожал плечами:

- Я могу. Если туда, - Муса показал вниз, - то можно, товарища лейтенанта. – Вон тама, - подойдя к краю скалы, стал что-то рукой показывать Князеву.

Игорь, затаив дыхание, наступил на край пропасти, и заглянул вниз. Да, выступы камней, были неширокими. И если постараться, то вполне можно по ним пройти. Но далеко ли?

- А сейчас, товарища лейтенанта, - и Мансуров с легкостью прыгнул на один из выступов, который был ниже края скалы всего-то на метр, судя по росту бойца. А казалось-то, намного ниже.

А Мансурова и след простыл, уже на двадцать метров, не менее, как по ступенькам по ним, прыгает.

Князев понимал, что другого выхода у него нет, как идти за этим бойцом. Хотя, нужно подождать, выход то найдет Мансуров или нет. Но и сидеть здесь, это можно сравнить только с одним: с позором. Он должен найти и уничтожить душманские огневые точки. Должен! Если он сейчас этого не сделает, то экипажа с пассажирами разбившегося вертолета, если кто-то из них остался живыми, не спасти. Не спасти!

- Товарища лейтенанта! – позвал его Муса. – Есть выхода...

- За мной! – скомандовал Князев, и, упершись рукой на камень, на котором стоял, с опаской, с дрожью в ногах, начал спускаться на торчащий выступ, боясь смотреть в пропасть.

Упершись ногами о камень, не отпуская рук с края скалы, посмотрел на Смернихина, вопросительно смотревшего на него.

- Товарищ лейтенант, давайте я первым пойду, я же сапер, - попросил он.

- Потом, потом, не возвращаться же назад, - с дрожью в голосе ответил Князев. – Нельзя, нужно идти вперед, - и, собравшись духом, сделал следующий шаг, за ним – третий, потом - четвертый.

Влево он боялся смотреть, и поэтому, кося глазом на камень справа, на который постоянно облакачивался рукой, шел вперед за идущим вдали от него Мусой. Сзади за ним нога в ногу двигался сапер. Но глянуть, все ли солдаты пошли за ним, уже не было возможности, так как тот «балкончик», на который непонятно как высадил их капитан Федоров, уже был на голову, или – на две, выше. Не подпрыгнешь же.

Автомат, который он держал в левой руке, становился тяжелее и тяжелее, поэтому Игорь старался его перевешивать правой рукой, вжимаясь ею в плоскую часть скалы. И, что еще, не менее важно, нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться.

- Ох! - вскрик Смернихина и удар железом о камень, говорил о том, что парень потерял равновесие.

- Все нормально? – боясь повернуться к идущему за ним солдату, спросил Князев.

- Да, да, да, товарищ лейтенант, споткнулся.

- Не торопись, другого выхода нет, - стараясь погасить свой испуг и одышку, появившуюся, скорее всего от нервного потрясения, лейтенант посмотрел в сторону Мансурова. А того нет. – Мансу... - и задавил в себе этот вопрос, понимая, что тишина их помощница.

Неожиданно появившаяся рука в двух-трех шагах от него, а затем голова Мусы, снова вызвала у Игоря одышку. Но, стоять нельзя, нельзя, и он, почувствовав вернувшуюся силу в ногах, двинулся к Мансурову.

Муса, подхватив лейтенанта под плечо, помог ему взобраться на широкий камень, по которому можно было выбраться на плоскую часть скалы и...

...И уступая место поднявшемуся за ним Смернинину, за ним – Кислову, потом Константинову с его тяжеленным пулеметом, Князев, догнав Мусу, по небольшому скальному плато взобрался до следующей стены. Но она не была к счастью, такой замкнутой, как в том месте, где они десантировались с вертолета. Только была здесь не щель, а подъем, состоявший из таких же выступов, по которым они только что пробрались сюда.

И снова подъем, только теперь он напоминал более-менее широкую дорожку, с метра в полтора, и не ровную, а ползущую в гору, почти пологую, так градусов на двадцать-тридцать. И не страшно по ней идти, если только вниз не смотреть, главное на мину не наступить. Хотя, навряд ли душманы ее здесь оставят, ведь даже и не догадывались они, что здесь могут пройти шурави. Но ошибались. А может, и нет, поэтому сапер шел впереди.

Как не пытался вторым пойти Муса, Князев его поставил третьим, вторым оставил себя, он командир. И он ведет группу, а Муса молод, не натворил бы чего. А сапер...

Лейтенант остановился, подчиняясь приказу – поднятой руке вверх сапером. Неужели мина? И прикрывая от осколков голову руками, вжался в землю. Что делать? Эта мысль пришла намного позже, секунд через пять, может десять, когда над ним со звоном разорвалось еще несколько гранат.

- Это наши долбят по нам, снизу, - громко прошептал Смернинин.

«Что делать? Что делать? Что делать?» – барабанной дробью застучали в сознании Игоря повторяющиеся мысли, чего он знал, никак допускать нельзя, а то мешают мысли.

И обернувшись, ища глазами радиста, вспомнил, что у них нет данных по волне десантников, строчащих снизу из своих КПВТ, или ДШК, установленных на боевых машинах.

То, что сделал он через секунду, после этой мысли, никто бы не поверил. Солдаты, идущие за ним, вскрикнули с испуга, думая, что их командир убит и падает вниз. Но это было совсем не так. Лейтенант, сняв свою панаму, подполз к краю скалы, встал в полный рост и начал махать ею. И как по волшебству, обстрел их снизу прекратился.

- 3 –

Что помогло им, после долгого осмотра открывшейся части скалы, не двинуться дальше, так это случай. Показалось, что услышали песню. Но это была не песня, а молитва, так посчитал Муса. Поэтому и задержались, пытаясь понять, откуда она доносится. А это было трудно понять, так как на вершине ветер более свободный, ему мешает только одна скала, которую ему не трудно обойти. И звуки, которые он несет на своих крыльях, могут прийти не со стороны своего источника, это все понимали, и поэтому затаив дыхание, искали.

- Товарища лейтенанта, - прошептал Муса, - это не молитва. Нет, нет.

- А что же? – всматриваясь в ровную скальную стену, спросил Князев. – Мансуров, нам нужно идти дальше, вон по тому выступу. Только как до него добраться? Карабкаться по этой скале наверх?

Мансуров покачал головой:

- Назад идти нужна. Недалеко, там подъема.

- Смернихин, видел то место, о котором Муса говорил?

- Так точно.

- Давай, Коля, - и невольно удивился тому, как ефрейтор с большим удивлением смотрит на него.

Хотел переспросить, но оглянувшись, увидел такие же лица и у остальных солдат, у некоторых даже с улыбками.

- Что произошло, Николай, я не понял? – спросил он у ближе находившегося к нему рядового Константинова.

- Ничего, ничего, - отступил тот, пропуская лейтенанта.

- По именам стал называть нас, - услышал он тонкий голос Кислова. И, покачивая головой, усмехнулся про себя, подумав: «Училищные привычки все дальше и дальше уходят».

Ду-ду-ду-ду, - заработал сзади пулемет.

Где? Припав к камням, стал искать его. На выступе скалы никого.

- Вон, - вскрикнул Кирилл Кислов, показывая рукой вперед себя.

- Где? – придвинулся к нему Князев.

- Вон, товарищ лейтенант, посередине выступа что-то мелькает. Видите?

- Нет.

- А вон туда смотрите, где выступ начинается, и чуть дальше, сантиметров так, ну не знаю.

- Вижу, вижу, вижу, - перебил снайпера Князев. – А как? А где они? Там, наверное, пещера?

- Похоже. Но отсюда нам ничего с ними не сделать, я не вижу какой-нибудь зацепочки даже.

- Ладно, Кирилл, тогда идем к ним.

А тропка оказалась хоженной, по бычкам от сигарет, разбросанным винтовочным или автоматным гильзам... Не хватало только растяжек. Но сапер полз вперед без остановок. Но, стоило только подумать об этом, как Смернихин остановился. Игорь – также. Ефрейтор немножко приподнял раскрытую ладонь, и через несколько секунд растопырил на ней пальцы.

«Пять. Что пять? Душманов?» - размышлял Князев.

И когда Николай, сжав ладонь в кулак, снова раскрыл ее, показав два пальца, Игорь понял, впереди семь не мин, а душманов.

Смернихин немножко отполз вправо, подзывая к себе командира.

- Они внизу. Там видно какое-то углубление. Может, гранатой их? – спросил Кирилл.

– Или подползем, посмотрим?

- Где они, говоришь? – спросил Князев.

- А вон торчат стволы винтовок. Прямо смотрите, това...

- Чи, - Игорь приложил указательный палец к губам. - В метрах двадцати от нас, не больше. Приготовиться, после взрыва атакуем.

И выложив впереди себя две гранаты РГД-5, и вытащив у одной из них чеку, примерился и бросил, за ней – вторую.

За разрывами гранат он не наблюдал, опасно. А то, что одна из них попала в цель, догадался, когда кусок от приклада упал рядом с ним.

- За мной! – скомандовал лейтенант и бросился вперед.

То, что это оказалась не яма, где находились душманы, а углубление с входом в пещеру, заставило Князева остановиться. И не мысль о том, что в ней могут находиться душманы, а чьи-то стоны или крики, или... Граната, влетевшая в проход, взорвалась через несколько секунд, выгнав из пещеры клубы дыма. Но это не остановило Князева, и он начал спускаться по проходу, задержавая рукавом рот и глаза.

Спустившись вниз, резко замедлил шаг, нащупывая ногами камни, и боясь споткнуться, открыл глаза. Здесь пылевая завеса уже не была плотной, благодаря раздувающему дым ветру. А дорожка вниз все продолжала и продолжала спускаться. И только через несколько минут он еле удержался, чтобы не наступить в пустоту.

Дорога резко ушла вправо. Это был тот самый выступ, до которого еще полчаса назад Игорь не знал, как добраться.

Бу-бу-бу-бу, продолжал безостановочно работать пулемет, ствола которого Игорь так и не видел.

Чья-то рука ухватилась за его плечо, требуя остановиться. Это был Смернихин. Продвинувшись вперед, он закинул автомат себе за плечо и, держа в руках по гранате, пригнувшись, направился к проему, в котором душманы и устроили огневую точку.

Хлопок, за ним второй, и по горам разнеслась звенящая тишина.

- Товарищ лейтенант, вон тот вертолет, - показывал рукой на соседнюю скалу Кирилл Кислов.

Глава 15. Красный глаз

- Да уж, - майор Куракин помотал головой, и, не отводя глаз от сделанных им записей в толстой тетради, что-то подчеркнул в ней шариковой ручкой. – Интересно получается, Игорь Александрович, вы уничтожили гранатами душман, вошли в пещеру, где они находились, и кроме трупов в ней больше ничего не было. Чего не было?

- Да вообще ничего, Сергей Петрович, то есть, извините, товарищ майор, - опустил глаза лейтенант Князев. – Ну, как вам сказать, ничего. Ни каких предметов, в смысле, кроме нескольких винтовок и двух автоматов. Это было оружием душманов.

- Удивительно, - поднял глаза на Князева майор. – Они же там жили. Ну, ладно. Что представляла из себя, Игорь Александрович, эта пещера?

- Углубление в скалу. От чего оно образовалось? Не знаю, может из-за землетрясения, кусок скалы стоявший здесь отвалился от нее, и оставил глубокую выемку, ну, в смысле пещеру...

- Ладно, ладно, если нужно, то пусть в этом разбираются археологи. И тайников в ней никаких не нашли?

- Я, честно говоря, об этом и не думал в начале, - снова опустил глаза лейтенант Князев. – После взрыва там пыли с дымом было много, дышать невозможно. Два солдата заскочили в нее, потом тут же выскочили, сильно кашляли. Внутри пять тел лежало, все в крови, черные от гари.

Товарищ майор, ну мне нужно было уничтожить ту огневую точку, в скале, а не задерживаться там. Я удостоверился в том, что они уничтожены и не будут стрелять нам в спину. Я понимал, что эти взрывы от гранат те душманы, стреляющие из ДШК, слышали, и нам нужно было не дать им опомниться. Нам нужно было срочно добраться до их второй пещеры, в которой те находились, - Игорь снова поднял глаза на начальника разведки. Его пересохшие и растрескавшиеся губы дрожали. Парень нервничал. – То есть, товарищ майор, я не должен был терять времени.

- Я не против этого, не доказывайте мне этого, - на лице Куракина появилась полуулыбка. – Продолжайте, продолжайте рассказывать.

- Но, потом, как я понял, душманы, которые строчили из ДШК по той стороне скалы, скорее всего, и не слышали этих взрывов. Почему, потом объясню.

Когда мы по скальному выступу приблизились к ним, меня остановил сапер. Это ефрейтор Смернихин. Он проверил последние десять там, может восемь, может больше, метров, не заминирован ли этот участок. Все делалось очень быстро. И потом он, добравшись до этого проема, из которого строчил пулемет, бросил в него гранаты.

- Гранаты?

- Ну да, РГДэшки, одну за другой. После взрывов мы бросились туда. Из пещеры валил дым. Я услышал стоны. Смернихин спрыгнул в нее, в эту пещеру, за ним еще кто-то, потом я, кажется. Толчая. Я уперся в этот пулемет. Он стоял на станине, горячий, обжегся, - лейтенант показал обратную сторону ладони, покрытую йодом. – Он стоял на чем, ну, типа рельсах. Нет, не рельсах, а на тележке. Ее можно выкатывать вперед и закатывать назад. Эта пещера глубиной метров восемь – десять. В ней лежали четыре убитых душмана. Были разбросаны пять пулеметных лент, снаряженных патронами. И такая куча, - Князев поднял руку над столом, - нет поменьше, те ленты были пустыми. И еще были раскиданы железные ящики с патронами. Видно двое из этих душманов были заряжающими.

Все, - Игорь посмотрел в глаза майора. – Эта пещера необычная какая-то.

- Как понять? – прищурился Куракин.

- Ну, товарищ майор, ну. Ну, как это сказать. Короче, чтобы войти в нее, нужно запрыгнуть в нее. Вход в пещеру был видно провален, и нужно прыгать в нее. Это почти около метра. И когда выходили из нее, нужно было прыгать на каменный выступ. Опасно. А ничего подходящего в этой пещере, типа какого-нибудь подмостка, по которому можно ходить, не было.

- Может его вашими гранатами разорвало и выкинуло взрывной волной из пещеры? - посмотрел в глаза лейтенанта майор.

- А-а, - удивился Князев, - может, может. Хм, не подумал. Товарищ майор, все стены прощупал, ни двери, ни какого-то второго внутреннего входа в нее ее изнутри не нашли. Саперу приказал ДШК с патронами уничтожить. И он так сделал.

Потом мы вернулись к той первой пещере. Дым полностью не выветрился из нее. Двух человек расставил на охрану. Всю ту пещеру обследовал, одна каменная стена.

- Дальше, - не давая передохнуть лейтенанту, начал торопить его майор.

- Воды можно?

- Да, да, - Куракин с чайника наполнил зеленую кружку теплой водой.

Лейтенант, сделав несколько маленьких глотков, поставил ее на стол. – Першит, товарищ майор, извините. Ну, начало темнеть, товарищ майор. Я так понял, что вертолет за нами не прибывает, нужно спускаться со скалы. Но, как я сказал, начало смеркаться, и поэтому решил там остаться, в той пещере. Трупы вынесли и сбросили их со скалы. Другого выхода у меня не было.

Ну, и еще, я же собственными глазами видел ракету, пущенную душманами или из гранатомета, или из ПЗРК. Значит, там дальше, есть еще одна их огневая точка. Нужно было ее найти.

- Когда темнело? – посмотрел в глаза лейтенанту майор Куракин.

- Утром, товарищ майор, когда начался рассвет, мы услышали голоса людей. Они были недалеко, но в нашу сторону не шли. Стояли в метрах тридцати от нас, может больше. Муса Мансуров, ну, таджик, боец мой, сказал, что они говорили о красном глазе. Что эта ракета будет сбивать все самолеты и вертолеты шурави.

- Ред ай, - постучал пальцами по столу майор, - ПЗРК – переносной зенитный комплекс для поражения низколетящих воздушных целей американского производства. Это, что-то типа нашей «Иглы», Игорек. Неприятная штука. Ты говоришь, видел, что стреляли из гранатомета по нашей колонне. Так вот тебе скажу, что это вполне могла быть и ракета из этого ПЗРК. Но если говоришь, что среди них находится Смит, то он навряд-ли бы разрешил из ПЗРК стрелять по колонне. Хотя, как говорится, у страха глаза велики. Продолжай.

- Их было семеро человек. Они так в нашу сторону и не пошли, товарищ майор, поговорили и пошли в другую сторону, обратную от нас. Мусу отправил за ними.

- Что? – с возмущением посмотрел на лейтенанта майор Куракин. Его сухощавое лицо с обтянутой кожей, казалось, что вот-вот превратится в копьё – длинный ровный нос вот-вот объединится с подбородком. – Ты понимаешь, что там кругом могут находиться их наблюдательные посты?

- Было очень холодно и нам ничего не оставалось, товарищ майор, как кутаться в их, душманские халаты и чадру. Солдаты их не выкинули вместе с убитыми. И Муса, как и мы были в этой одежде.

- Хм, - скривился майор. – Продолжайте.

- Сапер пробрался к тому месту, где они стояли. Там скальная часть со стороны перевала невысокая, а та, что справа, со стороны гор, высокая. Если нас могли увидеть душманы, то только со скалы напротив, где упал вертолет.

Ну, это я описал то место, где мы находились. В том месте, где стояли душманы участок ровный. Такой небольшой, где-то семь на восемь метров. Ничего нет. Но, сапер заметил небольшую щель. Это были две плиты из сбитых досок, с наклеенными на них кусками камней. Ну, он показал нам, что нужно прятаться, мол, там еще кто-то есть. И еле успели укрыться.

Одна часть двери сдвинулась в сторону, и из щели вылез душман. Я так понял по его действиям, что он часовой. У него была винтовка «Бур». Постоял немножко и направился в ту сторону, где ночью спали мы.

Но он не успел далеко уйти, как из той щели вылезли еще четыре душмана. Они не стали закрывать за собой щель, крикнули что-то тому первому, показав, я так понял, чтобы он вернулся. Тот что-то начал им в ответ говорить, но двое пошли к нему и скинули с плеч свои автоматы и направили на него. Они о чем-то громко говорили между собою, и тот, что с винтовкой, вернулся к входу в щель, а те направились дальше.

Когда те скрылись, этот часовой вернулся к подвалу, ну, в этот момент я его и стукнул по голове. Связали ему руки, кляп в рот, и оттащили от входа подальше, спрятав его тело.

Потом Смернихин, ну, это сапер.

- Знаю, - перебил лейтенанта майор. – Дальше, дальше рассказывай, извини, что перебил тебя.

- Он, короче, слез в этот подвал, там никого. Ну, мы одного солдата оставили там для дежурства, в смысле, наверху, а сами направились за той четверкой. И когда те душманы пошли к той самой огневой точке, где был ДШК, и полезли в нее, то наступили на растяжку. Хлопок был не сильный, он был внутри пещеры. И все, мы вернулись.

Спустились в ту щель и все обследовали. Пещера небольшая. Она искусственная, обложенная изнутри бревнами, как блиндаж. Состоит из двух помещений. В первой части они спали, не на перинах, конечно, а на чем-то типа своей одежды. Небольшой мешок с сухарями, консервы нашли, и что-то еще.

А во второй комнате был склад. Гора патронов, несколько пустых лент для ДШК, и три из них снаряженные. Два разбитых автомата ППШ и такая же труба из гранатомета одноразового. Да, еще пара мин и несколько тюков с газетами, листовками. Они были неплотно завязанными, я по несколько экземпляров вытащил. Это были цветные журналы. Название на афганском языке, с картинками наших убитых солдат, окровавленных комсомольских и военных билетов, - лейтенант остановился, и, проглотив накопившуюся во рту слюну, продолжил. – И наша газета «Красная звезда» на русском языке с призывом шурави возвращаться домой. Ну, я их тоже принес.

- Видел, - кивнул головой майор, - ее особист показывал мне. Значит, Игорь Александрович, вы там все так и оставили, говоришь?

Лейтенант поднявшись, ответил:

- Так точно.

- Садись, садись. Почему?

- Ждал Мансурова. То есть, ждал возвращение рядового Мансурова, которого отправил за душманами.

- Тоже правильно. Долго его ждали?

- С час где-то. Он сказал, что дальше не пошел, в полукилометре от этого места стояло несколько часовых.

Ну, товарищ майор, мы-то с языком вернулись.

- Да, да, и правильно сделали. Отдали его местной контрразведке, пусть сами разбираются с ним.

- А живые остались люди в том вертолете, что разбился?

Но майор только легонько покачал головой, о чем-то задумавшись. И потом, посмотрев на лейтенанта, поднявшись, сказал:

- Через четыре часа подъем. Не теряй время, иди отдохни.

- 2 –

Все как в сказке! Нет, нет, поправлюсь, все как в жизни. В сказке время можно безгранично растянуть, те же четыре часа данных на отдых до восьми, к примеру. А в жизни чаще происходит это превращение в более меньшее число, например, как и здесь произошло, в полтора часа. Это то время, за которое отчет лейтенанта Князева шел от начальника разведки к начальнику штаба, потом от него к командиру полка, от того к командиру дивизии. А вот оттуда назад, как лавина в горах, он спускался к самому исполнителю во много раз быстрее, в течение одной минуты, в виде нескольких фраз: «Вы куда смотрите? Там завтра...»

И все. Разведзвод лейтенанта Князева через семнадцать минут после этих слов оказался в вертолете, у которого не было человеческого имени, а только три цифры. Изрешеченная пулями «Василиса» капитана Федорова стояла на ремонте, а ее хозяин в госпитале – контужен.

Старший лейтенант Коростылев со своим экипажем был асом. Шел необычно, клюя носом под порывы сильного ветра, почти над землей, потом «шагал» под скальными пиками, «обтекая» их с той или иной стороны, как вода. Таким способом и принес группу лейтенанта Князева за версту до того места, где он в недалеком вчерашнем вечере погасил огневую душманскую точку над сбитым вертолетом на перевале. Чуть дальше от него, в километрах полутора высадил вторую группу с младшим сержантом Сидоровым.

Командирские потери для его взвода, – сержант Евтеев попал с желтухой в инфекционный госпиталь, а за жизнь младшего сержанта Востросина сейчас боролись военные светила в кабульском госпитале, - приводили к тому, что третья группа бойцов была разделена в первых двух, приданных для усиления. А это в военное время далеко не лучший вариант, который больше приносил усечение тактическим действиям разведке, чем ее усиление.

Но вернемся к высадке разведки. По всем канонам аса Коростылева, она должна быть высажена незаметно для противника. И все потому, что в этот регион он зашел не из Кабула, а с Чарикара, то есть с обратной стороны. Во-вторых, когда шел, больше напоминал раненую птицу, которой постоянно приходилось терять свою силу полета, и чтобы прикрыться от порывов сильного ветра, уходить от его потоков за горными стенами, местами присаживаясь на минутку – другую, чтобы заново перед полетом набраться сил.

Вот в одной из таких посадок и вышла из него группа лейтенанта Князева. А в очередной раз – группа младшего сержанта Сидорова. И птица, снова поднятая на

крыло, кряхтя, посылая очередную порцию бело-серого дыма, ползла над небольшими пиками скал дальше.

Душманы, а они здесь были, видя небесного шайтана, делали вид, что их здесь нет, маскируясь от острого глаза вертолетчиков. И спасибо случаям, что и в их бандах есть не сдержанные люди: одна из каменюк, возвышающаяся своей неровной пикой над перевалом, ожила несколькими короткими и длинными очередями крупнокалиберного пулемета. И, что было очень важно для группы лейтенанта Князева, заметившего новую огневую точку душманов, она была как раз им по пути к перевалу.

Через несколько десятков секунд ожила высотка и справа, через которую должна была пройти группа младшего сержанта Сидорова. И, несмотря на это «раненая» винтокрылая птица все никак не могла набраться сил, чтобы уйти из-под обстрела наседавших на нее охотников моджахедов. В очередной раз, поднимаясь в воздух, ее почему-то начало сносить ветром назад. Зачем это нужно было делать старшему лейтенанту Коростылеву, Князев прекрасно понимал. Он решил помочь разведчикам, чтобы вскрыть огневые точки душман, находившиеся рядом. И благодарил его от всего сердца за такую помощь, за то, что теперь ни его группе, ни бойцам младшего сержанта Сидорова, не нужно заниматься их розыском.

А вот почему этот психанутый ас старший лейтенант Коростылев не уходил? Почему? Вначале у бегущих к цели разведчиков, об этом думать было некогда. Цель вскрыта, нужно приблизиться к ней как можно ближе, и потом – уничтожить. Но вот когда несколько разрывов снарядов преградило им путь, Игорь схватился за голову, наблюдая за раненой «птицей», перемещавшейся то вперед, то назад, поднимаясь то высоко, то низко.

Третья мина легла почти рядом у строчившего по вертолету ДШК.

- Кислов, Кирилл? – позвал к себе снайпера лейтенант. – Посмотри, сможешь его погасить?

Боец, припавший правым глазом к окуляру прицела замер.

- Да их там, товарищ лейтенант, человек пять, если не больше. Пулеметчика не вижу, а вот тех, что по вертолету стреляют из винтовок, хорошо вижу.

- Блин, вот дурак, этот летчик, а? Он что решил, чтобы те духи из миномета расстреляли этих? – сплюнул Князев.

- Говорят, что у того старшего лейтенанта пара контузий была, не раз горел, - прошептал поближе подползший к офицеру радист.

- Похоже, - согласился с Киселем Князев. – Поэтому нужно торопиться, а то глядишь и заберет нас назад. Если успеем.

- Неплохо бы, - постучал кулаком по камню Кислов.

Четвертая мина снова «легла» рядом с той огневой точкой, к которой шел Игорь. А вот пятая и шестая уже ближе и ближе подбирались к вертолету.

На глаз, до стрелявших душманов, оставалось метров триста – пятьсот. Но это на глаз, по прямой линии. Но реально добраться до них по горным неровностям, требовалось пройти намного больше. И пока душманы были отвлечены, Игорь стремился добраться до них в наиболее краткие сроки, пока солнце не скрылось за

горным горизонтом, в десятки раз сокращенным из-за пики скалы, за которую оно вот-вот зайдет.

И успели. Сделали все тихо, как и группа младшего сержанта Сидорова. А с вертолетом Коростылева действительно было что-то не так. Шел по низам к перевалу, и потом по его краюшку - в сторону Кабула, оставляя после себя, то ли серый, то ли черный дым. Но его очертания быстро растворялись в сереющем небе, как и самого вертолета.

Игорь про себя перекрестился, желая этому героическому экипажу долгой и счастливой жизни. Да, он обязательно завтра, если все будет нормально, напишет о его действиях рапорт командиру части, с просьбой, чтобы их представили к награде за вскрытие нескольких огневых точек противника. Если бы не они, то, Князеву с Сидоровым этим бы пришлось заниматься только завтра, и как говорится по-живому, когда душманы откроют огонь по автоколонне. А сколько бы это стоило жизней шурави, неизвестно.

- У них тоже, наверное, есть такие, как наш капитан Прохолоец, - прошептал ефрейтор Смернихин.

- Ты это к чему? – спросил у него радист Киселев.

- Да ни одной награды у капитана нет.

- Что он дурак носить их во время боевых на себе? – Удивился снова тот. – Да если собьют их вертолет, и он живой попадет в руки душман, то ему за каждую награду что-нибудь вырежут на груди.

- Разговоры! – громко прошептал Князев. – Так, слушайте меня. Ефрейтор Смернихин, вы мой заместитель. Слушайте все. Нести караул будет один человек. Через каждые час смена. Я заступаю первым, Смернихин – вторым. Кислов – третьим, Мансуров – четвертым. Слышишь, Муса. Тебя меняет Киселев, Киселя – Константинов, и меня будишь вместе с ним. Все услышали?

- Так точно, - ответили в один голос бойцы.

- Далее! Караульным никуда не удаляться, остаетесь здесь, на своем месте и во все уши слушать. Слушать. Чуть что, будите меня.

- Товарищ лейтенант, - окликнул громким шепотом Князева рядовой Киселев.

- Что, Эдик? – Игорь посмотрел на радиста, плотно прижавшего к уху один из наушников своей рации.

- Сидоровцы два ствола с ПЗРК нашли, без ракет. У духовского ДШК остались полторы ленты, три мины для миномета. Там восемь душманов было.

- Пусть будут начеку, - ответил Князев. – К ним могут этой ночью или на рассвете прийти гости, чтобы пополнить их боекомплект.

- Да, да, товарищ лейтенант, сейчас передам. «Белая мышь», «белая мышь»...

После радиосвязи воцарилась вокруг тишина. Все бойцы уснули, наверное. А Игорь, усевшись поудобнее, всматриваясь в рассыпавшиеся золотистым песком на небе звезды, стал слушать ночь.

В то, что с той стороны перевала не было наблюдателей за произошедшей здесь час назад потасовкой, не верилось. Хотя, та часть скалы ниже этой, что успокаивало. И та часть скалы, на которой работала группа Сидорова, тоже. Как им удалось

уничтожить банду душманов, неизвестно. Может так же тихо, подобравшись к ним вплотную, когда те строчили по вертолету, и расстреляв их из автоматов.

- Товарищ лейтенант, - прошептал ефрейтор Смернихин.

Игорь вздрогнул:

- Что?

- Да там, где стоял их ДШК, камни были сложены плашмя. Ну, под ним. А зачем?

Вопрос сапера заинтересовал Князева.

- Пулемет и без них мог бы бить на все триста шестьдесят градусов, он высоко стоял. И вертолетчик мог бы его уничтожить без проблем. Не понимаю.

- Хм, - пожал плечами лейтенант. – Погоди, погоди, так задача у этого ДШК была другой, стрелять вниз, по дороге, идущей через перевал.

- А-а, понял.

- Отдыхай, Николай.

- Да, как вспомню, как тому душману в лицо попал из автомата, выворачивает. Не могу.

- А ты бы видела, как они в кишлаке бача убила, - подключился к разговору Муса.

- Видела, видела, - передразнил Мансурова Смернихин. - Жуть, я потом три ночи после этого с кошмарами спал.

- Все, бойцы, отбой! – скомандовал лейтенант. – А то сейчас под шумок они к нам подберутся и... все. Отбой!

И снова тишина, иногда прерываемая ворочением во сне солдат. А звездный песок, рассыпанный на небе, становился ярче и ярче, и все потому, что ночь становилась все глубже и глубже.

Насекомое, забравшееся через ворот на шею, защекотало кожу. Князев через материю комбинезона постарался раздавить ненужного гостя рукою. Но, этого сделать сразу не удалось, так как насекомое стало спускаться ниже, щекоча своими цепкими лапками кожу спины. И тогда Игорь решил, чтобы не терять времени прижал эту часть спины к ребру камня и поерзался об него. Потом замер, прислушиваясь, удалось ли ему разделаться с насекомым. Вроде да, его дальнейших передвижений по коже больше не чувствовал.

И чтобы не поймать с этого камня нового насекомого, отодвинулся от него подальше. Правая нога начала затекать, и поэтому, решил упереться на локти, чтобы вытянуть ногу вперед и расслабить ее. Но правый локоть уперся обо что-то, которое пыталось убраться из-под его тяжести, оставляя неприятное болевое ощущение.

Лейтенант, перекинув тяжесть своего тела на другой локоть, поднял правый локоть, и то, что он секунду назад опирался, покатило по камню и упало ему под ноги, звякнув по камню. Этим предметом оказался небольшой ручной фонарик, длиной не больше двадцати – двадцати пяти сантиметров. То, что он душманский и не опасен, об этом еще час назад говорил Смернихин, обследовавший его.

Игорь вздохнул, перебрал его трубку пальцами, думая, куда его отложить, чтобы не мешал ни ему, ни следующим караульным. Нащупав кнопку, невольно нажал на нее пальцем, и в то же мгновение ему в глаза ударил яркий луч света. Жмурясь, Князев

нажал на вторую кнопку, но он не погас, а начал беспрестанно мигать. И только третья кнопка, погасила его.

«Этого еще только не хватало!» - громко выругался он про себя и осмотрелся по сторонам. И тут же невольно вздрогнул: напротив него с той стороны перевала ему в ответ несколько раз моргнула вспышка. То, что она произошла не от выстрела, можно было только догадаться, так ни через секунду, ни через две не прозвучало никакого звука. И, буквально, через десять секунд после этого, три световых огонька откликнулись вдали, с той же стороны перевала, только теперь где-то напротив расположения группы младшего сержанта Сидорова.

То, что это откликнулись ему душманы, он не сомневался. В горах шурави пользовались только рациями, а не передачей друг другу информации с помощью фонарей. Единственное, что успокаивало, те вспышки были не на одном уровне с ними, а ниже, что даст им возможность на рассвете найти эти душманские огневые точки и, по возможности, уничтожить их...

- 3 -

На циферблате начало восьмого утра, а проход ожидаемой автоколонны через этот перевал затягивался по непонятным причинам. Это раздражало Князева и его бойцов, находившихся уже двенадцатый час в скованных условиях - на вершине скалы, просматриваемой с многих сторон гор.

«Расстояние от Баграма до Кабула не более шестидесяти пяти километров. Именно с этого участка в пять утра должна была выйти автоколонна и даже со скоростью передвижения сорок километров в час, она уже давно должна была пересечь это ущелье, - размышлял Князев. – Причиной этой задержки могло стать несколько. Первая, поздно выехали. Вторая, поломка в дороге какой-то техники. Третья, нападение на колонну душманов».

Радиоэфир по этому поводу тоже молчал. Да и вертолетов, которые должны сопровождать движение колонны, не видно.

Душманы, находящиеся здесь, тоже из-за этого начинают волноваться, часто высываясь из своих укрытий, поглядывая на строчку тянущейся через перевал ровной линии дороги. Да, удержать секреты в этой стране невозможно. Любая скрытая информация, попадая в уши афганских властей, службы их безопасности или армейцев, тут же начинает рассачиваться и становится доступной тому, кому передавать ее крайне опасно. Везде хватает предателей.

- Товарищ лейтенант, еще один душман высунулся, - доложи Кирилл Кислов. – Во как улыбается, и смотрит то сюда.

- Пятый, - раздался голос ефрейтора Смернихина, считавшего вслух обнаруженного снайпером душмана, находившегося в метрах трехстах – двухстах напротив них.

- О, товарищ лейтенант, - повысил голос Кислов, - а у него гранатомет. Блин, какой-то новой конструкции.

- В смысле? – не понял Князев.

- Да прицел у него какой-то большой, в смысле, у гранатомета.

- А ну-ка, дай посмотреть! – лейтенант передвинулся к снайперу и, взглянув в окуляр прицела его винтовки, и через несколько десятков секунд найдя интересующего человека с помощью подсказок солдата, воскликнул. – Да это же ПЗРК у него. Точно, точно, не наша ли «Игла»? – и внимательно рассматривая цель, снова воскликнул, создавая вокруг себя напряжение. – Нет, нет, это не она. А скорее всего американский «красный глаз». Похоже он. Блин, что же делать? – и отдав винтовку Кислову, задумался.

- Так он и нас может оттуда рассматривать, через тот прицел, как мы его? – высказал вслух свое предположение Константинов.

- Может, может, - согласился с пулеметчиком Князев. – Вполне может, как и пальнуть. Ее заряда вполне хватит, чтобы нас накрыть. Так, так, бойцы, не двигаться. Понятно говорю? А ты, Кирилл, не спускай с него глаз. Этого зенитчика нужно первым убрать, но так, чтобы труба полетела вниз, а не ракете из нее в наш самолет или вертолет, или в нас.

- Так хоть сейчас готов это сделать, - громко прошептал снайпер. – Когда скажете, тогда и... О-о, товарищ лейтенант, он что-то заерзался. Не нас ли увидел?

- Как начнет целиться, так и убирай его.

- А может лучше по этой зенитной установке сразу бабахнуть? – предложил Кислов.

- Так, как ты достал меня, - громко вздохнул Князев, всматриваясь приблизительно в то место скалы, где обнаружена засада душманов. – А попадешь в эту трубу?

- Так он на месте сидит, сильно и не ерзается. Отсюда до него метров, ну, сто семьдесят где-то, сто девяносто. Даже через глушитель в глаз ему попаду, не то, что в эту трубу. Даже кончик ракеты хорошо видно. Могу прямо в нее, как в десяточку.

- Нам бы лучше этот ПЗРК с собою в часть принести, - сказал Константинов. – Вот это была бы удача.

- Верно, - поддержал бойца Кислов. – Товарищ лейтенант, а падать то этот гранатомет будет метров триста, разломается, а может и взорвется. Может, я его там оставлю вместе с ним, на скале и ни кого из душманов к нему не подпущу.

- А нам потом лезь за ним на эту горушку, да? - тут же возмутился Константинов. – Нет, лучше уж пусть упадет.

- Стоп, стоп, - перебил бойцов лейтенант, услышав что-то похожее на нарастающий звук от рокота вертолетных двигателей.

- Это вертолеты от солнца летят сюда, - кто-то сказал из бойцов.

- Целится! – тут же доложил снайпер.

- Огонь! – отдал ему приказ Князев.

Секунды, которые тратил снайпер на прицел, казалось, растягивались не в минуты, а в целые часы. Игорь припал к прицелу своего автомата, пытаясь найти хоть одного душмана из той группы бандитов, расположившихся напротив них. Но это было безрезультатно. Расстояние пусть и было не таким большим, но малую цель, тем более хорошо сливающуюся в окружающем ее рельефе скалы, было найти просто невозможно, если бы она даже была контрастной по своему цвету с камнями.

Щелчок от ожидаемого выстрела, сделанного снайпером, был настолько неожиданным, что Князев невольно нажал на пусковой крючок автомата, и если бы он не стоял на предохранителе, то это было бы его главной ошибкой.

- Четко попал в цель, товарищ лейтенант, - доложил снайпер. – Вон как задержался. Но уже все, ты – дух, готов! – с дрожью в голосе воскликнул Кирилл. - Блин, заметили? Еще один душман лезет к ПЗРК, - и, буквально, через секунду, раздался второй щелчок. И в этот же момент, с шумом, в метрах сорока-пятидесяти над ними прошел громкий рокот пролетавшего «крокодила».

Вспомнив о монокуляре, который перед выходом в эту командировку он засунул за «лифчик», Князев достал его и, настроив резкость, начал обследовать участок с душманской огневой точкой.

- Где этот ПЗРК? – спросил он у Кислова.

- Товарищ лейтенант, ну, как объяснить, не знаю. Ну...

- Не отвлекайся, Кирилл. Мы сможем его взять, как ты думаешь?

- Не знаю, без потерь навряд ли. Вон еще один лезет, справа, в метрах трех-пяти от гранатомета. Ну, ПЗРК, короче. Сколько ж вас там, моджахеды?

И снова щелчок от выстрела.

- Третий уже.

- Сможешь уничтожить ПЗРК? Только что бы его в дребезги разбить, ну, чтобы от него ничего не осталось, - припав к монокуляру, попросил Князев.

- Так десять дней отпуска потеряем, - всхлипнул Константинов.

- Или быть «двухсотым», - ухмыльнулся Смернихин. – Товарищ лейтенант, может Колька сбегает за ним со своим пулеметом, душман распугает и ПЗРК принесет.

- Шутки в сторону, колонна появилась, - сквозь зубы прошептал Князев. – Кирилл, что тянешь.

Хлопок и все бойцы, щурясь, всматривались в скалу, ожидая слов Кислова.

- Ну, - ткнул его в плечо лейтенант.

- Попал, его откинуло куда-то, ищу. А вот он, - с облегчением вздохнул снайпер. – Этот ПЗРК больше восстановлению не подлежит.

- А снаряд в нем? Его тоже.

И снова секунды тянутся очень медленно.

Щелчок. Кислов не отрываясь от прицела, рассматривает цель.

- Все, товарищ лейтенант, труба в дребезги и он упал вниз. Метров на десять – пятнадцать, его уже не достать.

- Так, бойцы, о том, что уничтожили ПЗРК, забыть, как и то, что он был обнаружен. Вместо него, мы уничтожили гранатомет. Вопросы?

Солдаты эту информацию приняли молча.

Где-то справа заработал ДШК...

Глава 16. Игра в «дурака»

Всматриваясь в сплошную линию из плотно уложенных черно-белых фотографий, Игорь Князев пытался просчитать количество навьюченных животных - верблюдов и

лошадей, идущих в караване по виноградному полю, сфотографированному из вертолета. Но постоянно сбивался, то на двадцати семи, то тридцати четырех... И виной тому был рукав куртки, лежавший на них, которые то и дело при его неаккуратном движении, то съезжались, то разъезжались, и приходилось начинать счет снова.

Дверь отворилась, и в кабинет зашел начальник разведки:

- Ну, что, вот смотри, - и разложил перед лейтенантом цветную географическую карту – лист форматом пятьдесят на сорок сантиметров. – Вот здесь, - он ткнул указательным пальцем в правую часть карты, - часть Панджшера, здесь Баграм, дальше, - пододвинул ладонь поближе к лейтенанту, - Чарикарская долина, а там Кабул. А это, - он провел пальцем по центру карты, указывая на еле видную линию, прочерченную грифелем карандаша, - дорога Баграм – Кабул. Напротив города Баграма, с той стороны дороги в полутора километрах кишлак.

По первым аэросъемкам, этот караван, что перед тобою на фотографиях, прошел за кишлаком где-то в двух-трех километрах, рядом с горами Панджшера.

Князев, убрал свои руки с кончика стола, положил их на колени, и, придвинув свой корпус поближе к столу, не спускал глаз с руки начальника разведки.

- Вот здесь, караван остановился, - майор ткнул рукой в зеленую зону, чуть дальше от кишлака. – На сутки. Сегодня пятница, а это было в понедельник. Здесь степной район, трава выгорела, и это поле смотрится черной меткой. Они отпустили верблюдов и лошадей, и те паслись вот здесь по берегу арыка, где сохранилась трава. А люди с поля не уходили. Причина? Скорее всего, не хотели, чтобы их посчитали с неба вертолетчики. И продержались здесь до вечера вторника.

- В это время, товарищ лейтенант(!), - майор повысил голос, - к ним к полудню вторника подъехал автобус, остановился минут на десять и поехал дальше в сторону кишлака, а потом – по дороге на Баграм двинулся. Но до него не поехал, а вышел на трассу Баграм – Саланг, доехал до нашего контрольно-пропускного пункта, где его осмотрели, и направился дальше. Но отъехал недалеко, метров на пятьсот, может, чуть меньше, от КПП, съехал с дороги, и остановился у зеленки. Его водитель поднял капот машины, пошел пар. Оставили его открытым и начали разбирать переднее колесо.

Да, забыл, в автобусе вместе с водителем было пять мужчин, - майор обошел стол, и присел на стул, и посмотрел на Князева. – Слушай дальше. Ремонтировали они это колесо, вернее передний мост, я так понял по рассказу наших караульных с КПП, наблюдавших за ними. Может, делали вид, что этим занимались, но до такой степени намозолили глаза нашим бойцам с КПП, что те уже перестали толком на них обращать внимание. Хватало другого транспорта едущего по той дороге, который они должны были пропускать.

Потом, тем пассажирам удалось этот автобус отремонтировать, но они дальше не поехали, а вернулись назад к КПП, сказав, что не доедут, нужно ремонтироваться.

- На русском? – поднял глаза на майора лейтенант. - Сергей Петрович?

- Та руками там все им показали, прослезились, и, короче, наши их пропустили назад.

- Не проверив салон автобуса? – лейтенант прищурился.

- В том то и дело, не проверив. Но, один из наших молодцов количество людей в автобусе все же через стекло боковое просчитал, и, не сверив его с тем количеством, сколько в нем было до этого афганцев, занесенных в списки, махнул им рукой, чтобы проезжали и не задерживались. Но, в журнале сделал запись, девять человек. И не сверил, черт подери!

- А до этого их было пять.

- Правильно говоришь. Плюс салон автобуса был завален баулами, лежавшими между сиденьями.

- Как он, солдат об этом узнал? – удивился Князев. – Он на броне БТРа или БМП сидел?

- Правильно говоришь. Сидел на БМПэшке и уплетал тушенку, - замолчав, на несколько секунд задумался майор. – А при сдаче караула эту разницу заметил в записях принимающий у них КПП караул. Когда в сторону Саланга ехал в автобусе было пять человек с тремя рюкзаками, а, когда этот автобус возвращался назад – девять человек и на всю длину его салон был завален баулами.

- Товарищ майор, ну может это люди, которые шли из Панджшерского ущелья или из Баграма. Ну, попросили этих афганцев, чтобы их подбросили до того же кишлака, - предположил одну из версий лейтенант.

- Вполне может и такое быть, - согласился с Князевым начальник разведки. – Только, когда эта информация дошла до их полка и те начали проверку, то выяснили, что через соседний афганский пост, который находится впереди нашего, не проходила группа людей, ни из ущелья, ни из города. Они видели небольшой караван, но он не дошел до них, остановился у «зеленки» - лесополосы, а потом исчез. А проверять его туда никто не пошел.

На следующее утро афганцы сообщили нашим, что из «зеленки» раздавались стоны животного. Они послали туда свою группу людей, и нашли в лесополосе убитых лошадей. Одна из них, видно оклемалась, и от боли начала ржать или стонать. Тех людей, которые шли с тем караваном, не нашли. Они предполагают, что те люди, убив животных, прошли по лесополосе поближе к нашему КПП. Но она заканчивается, та зеленка, в метрах двухстах от нашего поста. Они, те моджахеды, скорее всего и сели в тот автобус. И, похоже, он был специально прислан за ними.

- Хм, - покачал головой лейтенант.

- Вот тебе и «хм», - легонько постучал по карте майор. – Как кто-то отметил из нашего караула, автобус в Кабул не пошел, а в сторону кишлака. Десантники послали туда вертолет, чтобы проверить тот караван. А его след простыл, ушли, видно, той же ночью, оставив вместо себя тот сломанный автобус. Без топлива, со спущенными, продырявленными колесами. Но не подожгли его, так как хотели уйти скрытно.

Ну, вертолет покругил там, а каравана не нашел. А все потому, что он ушел не в степь, в сопки, где находятся в Чарикарской долине несколько кишлаков. А, скорее всего, пошел в сторону Кабула через виноградники. Его обнаружили вчера утром на его подходе к Пагману.

Он остановился в предгорье. Животных пустили пастись, а сами караванчики поставили восемь палаток. Успокоив этим наших. А сегодня утром этот караван

двинулся к Кабулу, но теперь без животных. Смотрел же на те фотографии, что я тебе оставил? – майор встал из-за стола и прошел к окну, к открытой форточке, и прикурил сигарету. Ее мерцание красно-золотистой точкой отразилось на черном стекле.

- Ты смотри, уже сентябрь, а ночью так же душно и жарко, как и днем. Вот лето, оно здесь месяцев восемь длится, если не все девять. Ну, так что думаешь по этому поводу, лейтенант?

- А я, товарищ майор, все никак не мог понять, почему на одних фотографиях виноградник, а на других степь. Вот и сбивался со счета животных. И к стати, отметил то, что там, в начале каравана нет ослов, а в конце – есть. И ослы, что отметил, пустыми шли, не навьюченными. Значит, выходит, потом, у Пагмана, с верблюдов сняли некоторую поклажу, и перевесили ее на ослов, и с ними ушли в горы.

- А почему так думаешь? – майор повернулся к Князеву.

- А потому, Сергей Петрович, что теперь верблюды, что посерединке идут, пустые. А когда они шли по степи, на них коробки висели.

- Коробки?

- Ну, да, вот посмотрите, на черном, ну темном верблюде с двух сторон коробки прямоугольные. А вот теперь он идет пустой. Ну, в смысле, не совсем, на нем что-то вроде двух мешков висит, может с тряпками...

- Внимательный, молодец! - усмехнулся Сергей Петрович. – Так вот, Игорек, спать завтра будешь, может, послезавтра. А сейчас поднимай своих бойцов и дуй сюда, к тому самому ущелью, где позавчера ты гранатомет уничтожил, - на лице майора снова появилось что-то в виде улыбки.

- Ну, а...

- Не перебивай старших! - поднял руку майор. – Есть информация, что сюда несут около десятка, ну, может, полутора десятков ПЗРК. Может и «Стингеров», может «Блоупайпов», «Джевелинов», а может и «красных глаз» (ПЗРК «Ред Ай»). Вот этот груз, который, скорее всего, доставят в эту часть Пагмана, и оставят здесь. Как ты думаешь, зачем?

- Ну, товарищ майор, понятно зачем. Здесь на Пагмане афганские правительственные дачи расположены. А с другой стороны - аэродром и аэропорт Кабульский.

- Правильно мыслишь. Так вот, нам приказали завтра же найти этот груз. Понимаешь? Из десантного «полтинника» ребята пойдут сюда, а вы – сюда.

- А можно в афганской одежде?

- Нет, так как в этом участке, - майор показал на вход в Пагманское ущелье со стороны Кабула, - будут работать несколько наших взводов. Они будут располагаться перед ущельем в зеленых зонах, через которые проходят и караваны включительно. К вам будет придано звено Ми-8. Но вы зайдете сюда не с помощью их «крылышек». Они будут работать днем и по вашему вызову. Я понятно говорю? – и, дождавшись, пока Князев не кивнет ему головой, продолжил. - С завтрашнего дня, вернее с пяти вечера, вы должны сосредоточиться на том месте, где вы были со своими группами позавчера. Это приказ, - и поднял указательный палец вверх. - Это то место, которое при посадке

или взлете может пересечь гражданский самолет. То есть, товарищ лейтенант, он будет проходить на доступном расстоянии от выстрела из ПЗРК.

- Самолет с какими-то важными персонами полетит, - догадался Князев.

- А короче, с людьми, - поставил точку майор. – Слушайте и не перебивайте. Технику свою оставите под присмотром третьего взвода, с которым через час, нет, уже через сорок шесть минут, выдвинетесь к ущелью. Механиков-водителей, для усиления с собой не берите. Разделите свой взвод на три-четыре мини-группы, по три-пять человек каждая, и расположите их на свое усмотрение. Засады должны быть незаметными.

Задача, не дать душманам открыть огня по летающим целям. Находитесь будете там от трех до пяти дней. Вызовем назад по рации. Если не получится, ровно через пять суток можете возвращаться назад, но не одни, а вместе с теми взводами, которые будут находиться в засаде перед ущельем. Поддерживайте с ними связь. Все, исполняйте.

- Да, да, - заторопился лейтенант. – Товарищ майор, помогите в одном вопросе. В строевой части, подписанный вами на младшего сержанта Востросина наградной лист приняли, а на сержанта Евтеева, нет. Тот капитан, чуть не порвал этот лист, сказал, что на разведчиков медалями не напасешься. А у самого ордена «Красной звезды». За что он его получил?

- За службу, лейтенант! За службу! – поднялся майор, и, смотря Князеву в глаза, громко сказал. – Здесь вам не институт благородных девиц, а Афганистан! Понятно говорю? Война! – с раздражением в голосе ударил кулаком по своей ладони. – И тот капитан, вам, товарищ лейтенант, неровня, как и вы ему! Понятно говорю? И еще раз увижу эту истерику, лейтенант, пойдете под трибунал! Понятно? Лейтенант, у вас осталось тридцать семь минут на сборы...

- 2 –

Долгое бездействие вначале вызывает сомнение. Это чувство у лейтенанта Игоря Князева появилось уже к концу первых суток. Да, он прекрасно понимал, что эта часть ущелья сейчас напичкана маленькими подразделениями не только шурави и царандоя, но и хадовцами (ХАД служба государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан - хедамат-э амнийат-э доулати). Как арбуз косточками. И навряд ли через их сеть сюда сможет проникнуть незамеченной не то, что банда, а даже самая маленькая ее часть, из трех-четырех человек. Это, если говорить о задаче душманов, применить по воздушной цели ПЗРК, или, в крайнем случае, крупнокалиберный пулемет.

В принципе, справиться с этой задачей вполне может и один-два человека, обладающих высоким профессионализмом и физической силой. Мысль эта заново и заново заставляла лейтенанта не только напрягать свое внимание, прощупывая глазами каждую точку местности вокруг себя, но и заставлять солдат выучить наизусть ее ландшафт. Конечно же, вместе с ними и себя. Главное, чего нельзя допустить, это

апатии, которая вот-вот может закрасться в умах его бойцов. А причиной тому являются разговоры о том, что слева и справа от них находятся такие же разведчики.

- Колька Аниськин, это старшина второй роты, мой земляк, рассказывал о том, как в прошлом году они столкнулись на Дехсабзской операции с американцами, - шептал радист.

- С американцами? – удивился лейтенант и посмотрел на Эдика Киселева.

- Так точно, товарищ лейтенант, - закивал солдат. – И не где-нибудь в глубине Дехсабза, а прямо на границе его с Кабулом. Жесткая схватка была, кстати, почти рядом с тем кишлаком, в который вы тогда ворвались на своих машинах после смены, ехав из блокпоста, и банду разгромили.

«Ну, не разгромили, а пугнули», - хотел поправить бойца Князев, но, сдержался:

- И что дальше было?

- Их группа двигалась с ущелья в сторону небольшого склона, в котором с вертолета были замечены передвижения людей. По этому участку можно было спокойненько спуститься к дороге со стороны Кабула. И вот, их послали туда, чтобы сделать на пути душманов засаду. Вертолетом это сделать было невозможно, так как те спокойненько могли его сбить...

- Да это понятно, - перебил Киселева Князев. – Дальше рассказывай.

- Ну, вот они, поднявшись на край скалы, перед склоном, и встретились с ними. Их было пятеро. Шедших впереди нашей группы двух человек убили - это сапера и еще одного бойца, фамилий их не знаю. Третьим шел мой земляк Колька. Он и увидел их: парни стояли в полный рост и стреляли по нашим из винтовок М-16. Он успел спрятаться и бросил в их сторону две гранаты. После взрывов увидел троих, лежавших на камнях. Они корчились, один из них что-то кричал по-английски.

- По-английски?

- Ну, Колькина мама преподавала в школе английский язык, и он его хорошо знал. Поступал на иняз, но не набрал нужного балла и пошел служить в армию. Ну, и так далее. Так вот, эти двое наших были убиты в голову. Их уже не спасти. Нужно было вызывать борт, но рация была разбита.

- Что-то такое слышал, - стал вспоминать эту историю Князев. – Рассказывай дальше.

- Так вот из-за этого им и не удалось сразу вызвать вертолет, чтобы забрать убитых.

- А почему твой земляк пришел к выводу, что те душманы были не англичанами, а американцами?

- Ну, это же американцы напали на Вьетнам, а не вьетнамцы на США? Так вот, я точно не помню из всего того, что он рассказывал, так что нужно его обо всем потом подробнее об этом еще раз расспросить, товарищ лейтенант. А так, он говорил, что тот раненый душман, когда бредил, кричал - «фраг», что-то такое как «Медина», или «Метина», мол, я отомщу тебе за все, когда вернусь в Огайо. А Огайо находится в США? Вот, точно, точно, значит он оттуда. Потом еще кричал «Пикил», «Согми», как-то так, еще «Чарли», и всякую лабуду на английском, что-то типа «вьеконг».

Когда об этом Колька докладывал в особом отделе, ему сказали, что видно, этот убитый парень в свое время воевал во Вьетнаме. «Фраг» - это граната, «вьетконг» -

это вьетнамские партизаны, «Медина» – это фамилия, «Чарли» - имя, «Согми», что-то похожее на название вьетнамской деревни. Николаю сказали, что в конце шестидесятых, в начале семидесятых годов все газеты мира писали о том, как там американский батальон в этой вьетнамской деревне уничтожил более пятисот жителей – от мала до велика. Всех до единого, представляете, товарищ лейтенант?

Но Кольке не удалось поговорить с этим раненым наемником. Его изрешетили пулями те же душманы, стрелявшие по их группе. И им ничего не осталось, как убраться оттуда, забрав своих убитых, а этих оставить.

Потом, товарищ лейтенант, была организована операция по поиску трупов этих наемников, но их душманы убрали, не было на том месте никого, а только высохшая кровь. И больше там никого и ничего не нашли. Скорее всего, Колькина группа напоролась на большую группу душманов, передвигающуюся в сторону Пагмана. Кстати, там нашли несколько разбитых винтовок М-16.

После этого рассказа Киселева у Игоря остался неприятный осадок на душе. Да, он много раз слышал рассказы о наемниках в Афганистане, и о том, что они творят на этой земле. С одной стороны не верилось, что афганские душманы так жестоко могут убивать своих земляков, включая детей и стариков. Хотя с другой стороны, читая про гражданскую войну в России и про послереволюционное время в Советском Союзе – гражданскую войну, он не раз встречал такие же истории. Это просто жестокость, слабоумие озлобленных людей, их ненависть. А если она заклинивает сознание, то человек может бездумно такое натворить...

Да что говорить об этом. Он же сам недавно в близлежащих кишлаках видел то же самое, душманы убивали семьи дехкан, в которых кто-то из сыновей или родителей служил в армии, или в Царандое, или в ХАДе, или в правительственных учреждениях. И детей, и женщин, и стариков. Нет, война – это страшное время, которая на людские глаза надевает повязку, отбирая сознание и совесть, гипнотизируя их, превращая в кровожадных хищников.

Но чаще всего, на место тех, кто не поддается этому гипнозу, ставятся наемники, у которых один Бог – это заработок на крови.

- Вот бы попались они нам, - прошептал Киселев, и его верхняя губа, с небольшим белым шрамом слева, задергалась в полуулыбке.

- Кто? – не понял Князев.

- Наемники эти. Вот если бы они попались!

- А-а, ну да. А когда это ты губу разбил? – поинтересовался лейтенант.

- Еще в детстве. В войнушки играл с пацанами. Бегали по разваленному дому. Споткнулся и упал.

- Герой! – похлопал по руке солдата Князев.

- Это же в детстве было, товарищ лейтенант. А так с детства всегда мечтал быть героем, как Матросов.

- А кому это нужно, Эдик? Ты мне нужен живым, а не для того, чтобы бросался грудью на пулемет.

- Товарищ лейтенант, а кто знает, как это в жизни может произойти. Один героем ходит, а как на боевые собираться, так сразу в госпиталь ложится, животик болит.

- Это ты о ком говоришь, Киселев?

- Не, у нас во взводе таких нет, товарищ лейтенант. Вот в соседней роте есть пара таких, это точно, да и в некоторых других, говорят. Ходят быками, дембеля, выютюжены, волосы вихром, а как только на войну их рота собирается, сразу у них, то живот закрутило, то сотрясение мозга произошло, когда играл в футбол, или еще там что.

- Да, трусость, скажу тебе, внутри каждого человека есть. Все зависит только от готовности ей противостоять и от силы духа человека, - пришел к выводу командир взвода, и задумался.

«А мы сидим вот здесь, Эдик, как квочки на насесте. Но те куры-наседки могут в любое время спрыгнуть с него и пойти по своим делам. А нам нельзя, сидим в засаде и ждем с моря погоды, - тяжело вздохнул Князев. – А откуда они могут здесь появиться эти долгожданные душманы. Да отовсюду!» – эта мысль угнетала Игоря, как и то, что он не знает насколько этот район, где сейчас они находятся, закрыт сетью антитеррористических засад. И второе, неизвестен путь прохода в этой местности взлетающих из аэропорта и прилетающих в него самолетов.

Причина, направление ветра. Западный «афганец» дул хорошо, поднимешь голову повыше, дыхание захватывает. А здесь на вершине гор этот ветер не горячий, как внизу, наполненный песчаной пылью, а достаточно свеж и бодр. А что добавляло ко всему этому немало неудобств: камень, на котором они лежат, из-за сильного ветра не прогревается солнечными лучами, и к вечеру из-за этого, когда солнце начинает садиться, его холод вытягивает все тепло из их тел, и из-за этого начинает знобить. Единственный выход из этого положения, залезать в спальные мешки, что сковывает не только движение человека, но и притупляет его внимание. Но другого выхода нет.

А с чем еще сложнее бороться, так это с апатией, которая на третий день уже полностью овладевает людьми из-за бездействия, из-за веры в то, что вокруг них находится плотная сеть засад, через которую не то, что душман, а даже мышь не пролезет. Поэтому, можно расслабиться и, делая вид, что прислушиваешься и всматриваешься, начинаешь кунять носом, незаметно для других, уходя в дремоту на пять-десять минут: сколько заложишь в своем сознании.

- Все замрите! – от резко поданной команды Кириллом Кисловым, Князев невольно дернулся, и сразу же напряг мышцы шеи и лица, пытаясь в точности выполнить команду снайпера. Что же он увидел и где?

Где? Чтобы это узнать об этом, нужно немножко приподнять голову и найти лицо Кислова, который лежит справа от тебя в пяти-шести метрах. Это сделать не трудно, только опасно. Что он мог увидеть или услышать?. И тут же Игорь вспомнил, секунд двадцать назад он услышал хлопок, нет – глухой щелчок... Точно.

- Кирилл? – позвал Кислова лейтенант. – Что там?

- Тихо! – в голосе солдата он почувствовал взволнованное напряжение. Значит, лучше помолчать, и быть некоторое время в неведении. Но это временно.

- Наши не могли стрелять, - голос Кирилла был приглушенный. – Это стрелял душман. Вершина скалы напротив нас, чуть ниже, значит, выстрел был сделан не с той стороны ущелья, - размышлял снайпер.

- Ты уловил место, куда попала пуля? – спросил лейтенант.

- Нет, приблизительно в метрах двадцати от меня, только сзади. Значит, их снайпер находится от нас в метрах пятистах, может, чуть меньше. Ошибся на полмиллиметра. Ветер дует ему в лицо сильный. Так что все опускайтесь как можно ниже, чтобы спрятаться за камни. Мы находимся под его прицелом, под углом пяти-семи градусов. Всем прижа...

Последнего слога, произнесенного Кисловым, Князев не расслышал, щелчок раздавался совсем рядом, громкий. Душман снова промазал. А третий его выстрел может быть точнее...

И только сейчас отметил Игорь, что спать ему больше не хотелось, как и то, что его скула, лежавшая на холодном камне, не чувствовала его холода, настолько сильно она охладилась от него. Давило и в висках... Нужно расслабить мышцы.

- Кирилл, меня слышишь? - очень громко спросил Князев, с надеждой, что боец, несмотря на сильный ветер, расслышит его. – Кислов!

- Да, товарищ лейтенант.

- Помнишь шары душманские?

- О, идея! – воскликнул Кирилл.

- Думай, жду предложений. Вместо шара будет панама.

- Нет, товарищ лейтенант. Похоже, у их снайпера нет хорошего прицела или опыта, лупит, куда угодно и черт его знает куда.

- Причина одна, он не видит нас, вот и ищет, - предположил Князев. – А ему именно мы и нужны. Понятно?

- Так точно, - доложил Кислов.

- А если наложить камни друг на друга, товарищ лейтенант? – предложил Киселев.

- А где вы их сейчас найдете, эти камни? – спросил снайпер.

- А я лежу на одном из таких. И вот еще три, - сразу же отозвался радист. - Они плоские, сколы.

- Это хорошая идея, - согласился Князев. – Кирилл, куда их снайпер сейчас стреляет? Или молчит.

- Да нет. Два раза ударил по самому краю скалы, а потом ушел влево от нас, метров на тридцать.

- И что будем делать? До заката солнца осталось около часа, если не меньше. В принципе, лучше не рисковать, у тебя же ночной прицел с собой?

- Так точно, товарищ лейтенант, - доложил Кислов.

- Развернуться к нему сможешь?

- Я уже, смотрю, откуда он может стрелять. И, кажется, нашел, - в голосе рядового Кислова появился радостный оттенок, - искорка была. Все, товарищ лейтенант, разрешите?

- Погоди, погоди, - остановил его Князев. – Если душманы начали вызывать нас на бой, значит, участок, на котором мы находимся, для них важен. Так? Вот над чем нужно подумать.

- Нашел его, товарищ лейтенант. Отсюда метрах в двухстах, приблизительно. И не один. Похоже, их там группа, так как он часто двигает головой.

- Кого группа, снайперов? – спросил Князев.

- Не знаю, с кем он там переговаривается. Скорее всего, рядом с ним еще несколько душманов. Ну, дурак, на самом виду находится, вылез и головой крутит, - возмущается Кислов.

- А может это не человек? – спросил радист.

В ответ – тишина.

Игорь потихонечку передвинул свое тело влево, расслабив затекшую правую ногу. Боковым зрением осмотрел каменный выступ сзади себя. К счастью, он достаточно высокий, и, оказывается, можно свободнее себя чувствовать в своем гнездышке и двигаться, не поднимаясь на локтях.

- Товарищ лейтенант, это моджахед, бородатый, - раздался голос Кирилла Кислова.

- Снова целится. О опять его прицел зайчика пустил.

- Не торопись, Кирилл,ждемся ночи, тогда может, и найдем разгадку, кто здесь и зачем.

И в это же мгновение в нескольких метрах справа от лейтенанта произошел громкий щелчок от пули, ударившейся в камень.

- Ёклмн! – невольно вскрикнул с испугу лейтенант.

- Это все он стреляет. Он нас, что, видит?

- Наверное. Может они слышат наши голоса? – предположил радист.

- Наверяд ли. Стоп, ёклмн, товарищ лейтенант? – чуть не выматерился Кислов. - Блин, Киселев, я тебе голову оторву, зачем выложил наверх свои камушки?

- Так я давно это сделал, еще тогда, когда мы только пришли сюда.

- Ёклмн. Только не вздумай их трогать! Вот сучок, а!

- Хе-хе-хии, - и Князев не мог унять свой гомерический смех, и только с большим трудом через полминуты ему удалось это сделать. – Фу, ну, пацаны, а, с вами только в разведку ходить. Ну, блин. Похоже, Кирилл, душманы идут в одну из пещер, в которых мы побывали совсем недавно.

- А заметили, ветер поутих, - сказал снайпер. – Только не высовывайтесь, а то этот душман только прикидывается не профи. Винтовка у него как моя СВД. Но вроде американская, типа М-21, ну, может - английский «бур». Знаем мы такие. А вот какая у него оптика, слабая или сильная, не знаю. Похоже, у него «четверочка», если лупит впустую, а может и ниже того. Интересно, бывает такая? - продолжает размышлять боец.

- Скорее всего, он нас не видит, но знает, что мы должны находиться где-то здесь. И эти камушки, наверное, приметил, если лупит по ним.

- Неточно бьет. Теперь в метрах десяти от нас пуля справа по камням шарахнула. А теперь где-то сзади. Трудно понять где. Бьет через каждые пятнадцать – двадцать секунд, без перерыва, - прошептал Кирилл. – Нет, он нас не видит, но знает, что мы устроили засаду где-то в этом месте.

- Ты прав, он хочет найти нас, поэтому и бьет по тем местам, где мы можем находиться, чтобы вызвать на дуэль. Только не вздумай высовываться и стрелять в него, еще не время! - предупредил Кирилла Князев. - Меня сейчас больше интересует другой вопрос, зачем он это делает?

- Теперь впереди нас лупанул. Слышали? – негромко вскрикнул Кислов. – Так руки чешутся продырявить его башку.

- Кирилл, ты что, первый день на войне? – в голосе лейтенанта появилось раздражение. - Что, не понимаешь того, что этим снайпером здесь все пристреляно, он знает вокруг себя все профили. Так что, боец, не дури, еще раз повторяю, никакой самодеятельности. А вот то, что именно сейчас начинается долгожданная игра, не сомневаюсь, - вздохнув, громко прошептал лейтенант. – Скоро здесь появятся душманы, если они уже не здесь. Снайпер неспроста бьет. Если профи, то проверяет наши нервы. Или прикрывают свою группу, чтобы до ночи та перебралась в одну из пещер со стороны ущелья. К примеру, в которой мы в прошлый раз уничтожили их ДШК.

- Скорее всего, товарищ лейтенант, потому что я слышу и другие хлопки. Это второй снайпер, и он, скорее всего, бьет по той стороне ущелья.

- Хм, - задумался лейтенант. – Значит, душманы уже движутся, и он бьет по нашим соседям, чтобы они, как и мы опасались выглядывать.

- Так мы там же несколько из этих пещер заминировали, - вспомнил Киселев. - Значит, если они в них пойдут, то будет небольшой фейерверк.

Громкий хлопок, произошедший со стороны ущелья, был эхом взрыва.

- Вот и попались, - усмехнулся Киселев. – Вспомнил о г...не, и оно тут же всплыло.

- А может ночью их убрать? – прошептал Кирилл.

- Да, да, но только кроме ночного прицела у нас с собой кроме фонарика ничего нет. А так, идея хорошая. Тот участок повыше этого. Блин, как я это упустил, а? – вздохнув, покачал головой лейтенант. - А вот здесь, похоже, и будет заварушка, на которую нас послали. Интересно, что же там за взрыв был? Душманы подорвались или нашли наш «гостинчик» и уничтожили его? А может...

- Перестали стрелять, товарищ лейтенант, - перебил размышления своего командира Кислов.

- Похоже, бойцы, нам нужно как стемнеет, все же перебраться с этого места на другое. Больно засиделись мы здесь, и они нас вычислили.

- Точно, товарищ командир, - согласился Кислов. – Только куда?

- А вот к ним поближе и желательно туда, где нас не ждут.

- 3 –

Ночь быстро опустила свой черный занавес на горы Гиндукуша, развесив вверху россыпь мелкой звездной пыли. Тонкая полукруглая черта новой луны, была не сильным помощником для ночного прицела, но, как говорится, что есть, тому и рады.

Привыкнув к темно-зеленому фону обзора через прицел, лейтенант, медленно передвигая ствол винтовки вправо, внимательно изучал местность.

- Кирилл, какая глубина видимости у твоего прицела? – спросил он у снайпера.

- Должно быть до четырехсот метров. Но света маловато, товарищ лейтенант, из-за этого метров двести, ну, сто пятьдесят может быть.

- Поэтому и не вижу той огневой точки. Ну, и ладно, передвигаемся влево, метров на пятьдесят.

- А-а...

- Без разговоров, Кислов, - резко повысил голос Князев. – Идем туда, где нас, как профи, не должно и быть. Играем в дурака. Всем надеть на стволы глушители, встретим хозяев, но, как говорится без драки.

- Думаете...

- Киселев, не думать будем, а слушать. Доползем до того камушка, что на верблюжий горб похож, уткнемся в него, и налево повернем, на девяносто градусов и еще где-то сто пятьдесят метров проползем. Там что-то в виде маленькой расщелины, которая и тянется до самого ущелья.

- А, по ней мы в прошлый раз...

- Киселев, ты меня достал(!), еще в рупор крикни, - сильно сдвинул плечо радиста лейтенант. – Там и останемся, и будем слушать. Огня, ни в каком случае не открывать, и не мычать, если даже на голову кому-нибудь из нас наступят. Утро вечера мудренее.

Ползли очень медленно, ощупывая всем телом каждую выщербинку, как змеи. По-другому опасно, все понимали, что у душманов могут быть ночные прицелы и бинокли. Это профи. Уж больно серьезная задача поставлена перед ними: сбить нужный самолет. «Чайников» на такую работу не пошлют.

...И предположение лейтенанта сбылось. «Хозяева» шли тихо, почти беззвучно, несмотря на черноту ночи. Значит, все видели. А вот их нет, только слышали, поэтому нелегко было определить, из скольких человек состояла эта группа.

Шумно стало через минуту, камень упал.

- Чуть не попались! - тихо прошептал лейтенант.

Что командир имел ввиду, все бойцы догадались сразу: «гости» наступили на шумный «секрет», выставленный душманами, чтобы не проспять приход пополнения. А за ним, за камушком, вполне может стоять минная растяжка, и не одна, а с десятков, «охраняющие» все подходы к душманской огневой точке. Если бы на них наступил бы кто-нибудь из группы Князева, это стоило бы их жизней.

- Как на ладони все, - прошептал боец Кислов, рассматривая огневую точку противника в ночной прицел. – Шестеро их. Залечь! – и навалился на спину своего командира. – Рассматривают все вокруг, - доложил он. – Товарищ лейтенант, у них два гранатомета или зенитный комплекс, что-то из этого. Понять трудно, нечетко видно.

- На глаз, сколько нам до них? – спросил Князев.

- Они рядом, совсем рядом, в метрах ста от нас, может, в восьмидесяти, - шепчет снайпер. – Спать не думают, смотрят на то место, где мы недавно были.

- Еще бы, там две наши головы остались.

- Не понял?

- Слезь с меня, а то навалился всей своей тяжестью мне на спину, - прошептал Князев. – Пощупай свою голову.

- Ну, - не понял солдат, - голова на месте. А-а, панамы нет.

- С моей. Вот они теперь и пусть поработают. Продолжай наблюдение.

- Товарищ лейтенант, а может вызвать сюда наших? – спросил Киселев.

- Нет, солдат, - помотал головой Князев, - поздно пить боржоми. Не думаю, что они ограничатся только этой группой, видно им этот гражданский самолет сбить очень нужно, политика. А она бывает, круче войны.

- Целятся в ту нашу точку из гранатомета, - доложил Кислов.

- Наверяд-ли стрелять будут, если профессионалы, - прошептал Князев. – Ночь, даже хоть какие у тебя есть ночные супер прицелы с биноклем, всего четко и объемно не рассмотришь, тем более эта зона от них скрыта. Второе, точка для гранатомета не пристреляна, выстрел будет не точным. И третье, самое главное, выдадут себя, а это значит, со своей задачей не справятся.

- О, двое из них залезли на камень, и смотрят в то место, где мы были. Один махнул рукой другому, и что-то ему показывает.

- Это наши панамы, со звездочками, - вздохнул Князев. – Я их наверху оставил. Кислов, готовься, где кто находится, рассмотри, потихонечку пойдём к ним в гости.

- Так у нас один ночной прицел, - прошептал Кирилл.

- Гранаты вполне хватит. Но будем ее бросать тогда, когда те напорются на наши растяжки.

- Снова не понял, товарищ лейтенант, - вздохнул Кислов.

- А потому что, сейчас или чуть позже из них двое-трое душман поползут туда нас убивать, понимаешь? - спросил Князев. – Думаю, процентов на девяносто девять не ошибаюсь.

- Вы правы, трое поползло к нам, в смысле, туда, где мы были, - быстро заговорил снайпер.

- А остальные?

- Их четверо осталось, товарищ лейтенант. – Как болельщики на футболе, повылезали на камни и стоят, правда, на коленях. Двое через прицелы наблюдают. Так что, ползем к ним?

- И на их растяжки? – в голосе радиста появилось раздражение.

- Тоже верно, - согласился с Эдиком Князев. – Рассвет начинается, скоро очертание каждого камушка будем видеть. Мы сейчас метров на двадцать-тридцать приблизимся к ним, и займем точку повыше, чтобы видеть всех, и тех, и этих. Наша задача, уничтожить этих, пока те будут в удалении.

Но сделать нужно это с близкого расстояния, так что, Кирилл, вся ответственность на тебе, успевай наблюдать. Я ползу впереди, ты за мной, последний Эдик. И смотрите мне, никакого героизма! Вперед.

И только теперь Князев заметил, как у него дрожит правая рука. Поднял ее, поработал пальцами, расслабляя мышцы кисти. Посмотрел на растущий на востоке Гиндукуша бледный полукруг света еще не проснувшегося солнца, который очень медленно набирал свою яркость. До рассвета оставалось где-то с полчаса, нужно торопиться.

- А они не торопятся, товарищ лейтенант, - доложил снайпер. - Метров на десять отползли, ну, может – двадцать.

- То, что нужно. Только этого еще не хватало, - прошептал Князев.

- В смысле? – не понял Кислов.

- Боятся. А нам желательно, чтобы они подальше от своей точки отползли, а не вернулись через несколько минут.

- А-а-а.

- Бэ, - по привычке усмехнулся Князев.

Только радости в его чувствах сейчас не было. Участок, по которому они ползли весь в острых щербинах, подсумки с магазинами и гранатами цеплялись за каждый из них, как крючками, удерживая ползущих людей. Локти, попадая на острые ребра камней, уже имели мозоли, спасающие их от боли.

- Ч-ч, - тихий голос Кирилла заставил лейтенанта остановиться.

Приподняв голову, лейтенант осмотрелся по сторонам, ночь еще оставалась черной. Хотя нет: молочные разводы в некоторых местах уже проявились, нужно торопиться.

- Можно двигаться, - шепчет Кислов.

- Не торопись, дай винтовку, - тихо сказал Князев.

Через несколько секунд глаз привык к зеленому фону освещения и начал изучать участок местности, по которому им стоило двигаться дальше, и вовремя это сделал: в метрах пяти от себя, увидел несколько стоящих рядом друг с другом пирамид из небольших камней. За ними, где-то на таком же расстоянии – в тех же пяти-семи метрах слева и справа, возвышалось еще несколько таких же возвышений.

- Впереди несколько шумовых каменных пирамид. Трогать их не будем, обойдем.

- Глупо, - шепнул Кирилл. – Разберем и соберем.

- Думаешь, по кругу растяжки.

- Здесь навряд-ли, а вот дальше, да.

- Двигаемся, - и вернув Кириллу винтовку, лейтенант пополз дальше.

К счастью камни были небольшими и плоскими. Разобрав их, Князев осмотрев дорожку на несколько метров вперед, прополз дальше, и, ожидая, пока Эдик заново за собой выстроит разобранные пирамиды, ждал заключения от Кирилла, изучающего через ночной прицел состояние дел.

- Еле нашел их, - прошептал тот. - Им осталось до наше засады метров сто пятьдесят, не меньше. А эти все на виду стоят, не спускают с тех глаз.

- А их уши в нашу сторону.

- Тоже верно. Метров пятьдесят до них, гранату не доброшу.

- Дай винтовку, посмотрю, что у нас впереди. Только бы на мины не напоротся.

Молочный свет все больше и больше разбавлял черноту ночи, что уже не давало плодотворно пользоваться ночным прибором. Хотя метров десять впереди еще можно было как-то рассмотреть, а этого вполне достаточно. Единственное, что успокаивало, этот участок был чистым от каменного мусора, а значит, позволяло группе Князева ползти бесшумно.

Первый камень, в метрах пяти-семи, заинтересовал лейтенанта. На него упирался второй, и между ними что-то торчало. Это и была растяжка. Обползли ее слева, и тут же наткнулись на вторую, от которой нить тонкой проволоки уходила влево. Третьей, по движению дальше, не обнаружилось.

Уперлись в следующий скальный «гребешок», высотой в полметра. Теперь Игорь хорошо видел четыре пальца Кирилла и расстояние до цели – четыре раза раскрытой ладони, значит не меньше двадцати метров. Можно начинать.

Приподняв голову, и услышав восклик человека, он сразу же опустил ее, вжимая в камни.

- Иностранцы, - прошептал Кислов. – Ну, и дураки же.

- А те, где?

- В метрах тридцати от нас.

- Что?

- Да там они у засады, отсюда метров двести пятьдесят до них.

Князев поднял голову, и стал изучать местность. Да, наблюдатели совсем забыли об осторожности, ожидая окончания своей операции по уничтожению засады шурави, наполовину вылезли своими телами из укрытия. Ползти к ним было уже опасно, поэтому нужно приступить к их уничтожению и не стрельбой из автомата, а гранатами, так как неизвестно, есть ли там еще другие люди.

- Кирилл, дай гранату, - прошептал лейтенант. Двух лежащих перед ним, ему показалось мало. – Спасибо. Короче, на разрывы не обращай внимания. На счет три, когда метну первую гранату, открывай по тем огонь. И обязательно, хоть одного, но положи сразу. Потом остальных, а мы с Эдиком метнемся туда.

Подождав с половину минуты, Князев спросил: «Готов?» И когда снайпер кивнул головой, аккуратно снял чеку с первой «лимонки», зажав ее в ладони, снял предохранитель со второй, и глубоко выдохнув, как делал в военном училище, метнул первую, за ней вторую гранаты в огневую точку душман. И они точно легли в цель, оглашая утренний рассвет громкими взрывами.

Зажав третью гранату в левой руке, Князев вскочил с места, и, услышав второй выстрел снайпера, поднявшись, побежал вперед.

Глава 17. Стычка

- Товарищ лейтенант, более развернутый отчет напишете потом, - сказал начальник штаба, рассматривая исписанные корявым почерком Князева несколько листов тетрадной бумаги. – Сделали большое дело, уничтожили группу душманов и захватил целый комплект ПЗРК «Ред Ай» с тремя ракетами. Благодаря вашей второй группе, не вышла на свою огневую точку еще одна банда душманов с таким же ПЗРК. А взрыв, произошедший вчера вечером со стороны вашего участка, скорее всего, не дал занять свою огневую точку третьей банде противника. Об этом доложила разведка десантников.

- Можно? - поднялся со стула Князев. – Товарищ майор, там нами в прошлый выход были заминированы две пещеры, где мы уничтожили ДШК с расчетом и пещеру, служившей базой отдыха душманам с хранением в ней некоторого количества оружия с боеприпасами.

- Взрыв произошел над ущельем, где ранее находился огневой расчет душманов, - улыбнулся лейтенанту Захаров. – Расследовать, это место взрыва у нас возможности

нет, чтобы доказать ваше полезное участие и в этой ситуации. Или вы настаиваете, провести со своей группой обследование этого участка? – начальник штаба полка посмотрел на Князева.

- Никак нет

- Ну, вот и хорошо, если так. Суток вам на отдых не дам, товарищ лейтенант. В девятнадцать ноль-ноль жду вас здесь. Впереди не менее серьезные дела. У вас в распоряжении семь часов на отдых, у вашего взвода – девять часов.

- Товарищ майор, можно задать вопрос? Такое впечатление, что в группе душманов, которую уничтожили мы, были наемники, говорившие на английском языке, - Игорь не спуская глаз с начальника штаба, ждал, как тот отнесется к этому вопросу.

- У вас есть какие-то доказательства этому? – спросил начальник разведки.

- Только то, что я слышал их разговоры, развел руки Князев.

- А, почему же не взяли кого-то из них в плен живым? – спросил майор Захаров.

- Не получилось.

- В следующий раз найдите возможность это доказать именно таким способом, - посмотрел в глаза лейтенанта Иван Семенович. – А так, здесь каждый второй, а в некоторых бандформированиях даже каждый первый - наемники.

- Иван Семенович, - вопросительно посмотрел на начальника штаба начальник разведки.

- А, да, да. Бойцам пока не говорите, Игорь Александрович, - майоры Захаров с Куракиным (начальником разведки полка) подошли к Князеву, и, крепко пожимая ему руку, Иван Семенович продолжил. – Не стало младшего сержанта Востросина. Умер в госпитале. Если успеете, то попрощаетесь с ним послезавтра в четыре ноль-ноль на нашем плацу.

- Да, да, - Куракин, держа за локоть Князева, вывел его в коридор, и, не поднимая своего взгляда на лейтенанта, сказал, - вот так все закончилось, Игорь. И сказать нечего, - вздохнул он. – Это война. Впереди у вас серьезная операция, кажется, нашли мы тот караван, двигавшийся из Панджшера сюда, через Чарикар. Нужно, чтобы ваши бойцы вышли на эту операцию отдохнувшими, и чтобы их ничего не тяготило. Так что, готовьтесь, потом с вами все досконально обсудим.

- А можно сейчас моим бойцам принять баню, товарищ майор?

- Конечно, конечно, и начальник столовой в малом зале ждет всех вас на обед. Так что в бане не задерживайтесь...

Лейтенант, пожав руку майору, направился к выходу из штаба полка. Выйдя на крыльцо, остановился. Душный воздух, в котором он оказался снаружи модуля, был очень горячим, не как в горах. И как это было сейчас не вовремя: и без того уставшее тело лейтенанта внутри себя стало напоминать слабеющую пружину. Ее упругость движения, с каждой секундой, становилась слабее и слабее. Мышцы в ногах отяжелели, словно в них вкачали свинцовую воду, как и в руки. С Игорем такое уже случалось. Причина, организм просто уже «вопил» по-своему, требуя отдыха...

Спустившись с лестницы из двух ступенек, Князев направился в сторону своей казармы. Нужно было дойти, и, чем быстрее, тем лучше, чтобы не терять времени, а дать возможность бойцам помыться, поесть...

Кто-то окликнул. Князев резко обернулся и, посмотрел в сторону кустарника акации, растущего вдоль тротуара. Показалось, что тот, кто его позвал, спрятался в кусты. Зачем? Может, показалось?

Повернулся и пошел дальше.

- Товарищ лейтенант?

«Екмлн, это же голос Николая Востросина. Жив?»

Но на пешеходной дорожке младшего сержанта не было, как и вообще никого.

«А, это, наверное, мне показалось из-за громких звуков музыки? - всматриваясь в левую часть штаба, ища, из какого окна она слышится, Князев, развернувшись, медленно пошел назад, чтобы удостовериться в этом.

И звук песни, исполняемой Розенбаумом, становилась все громче и громче:

«Вечереет. И над озером летают утки. Разжирили. Утка осенью в большой цене...»
- пел Александр Розенбаум. Его хриплый голос, очень нравился Игорю.

Мечта, приобрести магнитофонную кассету с его песнями, до сих пор еще оставалась мечтой, как и купить небольшой переносной магнитофон. Но это со временем он обязательно сделает.

«Снова осень закружила карусель мелодий. Поохочусь, с ветерком по нотам прокачусь. И сыграю... Если я еще на что-то годен, И спою вам... Если я на что-нибудь гожусь», - пел Розенбаум.

Да, да, нужно развернуться и идти в казарму. Это Князев понимал, как и то, что эту песню частенько исполнял под гитару в казарме и Николай Востросин. И не раз бойцы его просили ее повторить. Что-то в ней есть душевное, глубокие чувства наполненные тоской, будто все помнят ту охоту на утку. И потом, когда Николай подходил к припеву, все слушавшие его, подпевали:

«Я помню, давно, учили меня отец мой и мать:

Лечить - так лечить! Любить - так любить!

Гулять - так гулять! Стрелять - так стрелять!

Но утки уже летят высоко...

Летать - так летать! Я им помашу рукой».

- Вот так, Коля, Царства тебе Небесного, - прошептал лейтенант. – Обязательно тебя помянем, только не сегодня, боец, - помотал головой Князев. – Война, братишка, война, - и потерев большим пальцем слезу у правого глаза, хотел было направиться в казарму, но невольно глянув на окно, из открытой форточки которого раздавалась эта песня, вздрогнул, увидев за ним начальника строевой части капитана Алексея Олеговича Прохольца. Он, покручивая свои черные усики, с ухмылкой смотрел на замершего лейтенанта, и даже, показалось, что, язвительно усмехнувшись, подмигнул ему.

«Не жалею, что живу я часто, как придется..., - пел Розенбаум. - Только знаю, что когда-нибудь, в один из дней, все вернется, обязательно опять вернется, и погода, и надежды, и тепло друзей.

Так поскушаем, чтобы радостней была минута нашей встречи, а она уже не за горой...»

- Сейчас я тебе устрою! – громко крикнул в закрытое окно строевой части лейтенант, и широким шагом направился назад в штаб полка.

Кого-то, сбив плечом в коридоре, Игорь, извинившись, бежал к кабинету Прохольца.

Дверь была изнутри закрыта. И Игорь, сильно постучал в нее. И когда она растворилась, он вихрем влетел в нее, чуть не сбив с ног солдата, открывавшего ее.

«Я помню, давно, учили меня отец мой и мать, - громко пел Розенбаум. -

Лечить - так лечить! Любить - так любить! Гулять - так гулять! Стрелять - так стрелять!...»

- Товарищ капитан, - громко сказал Князев, чтобы перекричать певца и его, наконец услышал, стоявший к нему спиной Прохолоец. - Товарищ капитан!

«Но утки уже летят высоко... Летать - так летать! Я им помашу рукой».

- Выключите музыку! – стукнул по столу рукой лейтенант.

«...Как когда-то за лисой гонялся быстрый кречет,

Так и ныне он свою добычу сторожит...»

Князев понимал, что делает что-то не так, как и то, что нужно остыть, чтобы не наделать здесь чего-то ненужного.

«Не прощайтесь... Говорю я вам: «До скорой встречи!

Все вернется, а вернется - значит, будем жить!»

И когда песня закончилась, Князев с дрожью в голосе громко прошептал:

- Вы знаете, что умер мой боец, младший сержант Востросин? - и как назло, в этот момент появились, так не нужные в этот момент слезы в глазах лейтенанта.

- Да, Игорь Александрович, - выключив магнитофон, стоявший на подоконнике, капитан посмотрел в глаза Князева. – Только не нужно махать кулаками и кричать о его героизме. Он представлен посмертно к награде – к ордену «Красной звезды».

- Посмертно? Вы понимаете, капитан, ПОСМЕРТНО! У вас совесть есть, а, товарищ капитан? Посмертно! Я когда вам подал рапорт, подписанный начальником разведки полка о его награждении, а? – и, оттолкнув ногой стул, стоявший между Прохольцом и лейтенантом, Князев стал приближаться к старшему офицеру. – Ведь он еще был жив.

- Стойте на месте! – громко приказал капитан. - Стойте, стойте, я и так вас хорошо слышу. Федорков, остановите его и вышвырните отсюда! - кричал он своему солдату.

Но лейтенант уже был совсем рядом с отступающим от него к окну капитаном. И, протянув руки, ухватил Прохольца за грудки:

- Вы понимаете, что это был герой, которого вы отказывались награждать, крича мне, что он не заслуживает этого. Это вы, капитан, который дальше своих бумажек ничего не видите, наградив себя орденом и боевой медалью. За что, я вас спрашиваю? За что?

- Князев, ко мне! – раздался сзади громкий голос майора Куракина.

- Да, товарищ майор, я хочу, - и, ухватив за руку капитана, лейтенант рванул ее на себя, и вскрикнул, когда что-то больно ударило его по правой стопе. И глянув вниз, невольно вскрикнул, увидев ее, руку, белую, лежавшую на полу.

- Я тебя предупреждал, Князев, - ухватил за плечо лейтенанта, Куракин.

С дрожью, Игорь снова посмотрел то на руку, то на капитана, который сжав губы, ухватился правой рукой за пустой рукав, комкая его в ладони.

- Это протез? – прошептал Князев, посмотрев в глаза капитана. – Извините. – И уже поддаваясь силе майора, пошел за ним к выходу из кабинета строевой части.

Выйдя из модуля штаба полка, Игорь с майором направились к казарме разведвзвода. Некоторое время шли молча.

- Товарищ майор, как-то стыдно, даже, - попытался начать первым разговор Князев.

Но Куракин не поддержал его, а даже наоборот ускорил шаг. И только после того, как они проходили у одной из курилок: беседок со скамейками внутри них, - осмотревшись, нет ли кого-то рядом из людей, майор зашел в нее. И, развернувшись к Князеву, громко прошептал:

- Ты когда научишься себя правильно вести, а, лейтенант? Почему ты в последнее время все лезешь на рожон, а? Ну зачем тебе этот капитан, а? Он, что – командир части, а?

- Так уже третий раз ношу ему наградные листы, а он их в мусорное ведро кидает, и кричит, что быть героем из нашего взвода никто не назначен!

- Так это все, лейтенант, мишура. Все наградные листы, подписанные мною, подписываются командиром полка. И если, хоть одно из них не проходит, я иду к начальнику штаба. Понятно? И Востросин представлен посмертно к ордену «Красной звезды».

- Посмертно, товарищ майор! - Снова закипел лейтенант. - Посмертно, это значит, нужно было дождаться, когда он умрет, да? А если жив, то ему и медали «За боевые заслуги» хватит, да?

- Вот ерепенишься все, лейтенант. Хотя, что-то в этом есть, - вздохнул майор, присев на одну из скамеек, и достав пачку сигарет, вытащив из нее одну, предложил лейтенанту.

- Не курю.

- Завидую.

- Сергей Петрович, а как получается, что Прохолоец без руки?

- В прошлом году он, будучи командиром взвода, на Пагманской операции ее потерял. Его группу душманы окружили, когда он оказался у кишлака. Там в тот момент находилась их крупная группировка, около двухсот человек. Наша задача была их окружить и все, и заставить их сдаться. Другого выхода не было. Ну, тогда душманы решили выйти из кишлака, атакуя наши силы в одном из участков, в котором и находился взвод Прохольца, тогда еще старшего лейтенанта. И у него тогда почти все бойцы погибли. Остался он и два солдата, тяжело раненые, как и он, с раздробленной рукой.

Его за этот подвиг и представили к ордену «Красной звезды», и повысили в звании. А когда выздоровел, Прохолоец обратился к командованию с просьбой остаться в армии и дослужить свой срок в Афганистане. Вот и получил эту должность – начальника строевой службы. И крыша у него с тех пор поехала, всех ставит в рамки своего взвода, и определяет, заслужили они героя или нет.

- Чего же мне раньше не сказали-то об этом? – помотал головой Князев.

- Да, как говорится, все не под ту руку, ты мне попадал.

- Вот дела, - вздохнул Князев. - Нужно извиниться перед ним.

- Глупо, - похлопал по руке лейтенанта Куракин. – Будь таким, как есть. А то если таким как Проходец во всем потакать, жизни не будет. Награда, она, лейтенант, заслуживается. Это не серьга на ухе...

А вообще гнать его нужно отсюда, но, командованию виднее, вот и нервирует всех этот герой.

Ладно, пошли, времени у тебя для отдыха осталось шесть часов. И прошу, не лезь больше на рожон с такими, как этот капитан. Не по зубам тебе он.

Да, еще, забыл, - Куракин сильно сдавил локоть Князева, и посмотрел ему в глаза. - Не бриться сегодня, и бойцам своим запрети это делать. Дело бородатое впереди, пусть выспятся, и не перекорми их. Дорога вас дальняя ждет, в образе афганском. Но пока об этом никому.

Глава 18. Мышиный след

Караван был небольшим, семнадцать верблюдов, навьюченных огромными тюками и столько же лошадей...

Останавливать его для проверки, Князев не имел права, но сделать это каким-то способом было необходимо, чтобы не сорвать начало операции. Подсказку Смернихина, оставить на дороге несколько мешков с продуктами в виде упаковок чая, сигарет, начальник разведки полка поддержал. Только вместо чая, разведчикам пришлось тащить на себе несколько рюкзаков с мясными консервами, не считая вооружения - четырех комплектов десантных гранатометов с десятком реактивных выстрелов для них, плюс у каждого автомат Калашникова, по паре гранат, необходимых для проведения секретной террористической акции.

Караван остановился. Идущие впереди его пожилые мужчины, с интересом рассматривали «потерянные» кем-то на дороге несколько мешков с консервами тушенки и рисовой каши с бараниной.

Указывая на следы, оставленные широкими протекторами бронетранспортера в россыпи раздавленного известняка, дехкане, рассматривая их с банками, о чем-то говорили между собой.

- Думают, что эта консерва потеряла русские, - шепчет Муса. – А они богато живут, за этими консервами сюда не вернутся. Ага, - вздохнув, сплюнул Мансуров. – Нет, чтобы проверить, не заминированы ли они, - прошептал Муса, наблюдая за афганцами, собравшими банки в мешки, которые уложили в телегу.

Проводив скрывшийся за поворотом ущелья караван, Князев своим «душманам» дал команду рассредоточиться поближе к дороге, чтобы, так сказать, быть у хозяев на виду.

Волосы под чалмой у Игоря сильно вспотели, даже, несмотря на утреннюю прохладу в горах. Все время хотелось ее снять с головы и обтереться рукавом, но лейтенант понимал, что этого делать нельзя. Подтянув веревку на поясе, чтобы штаны (изары) не спадали, Князев прошептал:

- А вот и хозяева, - и указал подбородком вверх.

Душманы, с которыми они должны были встретиться на перевале, себя долго ждать не заставили. Шли они по ущелью со стороны Кабула, значит, как говорится, прошляпили караван с гостями. Это давало надежды, что не заметили обмана.

- Ни слова. Муса, не забывай, что ты у нас старший. Только не торопись. Всем спрятаться за камни. Короче, будь сдержанным. Именно сдержанным. И смотри, будь осторожен.

Из группы душманов, человек десяти, перешедших дорогу, к ним направились только трое. Шли в открытую, держа наперевес автоматы. Остальные спрятались в скальной части ущелья, взяв, как говорится, гостей с «гостинцем» на мушку. Сколько спряталось душманов с левой стороны ущелья, сказать трудно. У Смернихина, как у снайпера, глаз наметан, заметил четверых. Расположены они в опасной близости, не дальше пятидесяти метров. Где они расположились, Князев у Николая не спрашивал, так как все его внимание было приковано к оставшемуся у дороги солдату Мусе Мансурову. На этого таджикского паренька сейчас и делалась вся ставка.

Хорошо, если все пойдет как по маслу, вернее, как по сценарию предложенному группе Князева начальником разведки Куракиным и афганским полковником из службы безопасности. Но то, что им удастся обмануть Сарбуланду, местного полевого командира, все это вилами по воде писано.

Афганец, шедший впереди своей троицы, был невысокого роста, с аккуратно подстриженной темно-пепельной бородкой. Судя по простоте одежды, трудно определить его положение в банде. Может это и есть сам Сарбуланда. Одет в широкие штаны песчаного цвета, серую длинную рубашу, сверху такого же цвета жакет. Идущие сзади его напарники, были зажаты в движениях, вода со стороны в сторону свои автоматы. Не как их сосед, идущий впереди. Создается впечатление, что тот чувствует себя расслаблено.

Муса, ожидая их, приложив руку к груди, сделал полупоклон, негромко что-то сказав им. Кажется, поздоровался, те - тоже, сделав такие же движения руками и головой.

Дальше было трудно понять, о чем они между собою говорят, так как Игорь не знал восточных языков, как и его солдаты, кроме одного, на вид таджика, приданного им. Он представился как Иззатулла. Судя по крепкому телосложению, парень из спецназа, по возрасту, не ниже капитана. С Мусой говорил на таджикском языке, по тону, наставительно. И только потом Муса шепнул лейтенанту, что Иззатулла оттуда, и приказал с ним во всем советоваться. И еще, что сказал Муса, приданный к ним таджик старший их группы, только этого нельзя показывать...

И все всё поняли, склонив головы.

Прищурившись, Князев стал внимательнее всматриваться в бородача, стоявшего в пяти шагах от Мусы. Показалось, что его лицо ему знакомо. И, когда тот незнакомец большим пальцем стал чесывать свою бородку у кадыка, невольно вздрогнул, узнав в нем Бахтияра, того самого капитана командос, которого он со своей группой недавно спас от расстрела в одном из ущелий Газни.

А-а, вот почему ему сказал начальник разведки, что он встретится со своим старым знакомым. Значит это Бахтияр, и, скорее всего, он узнал и Мусу. Только бы Мансуров не прокололся сейчас.

Услышав сзади себя шорох, Игорь оглянулся, но тут же, почувствовав, что что-то твердое и холодное уперлось ему в верхнюю часть левого виска, напрягся всем телом. Боковым зрением видел афганца, но рассмотреть его лицо под таким углом зрения было невозможно. Но то, что это был душман, можно было не сомневаться.

Изатулла, находившийся слева от Князева, тоже уткнул свое лицо в камни, сжав свой затылок обеими руками. А в его голову уперся ствол «бура» (английской винтовки).

«Неужели ты, спецназовец, не услышал их приближение?» - кольнула неприятная мысль Князева.

Торец ствола толкнул Игоря в затылок, еще раз, и еще, сильнее. И поняв, чего требует от него стоящий сзади душман, Князев сделал шаг вперед. И то, что он правильно разобрался в требованиях стоявшего сзади человека, доказательством стал болевой тычок ствола в спину.

Ускорив шаг, Игорь вышел на дорогу.

Бахтияр смотрел сквозь него, показывая этим, что они друг друга просто не знают, вернее, не имеют права узнавать.

- Айван, - обратился к Князеву Муса, - we same (мы пришли).

Князев кивнул головой:

- Understood? (понял), - прошептал в ответ.

Бахтияр сделал несколько шагов к обочине дороги, пропуская вперед вышедшего из-за камня еще одного афганца.

Этот человек был взрослее Бахтияра и плотнее по телосложению. Его седая борода была ровно подстриженной, чалма – ярко-белой. А взгляд, черный и колючий, словно ссохшийся репей, утыканный иголками.

Муса его не интересовал, как и Князев. Создавалось такое впечатление, что он искал среди «гостей» того, кого знает. Кого?

Прищурившись, приподняв голову, будто ему мешало плечо Князева, этот пожилой афганец остановил взгляд на ком-то, стоявшем сзади Игоря. На Изатулле?

Не ошибся.

- Салам, бача, - шумно вздохнув, сказал Изатулла. И что-то начал говорить на афганском языке.

Что, Игорь не понимал, хотя пытался услышать хоть какое-то знакомое слово. Но это, в конце небольшого монолога Изатуллы, кивнув головой, прошептал тот, пожилой человек: «Кысмет» (Такова Воля Аллаха), - и приложил обе ладони к бороде, подняв глаза вверх

- Кысмет? – Громко спросил у него Изатулла, и, оттолкнув от себя стоявшего с ним рядом афганца, пошел к главарю.

Но тот, вскрикнув:

- Дриш! Дриш! (Стой), - начал отступать назад от Изатуллы, и остановился только после того, когда несколько человек набросились на нервного гостя, и удерживали его до тех пор, пока не приказал им отпустить их командир.

Глаза у него налились кровью, борода затряслась, и он начал что-то быстро говорить Изатулле, будто, пытаясь в чем-то оправдаться.

Изатулла, слушая его, вдруг, подняв правую руку вверх, смотрел ему в глаза, ожидая, когда тот замолчит. И видно, пришедший гость для него был в авторитете, потому что через несколько секунд замолчал, съедая глазами Изатуллу.

- Сарбуланд, Сарбуланд, - и, не спуская глаз с этого человека, покачал головой.

- Аз хичи намитарсам! (Ничего не боюсь) – сорвался Сарбуланд, и махнул своим бойцам рукой, что-то им коротко и громко сказав.

И те тут же удалились метров на тридцать от них.

Проводив их взглядом, Сарбуланд, снова посмотрев на Изатуллу, повторил свою фразу еще несколько раз:

- Аз хичи намитарсам! Аз хичи намитарсам!

«Вот, значит, какой ты, полевой командир Сарбуланд? – незаметно взглянув на афганца, подумал Князев. – Майор Куракин назвал вас хитрым человеком, который сам не лезет на рожон...»

- Мамну, мамну! - быстро замотав головой, и не отрывая своего взгляда от Изатуллы, громко заговорил Сарбуланд.

Значение этого выражения Князев тоже хорошо знал: «Не ходи туда!»

Изатулла подошел к нему ближе, и, махнув рукой на землю, присев, что-то сказал.

Сарбуланд примостился перед ним на корточки и смотрел на Изатуллу, который ему что-то говорил, указывая рукой себе за спину. Душман, опустив глаза, легонько кивал головой. Потом, приложив обе руки к горлу, и чуть-чуть приподняв их, посмотрев в небо, и начал что-то шептать. Похоже, молился.

Но Изатулла на это не обращая внимания, продолжал что-то наставительно говорить.

Игорь вздохнул, почувствовав успокоение. Но, хорошо понимая, что расслабляться нельзя, взглянул на Мусу, сидевшего на коленях на обочине дороги и молившегося.

Изатулла встал с земли, и, посмотрел на Мусу, потом на Князева. В его взгляде было волнение. И что-то громко сказал Мансурову. Тот, тут же вскочил на ноги, и легонько поклонился, не спуская взгляда со спеснацовца, игравшего с душманами в своего.

Сарбуланд тоже вскочил на ноги, и продолжал что-то говорить Изатулле. Но гость снова поднял руку, требуя тишины.

Афганец, развел руками, и окликнул стоявшего невдалеке от них Бахтияра. Тот подбежал к нему, и, не поднимая головы, слушал Сарбуланду, потом – Изатуллу. Но, было видно, что он не доволен.

Сарбуланд, видя это, повысил голос, за что-то ругая Бахтияра, и ткнув рукой в сторону Мансурова, что-то резко сказал, и замолчал, чего-то ожидая от него.

Через несколько секунд Бахтияр кивнул головой, и, поправив на плече ремень автомата, пошел в сторону Князева.

- Муса! – подозвал к себе Мансурова Изатулла. И показав рукой на Бахтияра, что-то коротко ему сказал, и потом, громче, посмотрев на Князева. – Hurry! No time! (Торопитесь! Время идет!)

Пробираясь по каменным выступам в глубь перевала, Игорь все не мог понять, с чем связан был этот дурацкий марш-бросок в пасть смерти. Если уж кому-то нужно было это внедрение в душманский отряд офицера ГРУ, то почему не нашли для этого людей, хорошо знавших иностранные языки, а бросили тех, кто вообще не владел ими.

Значит, все было связано с оперативностью? Так целый день дали Князеву с его бойцами поспать. Хотя могли взять достаточное для этого количество ребят со второго и третьего батальонов, которые 23 февраля на концерте части выступали с песнями «битлов», Джо Доссена, Челентано...

Все хотелось догнать впереди бегущего Бахтияра, которого ему всучил местный полевой командир Сарбуланд, и спросить, куда они сейчас идут с такой скоростью, без остановок на передышку. Зачем? И так далее. Но, когда Князев пытался это сделать, Муса, забыв, кто в группе командир, постоянно останавливал лейтенанта, требуя идти за ним в шаг, как и другим, чтобы не наступить на мину.

А Бахтияр и не думал замедлять свой бег, как говорится трусцой, шел торопливо, с легкостью, местами, обходя по крутым каменным выступам ровные переходы. Да, в них может, и находились душманские секреты в виде мин, капканов.

Бежали уже не менее часу, а Бахтияр и не думал останавливаться, уводя группу Князева не в сторону Кабула, до которого сейчас рукой подать – три-четыре километра, а куда-то в сторону гардезской дороги, где окраины Кабула состояли из мелких частных домиков, напоминавших высушенные солнцем разошедшиеся ракушки или улитки, застывшие на горной части.

С одной стороны торопливость Бахтияра была понятна, перед ним была поставлена задача привести эту, так называемую террористическую группу, роль которой играло отделение Князева, в какое-то место, где они должны из гранатометов уничтожить кого-то. И все из-за того, что Сарбуланд, который должен был выполнить это, почему-то тянул резину, что раздражало его командира - Ахмад Шаха. Вот Пандшерский Лев и направил в Кабул группу наемников для этой операции. Так расплывчато ему, Князеву, пояснил сам начальник разведки майор Куракин. И показав вверх, попросил лейтенанта не задавать ему вопросов о том, какой информацией тот не владел.

Вечером прилетел вертолет с Изатуллой, на знакомство с ним лейтенанту Князеву и его группе отпускалось не более пяти минут, где Изатулла завершил свою речь простой и понятной поговоркой: «Знать - не знаю, ведать - не ведаю, так бойцы вам будет легче на допросах, если нас возьмут душманы в плен. Знание секрета, братцы, ноша очень тяжелая, боишься, как бы не выдать его, а значит, это возможно». – И, подумав, добавил еще одну поговорку, которая, скорее всего, была уже не к месту: «Меньше знаешь, крепче спишь». А потому не к месту она была, что все понимали, времени на сон у них уже нет.

Поздним вечером, который не крался, а просто неожиданно «упал» на них, почти впотьмах двинулись к перевалу. Хорошо, что шли по шоссейной дороге, как говорится по чутью, так как луна появилась только через несколько часов в виде тонкого полурогалика и не освещала. И движение автомобилей в этот вечер не было здесь активным, всего несколько афганских барбухаек проехали им на встречу, что не повлияло на темп движения группы Князева, прятаясь в этот момент в кустах,

недалеко растущих от дороги. То есть, нагонять потерянное время слишком не пришлось. А оно, похоже, было учтено, так как выйти к намеченному рубежу они должны были за полтора-два часа до рассвета...

- Стой! – тихий голос Мансурова, вернул, шедшего за ним лейтенанта на землю.

Бахтияр наконец-то остановился, и, присев на корточки, что-то рассматривал:

- Пришли, похожа, товарища лейтенанта, - предположил Муса.

Князев оглянулся, все ли солдаты, как и он, остановились и присели.

- Ты мне скажи, о чем они там, на перевале, ну, Изатулла с душманами, между собой говорили?

- Товарища лейтенанта, сам ничего не поняла, - махнул рукой Мансуров. - Изатулла, которого мы привели, он их командира, получатся. Он давай кричать на того Сарбуланду, что она шакала, которая всего боится. Она только на кишлаки нападает, и то, там, где нет царандоя и армии. Почему, она спрашивала, он диверсии не делала в городе, в аэропорте. Что, она, Изатулла должна из Панджшера идти сюда и за него все делать? Поэтому она деньги не несет Сарбуланде. Все, товарища лейтенанта, что я поняла. А еще, она, Изатулла, пришла к нему, чтобы его научить, как воевать. И еще сказала, они будут завтра с другим командиром, Парвиза, соединяться. И все, а дальше нас повела та моджахеда, - Муса показал на Бахтияра.

Солдат, рассказывая это своему командиру, сильно нервничая, и поэтому постоянно сбивался, но, к счастью, не со смысла, что позволило Князеву догадаться, зачем они шли на встречу с местным командиром бандформирования. Но понять до конца все равно было трудно, кто такой Изатулла на самом деле. Он, похоже, внедрялся как шпион в это бандформирование, или... А что такое «или», если не владеешь достаточной информацией, то все твои версии могут быть не больше пустышки.

Оставалась надежда, что все разъяснит Бахтияр. То, что он представитель службы безопасности Афганистана (ХАД) и был внедрен в бандформирование, это Князев помнил. И, если вся постановка внедрения Изатуллы произошла при Бахтияре, то это давало шанс группе Князева вернуться живыми в свою воинскую часть, а не быть убитыми душманами. Об этом, кстати, говорил ему и начальник разведки, но, как-то расплывчато, что заставляло переодетых афганцев волноваться, осматриваться. И на это не могли не обратить внимания душманы, окружившие их. А может, так и нужно было вести им себя, ведь они здесь играли роль наемников, которые не в своей стране?

...Бахтияр, подозвал рукой к себе лейтенанта. Но не дал ему подойти близко, остановив его в полутора метрах от себя. Лицо у него было строгим, до смешного. Ну, не шла ему эта маска. Она больше напоминала испуг. Четыре пальца на его ладони, выставленной вперед, сжались, остался поднятым только указательный, и сказал всего два слова: «Много глаз».

-3-

Он, Князев, один раз видел, как кошка охотилась за мышью, которая была увлечена поеданием сухой корки хлеба. Рыжая Сявка была любительницей всего детдома. И

несмотря, что ее постоянно подкармливали в столовой, она оставалась приверженницей охоты на крыс и мышей. И поэтому, когда оставляла после ночной охоты у крыльца убитую крысу, кто-то из ребят, проснувшихся за несколько минут до побудочного звонка, выглянув в окно, истошным криком на весь детдом кричал: «Крыса!». И все поднимались и по лестнице бежали вниз посмотреть на новую победу Сявки. Доставалось от старших ребят только тем, кто будил их на двадцать-тридцать минут раньше подъема, не дав, как говорится, досмотреть самые сладкие сны.

Один раз за эту самую торопливость досталось и восьмикласснику Игорю. Но крыса, лежавшая у калитки, была самой большой, которых до этого убивала Сявка, размером почти с саму кошку. И все старшеклассники после этого к Князеву стали относиться с уважением, даже звали Малым. Но разговор не об этом, а о виновнице ранних побудок детдомовских ребят Сявке.

Иногда она после ночных схваток дня три не появлялась на глаза детдомовцев. Так часто бывало, так как и кошку искусывали крысы, с которыми она дралась, и ей нужно было после этого восстановиться, подлечиться. Но в тот раз, когда она убила самую большую крысу, пять дней Сявки не было видно. Где только не искали ребята ее, и в подвалах, и на чердаках детдома, их школы и клуба, и даже в огороде и в саду. Но не находили свою любимицу. И только на седьмой день десятиклассник Колька Зефир, растормошил Игоря за час до подъема, и потащил его в коридор. Они сбежали с ним на первый этаж к торцовому окну коридора, у которого столпилась толпа старшеклассников. И при этом Игорь уже имел в их среде авторитет, и пацаны пропустили его к подоконнику и он со всеми наблюдал как Сявка, прихрамывая, подбиралась к мышке поедавшей сухарь, брошенный кем-то на тротуар.

Сявка, затаившись, сделала свой стремительный бросок, длина которого была около метра, и убила мышку...

Почему вспомнился этот случай Игорю? Скорее всего, из-за короткого рассказа Бахтияра, сравнившего своего командира Сарбуланду с его бандой с крысами, которые грабят население, забирая все им заработанное и выращенное. Вот и вспомнилась ему Сявка, охотница на крыс, с которыми она вступала в смертельную схватку, хотя и никогда их не ела.

А вместе с тем, Князев почувствовал в себе труса, который сейчас побоится остановить эту банду головорезов из двадцати семи человек, спускающуюся с гор и входящих в «зеленку». Ее путь пойдет через виноградные поля к одному из кишлаков, который они в очередной раз ограбят. А если об этом узнает кто-то из его полка, то он тут же потеряет свой авторитет в среде офицеров. А вынесет эту информацию наружу ни кто иной, как капитан Прохонец, которого он вчера чуть-чуть поставил на место. И если бы не его инвалидность, о которой Игорь не знал, то опустил бы его еще ниже, даже не побоявшись того, что тот поддерживает хорошие отношения с особым отделом. От этого он и такой заносчивый.

Посмотрев на сидевшего рядом с ним Бахтияра, Игорь понимал, что ему остается всего несколько минут до прощания с афганским капитаном. Не ожидал даже, что жизнь его еще раз сведет с этим разведчиком, внедрившемся в душманскую банду. И

он должен послушаться этого хадовца, и, не затягивая времени вернуться в свою часть, так как жизнь его отряда через несколько часов может повиснуть на волоске.

А вся причина этому в том, что в трех километрах отсюда, на окраине Кабула наемники, то есть, его группа, должна напороться на засаду ХАДа и быть уничтоженной. Об этом информация тут же будет передана во все афганские средства массовой информации, отчего вина ляжет на Сарбуланду, запретившему Бахтияру довести наемников до места террористической акции. И у Бахтияра будут руки чистыми.

Но на самом деле, группа наемников в кавычках, которой управляет Князев, там и не появится, а уйдет по «зеленке» в другую сторону, где их ожидает рота первого батальона, и вернет их в родную воинскую часть. Вот и все. Операция по внедрению в местную банду Изатуллы, как говорится и ломанного гроша не стоит.

А инициатором ее, оказывается, был Бахтияр. Ему «птичка» принесла весть о том, что из Панджшера к ним шла группа наемников с целью выполнить террористическую акцию в Кабуле. ХАД (служба государственной безопасности Афганистана), разработав вместе с советской разведкой контроперацию, внесли в нее некоторые поправки, заменив ту группу своими «наемниками» и другим Изатуллой, о котором Сарбуланд не только слышал, но и несколько раз его видел в кругу Ахмад Шаха Масуда, «льва Панжшера», возглавлявшего крупнейшее бандформирование в Афганистане. Правда, Сарбуланде удавалось увидеть Изатуллу, к счастью, только издалека, хотя воюя в Панджшере, он не раз получал от него, так называемые вознаграждения за выполнение некоторых операций. Потом – в Кундузе. А под Кабулом, ему дали на некоторое время свободу. А теперь еще оказались и недовольны им, что грабит кишлаки, а не уничтожает местные власти.

- Все, туда иди, - Бахтияр показал рукой в сторону Кабула. – Если бюдю ш-жив, увидимся, лейтенанта.

- Да, да, также, - вздохнул Игорь. – Так скажи, в кишлаках Кала-Якубали, Каланавали, Чихильтан, две недели назад ваша банда грабила?

Бахтияр сделал вид, что не расслышал этого вопроса.

- Стой, убью! - передернув затвор, Князев направил ствол автомата в сторону афганца.

Бахтияр остановился, и, не поворачиваясь лицом к лейтенанту, сказал:

- Я виновата. И сегодня они убьют много дехкан. Тех, кто поддерживает власть, - Бахтияр говорил медленно, чтобы четко произнести каждое слово по-русски. – Так приказал Сарбуланд, а я у него никто. Бандой «летучий мышь» командует другой моджахед. Они сегодня не будут убивать кишлак, там, в обед и вечером ездит отряд царандой. Они потом...

- А ты. Как допускаешь это ты, Бахтияр? – исподлобья посмотрел на капитана контрразведки Афганистана.

Тот вместо ответа сдвинул свои кулаки, и ничего не сказав, осматривая каждого из солдат Князева, медленно повернулся к ним спиной, и сделав несколько шагов, остановился:

- Я все сказал. Уходите, завтра меня Аллах накажет, я знаю, - ответил на русском языке Бахтияр.

- Трусливая собака! – Князев с какой-то невольной злостью выдавил из себя эти несколько слов, и, обернувшись к своим бойцам, смотря каждому в глаза, спросил. – Ну, что, бойцы, готовы?

И солдаты поняли мысль своего командира, и каждый из них, кивнул ему головой, не спуская с него глаз.

- Тогда вперед за мною, в кишлак. Попробуем надрать этим летучим мышам зад.

Глава 19. «Мышь» в капкане

Игорь торопился. При спуске со скалы несколько раз упав, старался не думать о нестерпимой боли от ушибов в колене и локте. Нога и рука двигались, а значит, переломов не было, и нужно отвлечься от мысли о боли, тогда она через некоторое время станет привычной, а потом забудется. Так было всегда. Тем более, думать есть о чем.

Двадцать семь душманов он насчитал, двигавшихся со скалы в сторону виноградного поля. Это были именно те душманы, которые подчинялись Сарбуланде, так сказал Бахтияр. Все моджахеды были одеты одинаково в черные васкаты (жилеты), штаны, а на голове у них черные чалмы. Вот в тот момент он и вспомнил, что местные бачата говорили о душманах, грабивших их кишлак, были одеты в черную одежду, и их банду называли летучей мышью.

Вот наконец-то он, Князев, и наступил на их тень, и если сейчас их не остановит, то этого себе никогда не простит. Тем более, солдаты и без слов поняли своего командира, увидев эту летучую мышь, и готовы догнать этих бандитов, чтобы прикончить их.

Теперь единственный остается вопрос, как можно это сделать его группе в два с половиной раза меньшей по составу и не обладающей преимуществом в тактическом положении? Нужно думать, думать и думать.

Во-первых, если точно известно, что они идут к кишлаку, расположенному посередине района, то от этого участка гор до него расстояние не такое уж и большое – восемь-десять километров. Через шесть-семь километров виноградники пересекает дорога с расщелиной шириной около пятнадцати метров. Она создана природой, весенними и осенними паводками, и идет прямо отсюда, со скалы. Сначала небольшая, глубиной около двух, местами четырех метров, дальше - у дороги, в несколько раз глубже и значительно шире.

То, что душманы пойдут в кишлак именно по этой расщелине, не верилось. Это профессионалы, а не горные козлы, скачущие по камням. Тем более, по винограднику им идти легче, и намного безопаснее. Это, во-вторых.

А, в-третьих, чтобы группе разведчиков достигнуть так необходимой внезапности, то эту банду летучих мышей нужно обогнать хотя бы на минут пять, а лучше на десять, до того, как они доберутся до кишлака. А как это сделать, когда группа Князева отстает от них уже на драгоценных минимум полчаса?

- Товарищ лейтенант, - обратился к Князеву бегущий в затылок за ним Киселев.

- Говори, слушаю.

- Справа от кишлака находится дорога с постом царандоя, помните? Мы там стояли около них, они еще нас на своем БТРе катали?

- Да, Эдик, об этом как раз и вспоминаю, - соврал Игорь, приревновав бойца к тому, что тот мыслит обширнее своего командира.

- Так там у них рация. Если мы с Мусой туда пойдём и передадим по ней нашей роте, которая нас ожидает в том районе, то может получится какой-то результат. Нет, так хотя бы царандоевцев подключим к себе в помощь.

- Молодец! А вдруг их там нет, этих царандоевцев, или они вас не поймут, посчитают шпионами? Тем более не забывай, что не все солдаты в их рядах поддерживают нынешние власти, а некоторые просто запуганы за своих родственников, которых душманы грозятся убить, если они не будут помогать бандам. И это делают.

Ладно, Эдик, - вздохнул лейтенант, - у нас есть время об этом подумать. Отсюда я вас с Мусой все равно не отпущу туда, слышал же слова Бахтияра, здесь везде у них, душманов, глаза. Скала рядом. Так, что вперед, для всех говорю, - лейтенант повысил голос, - идем направо в глубину триста-четырееста метров. Потом на девяносто градусов поворачиваем налево и легким спринтом двадцать минут бежим. Понятно?

- Так точно, - ответил за всех Константинов, - только бы, товарищ лейтенант, задрать повыше эти юбки от халатов, мешают же бежать.

- Тоже верно, - согласился с ним Князев, и дал команду остановиться.

Этой передышки на полминуты, со смешками, для его бойцов было вполне достаточно, чтобы настроиться, как говорится, на новую волну. И бежать с поднятой «юбкой» намного легче, тем более, что ткань штанов защищает ноги от секущей их при беге сухой травы. И, смешно, когда глядишь на солдат с задранными до пояса халатами...

- Все готовы? Тогда вперед! – скомандовал лейтенант, и, поправив на спине гранатомет с тремя выстрелами, перекинув в правую руку автомат, побежал первым.

Сначала сгоряча он бежал быстро, что тут же сказалось мощным потовыделением. А все потому, что виноградное поле не давало ветру освежать в своих зарослях воздух. Здесь в низине воздух сильно прогрелся. Из-за этого пришлось сбавить ход, и слушать не себя, а дыхание бегущих солдат за ним. Это тоже очень важно, так как группу нужно воспринимать, как один цельный организм. Кто будет задыхаться, его не бросишь. И вот это дыхание минут через семь выровнялось. Это хорошо. Скинув с головы чалму, Игорь Князев почувствовал в волосах головы свежесть, и немножко прибавил ход.

Скорость, с которой они двигаются, около восьми-десяти километров в час, а значит, буквально через полтора-два часа будут у дороги. Судя по тому, как под ногами шелестит трава, душманы идущие от них даже в пятидесяти метрах, этого топота не должны слышать. Главное, чтобы минимум пятьдесят метров эта дистанция была между ними.

А Эдик прав, предлагая ему с Мусой выдвинуться к посту царандоя. Но это с одной стороны прав. Все ли удастся, как мечтают, вот в чем вопрос. Два человека, это уже не просто сила, а еще и мобильность для группы в целом. За счет этих двух человек,

душманов можно окружить и, не дать им уйти от прямого соприкосновения в бою, а также рассредоточиться, организовав оборону. Нет, нужно быть вместе.

Эта мысль с одной стороны успокаивала еще и потому, как говорится, чтобы голова не болела за безопасность этих бойцов. Это, раз. Хотя он тоже не сможет им предоставить этой самой безопасности, как командир. Он, командир, должен это сделать, как говорил их преподаватель по тактике, выбрав из самого опасного, самое безопасное решение. Легко это говорить, стоя у карты. Хотя эта местность от нее несколько не отличается, а только материализованным состоянием. Виноградное поле разрезает его напополам расщелина с небольшим арыком, которая от них сейчас в ста или двухстах метров.

Душманы, наверное, сейчас, спустившись к нему, умываются, наслаждаясь прохладой воды, и пьют ее от пуза, столько, сколько им хочется. Счастливицы!

Об эту мысль лейтенант и споткнулся и, перейдя на шаг, надев на голову чалму, остановился.

- Три минуты отдыха, - и достав флягу, сделал несколько глотков, задержав воду под языком, ждал, когда она насытит влагой небо, а потом проглотил ее. Возникает противное чувство, когда сдерживаешь живительную влагу во рту, не отдавая ее сразу жаждущему организму.

- Тихо! – громко прошептал Кислов. И тут же все уши бойцов превратились вслух. Первое, что начинало приятно раздражать барабанные перепонки, это шелест листьев легкого ветерка, а глаза – редкие виноградные грозди. Рука лейтенанта невольно потянулась к одной из них, янтарно лоснящейся в лучах солнца. Да, он прекрасно понимал, что есть виноград нельзя, так как организму тут же захочется употребить в себя большое количество воды. Но, если именно об этом не думать, как о болях в руке и ноге, кстати, которые уже прошли, то, просто необходимо съесть хотя бы небольшую гроздь винограда для того, чтобы наоборот придать организму сил. Сахар он в таких случаях полезен.

- Показалось, - опустив указательный палец, прошептал снайпер.

- Что это было? – сорвав виноградную лозу и подав ее Кириллу, спросил Князев. – Всем кушать виноград, нужны силы, и еще три минуты отдыха.

- Был такой шум, будто кто-то упал, - прошептал Кирилл Кислов.

- В смысле? – не понял слова солдата лейтенант.

- Ну, вскрикнул, словно за что-то зацепился, и смех раздался.

- Понятно. Нет, боец, такое не покажется. Расстояние большое от них до нас, как думаешь?

- Та нет, товарищ лейтенант, тридцать-пятьдесят шагов.

- Ч-ч, - шепнул лейтенант. – Не сорить, тихо поднимаемся и за мной! – Поднявшись на ноги, поправив въевшийся в плечо ремень гранатомета, Князев потихонечку стал ускорять свой шаг, прислушиваясь, к легкому шелесту травы от ног его бойцов.

К счастью, трава в этих местах была тонкой, громкого шелеста не было. Главное, чтобы вместе с этим и мин. Последняя мысль стала новым раздражителем мыслей. Для этого, если понадобится, можно использовать и свои гранаты, поставив их на растяжку. Кстати, за это нужно сказать спасибо Смернихину, взявшему с собой

несколько мотков тонкой проволоки. Что говорить, каждый в своем деле профессионал. Смернихин - сапер, берет с собою все, что может в этом деле ему пригодиться, снайпер – внимание, лейтенант - знания по тактике и организации боя, которыми его хорошо напичкали в военном училище.

Отбросив эту мысль в сторону, как мешающую думать, лейтенант еще чуть-чуть прибавил шаг. И, просчитав, что с того места, где Кислов услышал передвижение душманов, они отошли метров на тридцать, а это еще мало. Через полминуты, сделал шаг короче и быстрее. Неужели им удалось догнать душманов? Это здорово! Только еще нужно прибавить хода, теперь, чтобы подальше оторваться от душманов, а потом, немножко сбавив скорость, продолжать бежать более легким темпом до самой дороги.

И зачем он разрешил солдатам есть виноград, как и самому себе? До невыносимости хотелось пить. Но, в принципе, это можно сделать и на бегу, и достав флягу, лейтенант сделал пару глотков. Теперь ему легче стало.

- 2 –

На преодоление дороги потребовалось всего несколько секунд, после афганского грузовика, ехавшего на небольшой скорости и поднимавшего за собой плотную пыль. Что делать дальше? Ждать здесь прохода душманской банды глупо, это хорошо понимал лейтенант: дорога узкая, а сквозь виноградник ничего не видно. Значит, преодолев ее, душманы тут же укроются в его зарослях, и расстреляют своего противника, как мишени в тире.

Выстрелы, раздавшиеся со стороны кишлака, несколько удивили Князева. Выходит, опоздал, душманы уже там.

- За мной! – дал команду лейтенант, и побежал между виноградных лоз в сторону кишлака. – Рассредоточиться в цепь через проход, я посередине.

Бойцы сами рассчитались на первого второго, и разбежались – «первые» направо, «вторые» налево, как их учил на тактических занятиях Князев. Добравшись до конца виноградного поля, остановились. От него до кишлака совсем чуть-чуть, метров сто-двести.

- Блин, это тир у них, что ли? - чуть ли не рассмеялся стоявший справа от лейтенанта Кирилл Кислов. – Вон они, товарищ лейтенант, человек десять лежат, а один стоит. Вон, у стога сена, смотрите.

И тут же раздались несколько выстрелов, по их звуку Игорь и нашел глазами стрелков.

- Муса, идешь со мною, всем остальным оставаться здесь, - сказал лейтенант и, пригнувшись, прячась в высокой траве, направился к стрелкам.

К счастью, это были дехкане. В основном - взрослые люди, и несколько юнцов. Это отряд самозащиты, буквально неделю назад сформировавшийся в кишлаке. Было у этих добровольцев всего две винтовки и одноствольное ружье, с которых и палили по глиняным кирпичам, наложенными друг на друга. У остальных людей оружием были вилы и лук с неровными стрелами.

Они с большим интересом рассматривали шурави, одетого в их национальную одежду, а к Мусе относились как к своему человеку.

- Товарища лейтенанта, были здесь царандой, час назад, уехала она в тот кишлак, последний, у скалы.

- Последний, - повторил за Мансуровым Князев. - Зачем? Спроси, зачем они поехали.

- Душманы туда нападут, сказала бобо.

- Бобо? – не понял Князев. – Кто это?

- А, деда, старик, по-вашему. Вот он, - Муса указал головой на улыбающегося худощавого, седовласого старика, стоявшего напротив лейтенанта.

Князев ему поклонился и протянул руки для рукопожатия.

- Что же получается, Муса, Бахтияр нас обманул? – прищурившись посмотрел на старика Князев. – Он сказал, что они пошли именно в этот кишлак.

- Не зная, - ответил Мансуров.

- Вот, блин, - покачал головой Игорь. – Спроси их, можно мы у них отдохнем, ну, часик, не больше, и уйдем назад. И извинись перед ними, что вот так вот пришли к ним без приглашения. И еще, спроси, они помнят то, как мы к ним в кишлак приезжали недели две назад.

- Да, да, они помнят шурави и рады, что мы их защитники, - закивал головой, переводя ответ бобо.

- Ну, и ладно, - еще раз пожимая всем афганцам протянутые ими руки, лейтенант, улыбаясь радостным афганцам, повторял одну и ту же фразу: «Ташакор, извините, ташакор, извините».

Но как только после взмаха руки бойцы Князева, переживавшие в винограднике, выбежали к ним, прозвучала пулеметная очередь из кишлака. Бойцы тут же залегли, а старик, только разговаривавший с лейтенантом, тут же выбежал из толпы и, повернувшись к кишлаку, начал махать руками.

Стрельба тут же прекратилась, лейтенант со стариком, которого звали Абдулахад, направились к лежавшим у виноградника бойцам Князева, и вернулись к столпившимся афганцам.

- Товарищ лейтенант, - обратился к Князеву рядовой Кислов. – Их пулеметчик слишком открыт, нужно спрятаться ему за камнями, что ли, или мешками с песком, - и показал Князеву на один из близлежащих домов.

Игорь эту огневую точку нашел сразу, по темному цвету на фоне светло-серых и рыжих глинистых квадратных строений.

- Да, да, ты прав. Не пойму, что-то вроде «максима» у них, пулемета.

- Так точно, товарища лейтенанта, - доложил Мансуров, - еще с войны с англичанами у них он, «максима».

- Да, уж. Муса, скажи этим людям, что душманы вот-вот на них нападут. Это та же самая банда «летучей мыши», которая нападала на них в прошлый раз, - сказав это, Князев смотрел на старика, следя, как он воспримет эту новость.

И Абдулахад, выслушав Мансурова, нахмурившись, покачал головой, и что-то сказал своим. Те, в ответ, начали ему что-то говорить, трясая руками и показывая на Князева.

- Они говорят, что нужно вас попросить их защитить, - тихо говорил Мансуров. – Вы, русские, умеете воевать, у вас есть бомбы, - показав рукой на гранатомет.

- Что, бойцы, задержимся? – посмотрел на свих лейтенант. И получив согласие от каждого, в виде кивка головы, лейтенант это передал Мансурову.

Старик тут же подхватил Князева под руку, и что-то ему быстро говоря, повел за собой к кишлаку.

Остановились во дворе того дома, на крыше которого стоял пулемет.

Его хозяин, рассадил бойцов Игоря на расстеленный во дворе широкий ковер, на котором тут же стали появляться восточные яства, в виде нескольких кувшинов с молоком и двух больших лепешек – наан.

Глиняные кружки, наполненные пенившимся молоком, ребята тут же расхватили и, держа в другой руке разломанные лепешки, приступили к трапезе.

- Муса, - проглотив кусочек лепешки и запив его молоком, Князев продолжил, - спроси у Адула..., - и, сбившись, замолчал, вспоминая имя старика.

- Абдулахад, его зовут, - заулыбался Муса.

- Так вот, они нам рассказывали, что душманы убили дуканщика. А у его магазина остался хозяин? Ну, сын там, или какой-то другой из родственников.

- У него, товарища лейтенанта, семеро бача. Старшая сына теперь дуканщик, его зовут Алим. Ему шестнадцать лет, он взрослая, помогала отцу всегда. У них еще козы есть и коровы. Он в дукане, у него есть автомат.

- Понятно.

- А вот молоком нас угощает, Адула...

- Абдулахад, его зовут, - снова Муса напомнил лейтенанту имя старика.

- Так спроси, где он его взял это молоко.

- Это козье, - перевел слова старика Муса. – Это от его коз. У него их шесть. Скоро будет плов из цыпленка, Абдулахад просил подождать.

- Спасибо. Передай ему большое спасибо! Абул-ла-хаду, – приложив правую ладонь к сердцу, и поклонившись старику, Игорь замер, наблюдая как в узкий проход дувала, к ним спиной проталкивался кто-то, что-то держа в руках. Это оказался такой же пожилой мужчина, одетый, как и Абдулахад в поношенный и потертый до дыр халат. А в руках у него был поднос наполненный горой белого риса, с которого шел пар.

Солдаты тут же освободили середину ковра, и с громкими возгласами захлопали в ладоши.

- Встать и всем руки помыть, - приказал Князев.

А Абдулахад, словно понял слова русского офицера, позвал солдат к дувалу, у которого стоял высокий кувшин. Выбежавшие неизвестно откуда бачата, подняли кувшин с широким горлом, и, улыбаясь, ждали гостей. Первым умыл руки и лицо лейтенант, за ним – Муса, потом - все остальные.

- Вот в чем вопрос, Абдулахад, - посмотрев на старика, продолжил разговор Князев, - как же душманы уносили награбленное: мясо, мешки с рисом?

- Они не уносили, - перевел его ответ Мансуров, - она коз взяла живой, живыми, привязав канатом к корове и быку. А на них лежала мешки с крупой, и уходила, туда, в гора. Бачат забирала с собою. Двое из них вернулись, другие двое, которые сыновья убитого дуканщика, нет.

- Так, значит, те мальчишки знают, куда уходили душманы?

- Нет, - помахал головой Муса. – Они по дороге их била по голове и оставляла лежать на земле без сознания. И когда бачата пришла в себя, она вернулась в кишлак.

- Понятно. А еще есть богатые люди в кишлаке, у кого есть козы, барашки, коровы, куры? – лейтенант посмотрел на старика.

Тот закивал головой.

- И другие дуканщики еще есть в их кишлаке?

Старик пожал плечами, и, немножко подумав, что-то начал рассказывать Мусе.

- Да, есть, но они в Кабуле, продают мясо. Это сыновья Абдурахмана. Они привозят из Кабула то, что их просила дехкана, за афгани, деньги. У них тоже есть овца, корова. Они покупают их у нас, и в других кишлаках, товарища лейтенанта, - не торопясь рассказывал Муса.

Во двор Абдулахада вбежало несколько запыхавшихся и испуганных мальчишек.

- Душманы пришла. Летучая мышь пришла, - кричал Князеву вместе с ними Муса. – Она зашла в кишлак с арыка, в дом Абдурахмана. В доме все кричат, а сейчас тихо стала.

- Спроси, сколько было душманов.

- Четверо...

Это понял и сам Игорь, увидев четыре раскрытых пальца, в вытянутой ладони одного из бачат, лет восьми-десяти.

- Смернихин, Муса и Кислов, вы со мною. Остальные остаются здесь, Константинов у вас старший. Мы, пока будем недалеко. Связь поддерживаем посыльным. Если будут наступать, решение принимаете самостоятельно. Все, пошли!

Мальчик бежал впереди, за ним еще несколько ребят, которые все время мешались под ногами лейтенанта, пытаюсь еще что-то ему рассказать. Но это делали тихо, шепча, и на их лицах читался испуг.

До того дома, куда ворвались душманы, было метров триста. У дувала их встретил еще один бача, он сказал Мансурову, что душманы, больше не выходили из двора этого дама.

- А кяриз у них есть в доме? – спросил Князев.

Мальчишка закивал головой.

- А куда он ведет?

Князев побежал за мальцом, пожелавшим показать им, где находится выход из подземного тоннеля Абдурахмана. Выбежали на набережную часть кишлака. Река, в которую слева впадал арык, неширокая, находилась от кишлака в метрах пятистах.

Вход в кяриз семьи Абдурахмана находился недалеко от кишлака, в кустарниках маслины. Но, мальчик с Князевым до него не добежали. Бача, что-то заметив, ухватив Игоря за локоть, потащил его за останки от разрушенного глиняного забора. Из кустарника вышел афганец в черной одежде. Он, отряхнувшись от пыли, осмотрелся

по сторонам, и побежал к окраине кишлака, через дикий кустарник. Прямо в руки Князева, но Игорь, вскинув автомат, пропустил его, и, показав бачатке, чтобы тот остался на месте, отпустив моджахеда подальше от себя, начал красться за ним.

Тот скрылся в низине. Князев, подождав с минуту, не рискнул двигаться к тому месту, где исчез душман. Слева, вся окраина кишлака была заросшей деревьями и кустарниками. Вот, спрячась в них, он и подкрался к расщелине, в середине которой, пенясь, бурно катилась через каменные глыбы вода неширокого арыка.

Душман, перебравшись через арык, остановился, и присел. Он тер колено, которое переходя через арык, скорее всего ушиб, или поскользнувшись в нем, растянул мышцы ноги.

Отложив автомат в сторону, Игорь аккуратно снял со спины гранатомет, вытащил снаряд из подсумка. Но вставлять его в ствол не торопился, ожидая, когда появится хоть небольшая часть той самой банды - «летучей мыши», которая, скорее всего, где-то недалеко от этого места ждет своего разведчика.

Наконец-то моджахед поднялся и сильно хромяя, пошел на ту сторону расщелины, плотно заросшей кустарником. То, что эта банда может прятаться где-то вблизи, Игорь уже не сомневался.

- Товарищ лейтенанта...

Слова Мансурова были настолько неожиданными, что Игорь, невольно вздрогнув с испуга, нажал на курок гранатомета. Раздался громкий щелчок, и к счастью, реактивного снаряда в его стволе не было.

- Фу ты. Муса, как ты-ны догадался, что я здесь? – Игорь смотрел в глаза солдата.

- За вами шла. Бача сказала, что вы видела душмана.

- Да, да, он туда ушел, - Игорь указал рукой на кустарник, с той стороны расщелины.

– Чего ты за мной побежал?

- Та, - сплюнул Мансуров, - Коля и Киря их того, по голове. Связал и это, - показал рукой на рот.

- Кляп в рот засунули душманам? – догадался Князев.

- Та, та. Они убила бобо и ханум, есе бача.

- Еклмн! – покачал головой Князев.

- Екелемене, - повторил фразу лейтенанта Мансуров.

- Не знаю, что и делать, - задумался Князев. – Ладно, Муса, оставайся пока со мною.

- Там еще кяриза, - в самое ухо прошептал лейтенанту Мансуров. – Тама, - и показал в сторону реки.

- Где, покажи рукою.

- Тама, - указательный палец Мусы, показывал в сторону бугра с кустарником, с этой стороны расщелины. – Бачата сказала.

- Думаешь, душманы пойдут по кяризу?

- Та, та, бача, сказала, - затараторил Муса.

- А те, которых вы связали, что-то говорят про это? Вы их допрашивали?

- А, да, Киря ему сюда, - ткнув себе в грудь, - гранатомета поставила с гранатой. Душмана испугалась, поверила, сказала, что скоро придут сюда душмана.

- Как придут?

- Так, по кяризе, товарища лейтенанта. Они слышала стрельба, хотят невидно придти в кишлак.

- Скорее всего, Муса, у душманов здесь, в кишлаке, есть свои люди, которые им обо всем сообщают, - предположил Князев. – Не интересовались у пленных об этом?

- Так сосед Абдурахмана сказала им про царандой. Душманам. Поэтому и убила его моджахеда.

- Абдурахмана убили? – переспросил Князев. – Того мясника?

- Да. Она много барашек продала, корову и коз. Денег много, а душманам не давала, тогда убила Абдурахмана. Бача Абдурахмана испугалась и отдала им деньги отца. И его тоже убила душмана.

- Убил бача, пацаненка? Ты об этом говоришь? – покачал головой Князев. И потом, вздохнув, сказал. – Что же тогда получается, Муса. Если дети знают, что душманы придут по кяризу в кишлак, то знают об этом и дехкане кишлака. Так?

Муса пожал плечами.

- Неужели эти вояки не боятся того, что обозленные люди кишлака их там, просто засыпят землю?

- Вон, - Муса ткнул лейтенанта в плечо.

Игорь тут же вжавшись в камни, стал искать того, кого ему показывал Мансуров. Это был мужчина в простой афганской одежде, вылезший из того самого кяриза, о котором говорил Муса. Он вытолкнул из него двух детей.

- Ой, это бача, товарища лейтенанта. Та бача, которая вам показывала тот кяриз.

- Екмлн. Надевай на ствол глушитель. Быстро! – и сам потянулся к поясу, в котором были завернуты с одной стороны граната, с другой – глушитель для автомата.

Прицелился. Афганец с бачатами находился от них недалеко. Но, что было непонятно, тот не торопился перейти арык, и не толкал мальчишек, они шли впереди, а афганец не запугивал их винтовкой, а нес ее на плече. Остановились у арыка, стали умывать лица.

- Не стрелять, - дал команду Мусе лейтенант, - подождем, что будет дальше.

А дальше, произошло то, чего не ожидал Князев. Афганец скинул с себя одежду, голым зашел в арык и стал плескаться в нем вместе с бача.

«Не наживка ли?», - почему-то к Игорю пришла эта глупая мысль. А через несколько минут, оказалась не такой глупой, как подумал, а получается, угадал.

С той стороны расщелины, из кустарника выскочили три душмана в черной одежде, а значит - из банды летучей мыши, и, вскинув свое оружие, целясь в купающихся людей, спустились к арыку. Что-то кричали, и, не дав афганцу с бачатами вернуться на тот берег, где лежала их одежда, заставили их выйти на свою сторону берега арыка. А к их одежде через минуту пошел один из душманов. Поднял винтовку, рассмотрел ее, и, подняв вверх, что-то крикнул.

- Что он сказал? – спросил у Мусы Князев.

- Мой бакшиш, сказала она, - ответил Муса. – А та ему сказала, чтобы быстро шел, а то скоро приедет царандой, нужно торопиться.

- Опа! – вскрикнул лейтенант. – Муса, тихонечко отползем назад и за мной бегом.

- Зачем? – невольно спросил Мансуров.

- Как «зачема»? – удивился лейтенант, и, обернувшись к солдату, широко улыбнулся, - так там на дороге душманов и накроем, пока они будут останавливать машину с царандоевцами. Муса, давай бегом за нашими ребятами и сюда их тащи вместе с этим, как его там этого старика, Абдуллой.

- Абдулахад, его зовут, товарища лейтенанта.

- Вот, вот, пусть всех своих берет, кроме того пулеметчика. И, Муса, смотри(!) незаметно сюда идите. Незаметно(!), чтобы еще какой-нибудь предатель вас не заметил, и не передал об этом «летучей мыши» Понятно?

- 3 –

Вера лейтенанта в то, что он сделал правильный расчет, с каждой наступающей минутой уменьшалась. Афганских дехкан послал по следу хромого душмана, и, передвигаясь со своей группой к дороге, постоянно прислушивался, нет ли стрельбы. Но пока все было нормально, тишина. Значит, вооруженные дехкане незаметно продвигались к душманам. Хотя, не стоит забывать, что моджахеды – это военные профессионалы, и могли уничтожить этот отряд самообороны без выстрела: выскочив из засады и...

Дорогу разведгруппа Князева пересекла не в том месте, где вышли они к кишлаку утром, а намного дальше, после ее поворота, чтобы душманы не заметили их перебежек. Автобус, наполненный людьми, ехавший со стороны Кабула, поднимал за собой большую пыль. Пропустив его вперед, и, прячась в завесе пыли, лейтенант, не заходя в виноградник, побежал со своей группой за этой машиной по обочине.

Какая дистанция, которую они должны были сейчас преодолеть, будет безопасной, трудно сказать. Поэтому, лейтенант решил ее сократить до крайнего дома кишлака с тем пулеметом, стоявшим на крыше. А дальше? А дальше они углубятся в виноградник и пойдут до расщелины с арыком, и по зарослям проберутся в самом узком месте канала на другой берег. А дальше...

Очертание крайнего дома возникли неожиданно, и лейтенант, поторапливая своих солдат, побежал с ними между виноградными кустарниками вглубь. Через минуту остановились.

- До арыка, за мной, - приказал он.

- Товарищ лейтенант, а вдруг там все заминировано? - остановил его ефрейтор Смернихин.

- Коля, кому это надо, а(?) весь виноградник минами закрывать. Будь проще, - а улыбка у лейтенанта на лице, была больше похожа на оскал. И все из-за слоя дорожной пыли, плотно покрывшей его лицо. – За мной. Стоп! – лейтенант нашел все глаза своих подчиненных. – Осматривайтесь, будьте внимательными, - и, махнув рукой, пошел.

Несколько выстрелов, прозвучавших у дороги, не остановили лейтенанта. Шел средним шагом, гадая, кто стрелял. Скорее всего, это душманы остановили автобус. Зачем? Или, чтобы ограбить людей, едущих в нем, либо могут выгнать людей из него, а сами направиться в дальний кишлак. Скоро они об этом узнают.

Прикрывая глаза от веток, Игорь, поглядывал то направо, то налево, на всякий случай. Но, на что обратил внимание, дорожного просвета не было видно, значит, глубоко зашли в виноградное поле, и нужно немножко переместиться вправо, поближе к дороге.

Но не успел, перед ним раскинулась та самая расщелина, шириною, не менее двадцати метров. Арык, бегущий по ней, петлял между каменными глыбами неширокой искрящейся в солнечных лучах змейкой, и местами его можно было перепрыгнуть, не замочив ног. Так и сделал.

Кустарники, растущие по бокам расщелины, дали возможность это сделать скрытно, и идя в шаг за лейтенантом, направились к дороге. Где-то метров через пятьдесят стали слышны крики людей. Князев прибавил шаг, и через минуту заметил просвет в винограднике. Скорее всего, это и была дорога.

Крики людей были далеко справа. Высунувшись из кустарника, Игорь нашел тот самый автобус, стоявший посередине дороги, до него от них около ста метров.

Люди, скорее всего пассажиры, сидели справа от автобуса, на дороге, Толпа душманов, их лейтенант узнал по черной одежде, окруживших машину, рылась в мешках, сумках. Кто-то бил ногами, прикладами сидевших на дороге людей.

- Блин, и дорогу здесь не перейти, увидеть могут. Что делать, что делать? – шептал лейтенант.

- К ним идти нужно. А с той стороны дехкане, - предположил Сменихин.

- Вот и я о том же, чтобы друг друга только не перестрелять. И навряд ли все душманы здесь находятся, не дураки же они. Хотя, кто его знает.

- Товарища лейтенанта, нужно туда идти, - посоветовал Муса.

- Ты прав, боец, ты прав. Там и разберемся, что будем делать. Приготовиться к бою, гранатометы зарядить, использовать только по моему приказу. А как, пока не знаю, - но последнюю фразу он вслух не сказал, а про себя.

Через несколько минут лейтенант снова аккуратненько высунулся наружу.

Душманы, вскинув винтовки и автоматы, целились в отползающих от них людей в виноградник.

Рука Игоря занемела на курке. Но стрелять не торопился, так как прекрасно понимал, что если он выстрелит, то душманы не только откроют по ним ответный огонь, но и перестреляют пассажиров автобуса.

- Тихо. Блин, что же делать, а?

Кто-то из душманов сделал несколько выстрелов вверх, кто-то за ним по убегающим в виноградник нескольким пассажирам.

- Тихо! – громко сказал лейтенант. – Не стрелять.

И его предчувствия оправдались, душманы начали садиться в автобус, который тут же двинулся к ним навстречу.

- Мужики! – громко крикнул лейтенант. – Внимание. Смернихин, Кислов, вперед на двадцать метров от нас. Стоп. Когда мы остановим автобус, сделаете выстрел из гранатомета под него, а не в него. Мы также. И чтобы душманы вас видели. Если что, то по ним второй выстрел из гранатомета, сожжем их. Вперед!

Автобус ехал медленно, давая отстающим душманам на ходу запрыгивать в его открытую дверь.

Когда до машины осталось около тридцати метров, никто уже за ним не бежал. Успокаивало это лейтенанта или нет, он уже об этом не думал, а быстро выбежав на дорогу и, наведя гранатомет на него, выстрелил. Взрыв произошел слева от автобуса, со стороны его дверей. Муса с Константиновым, стоявшие рядом с ним, навели свой гранатомет и пулемет в сторону приближающегося к ним автобуса. Он остановился.

Лобовое стекло было треснуто, и оно тут же рассыпалось, открыв множество лиц душманов, смотревших на людей, остановивших их.

Лейтенант, вставив новый заряд в гранатомет, направил его в салон.

- Муса, скажи им, чтобы все свое оружие выкидывали в окна. Если что, сожжем их вместе с автобусом.

Муса громко перевел слова своего командира. Душманы молчали. Видно такой ситуации они просто не ожидали. Через несколько секунд внутри автобуса прозвучал выстрел.

- Терпение, мужики, - сказал Игорь, прицелившись, и только сейчас заметил, как его одеревеневшая рука, начала подрагивать, а указательный палец, не подчиняясь ему, начал нажимать на курок. Еще доля секунды, и реактивный снаряд, оставляя после себя дым, вырвется из ствола гранатомета, и, попав в салон, взорвется...

И вовремя успел скинуть с курка указательный палец. Что стало причиной этому, над этим вопросом некогда было думать. Скорее всего, потому, что из правого бока автобуса вылетели несколько винтовок с автоматами, как и из левого. За ними прозвучало еще несколько выстрелов в автобусе. Но, никто из его солдат не упал, не скрючился от попадания в него душманской пули.

Количество винтовок, лежавших по обеим сторонам автобуса, росло. К ним прибавлялись и автоматы, и пистолеты, и ножи. Даже - сабли.

- Не выходить из автобуса, а сесть на пол и поднять руки, - приказал Князев.

- Сзади грузовик едет, - крикнул кто-то из его солдат.

- Царандоевцы, - сказал Константинов. – Только бы по нам они не ударили.

- Муса, скажи им, что в автобусе душманы. Ну, Муса, что язык в ж... засунул, быстро переводи им, царандоевцам! – закричал Князев, и толкнул Мансурова в спину.

Глава 20. Забудьте про кавычки

С погибшими прощался весь полк, выстроившийся на плацу. На той его стороне, чуть правее от центра, стояли на табуретках шесть открытых гробов, оббитых красной тканью. В каждом из них лежали парни, совсем недавно еще стоявшие в этом строю. Их темные лица, на фоне белой материи, в которой их тела укрыты, были видны издали, кроме одного, в котором труп был полностью закрыт простыней. У их ног - дощечки, с написанными именами и званиями погибших.

В одном из них лежало тело младшего сержанта Николая Востросина. В каком, Игорь еще не знал, издали не рассмотреть. Но это и неважно, а то, что он находится

среди них, это было точно. Нет, нет, Колька не выжил, смерть его не отпустила, а забрала тяжело раненного младшего сержанта с собою.

Князев видел его лицо. Нет, не там, в гробу, а живое, смотревшее на него, и, и как всегда внимательно слушавшего своего командира. Это был опытный боец, ни когда и ни кому это не показывающий, понимая, что на войне главное не в этом, а в умении не поддаться сиюминутным желаниям эмоциональных чувств, а всегда оставаться сжатым в кулак.

Губы у лейтенанта подрагивали, слезу, не успевшую скатиться к подбородку, вытер ладонью.

«Вот так-то, Коля, Николай, чуть сам сейчас со своими ребятами не оказался расстрелянным. Только навряд ли после этого нашим телам удалось бы лежать здесь и быть отправленными на родину. Присыпали бы нас царандоевцы камнями, в каком-нибудь горном отроге, или на обочине дороги и все, считая нас душманами, а для командования мы бы остались навечно пропавшими. Фу-у...», - потирая тяжелые виски, со слышно пульсирующими венами или артериями, лейтенант, закрыв рот, пытался носом побольше набирать в себя горячего воздуха, и подсознательно направлять его туда, в мозг, чтобы он рассосал, растворил в себе ту тяжесть, скопившуюся в височной части головы и давившей на нее своей тяжестью.

А Николай, видя это, ждал, когда его командир соберется с силами и продолжит ему свой рассказ.

«...Царандоевцы, подъехавшие сзади никак не могли поверить в то, что мы заперли душманов в автобусе. И если бы не его бывшие пассажиры, которых к нам вместе с ними привел отряд самообороны кишлака, то они бы нас посадили в автобус вместе с ними, или даже, отпустили бы их, а нас арестовали. Как они достали нас, если б ты знал, Николай...»

- Полк, равняйся, смирно! – подал команду начальник штаба полка, стоявший в центре плаца. – Товарищ полковник, - еле слышался его доклад командиру части, - полк по вашему распоряжению, построен...

- Товарищи офицеры, сержанты и солдаты, - еле доносились слова полковника до ушей лейтенанта. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы попрощаться и проводить в последний путь погибших наших товарищей. Они, как и вы, самоотверженно и смело исполняли свой солдатский долг...

Лицо младшего сержанта Николая Востросина Игорь больше не видел. Скорее всего, это было связано с тем, что он сейчас невольно хорошо рассмотрел лицо капитана Прохольца, стоявшего справа от него в первом ряду офицеров штаба полка. Еще и с ухмылкой, злой, другой у него по отношению к лейтенанту Князеву и не могло быть. Как ненавидел этот человек его, в принципе, одинаково, как и Игорь его. И от своего желания посадить его в тюрьму, как хулигана за попытки избить офицера-инвалида, он не откажется. А может за эти два-три дня и все уже сделал для этого.

Ну и пусть. На офицерском собрании, на котором обязательно он, Князев, будет заслушиваться перед трибуналом, он все всем объяснит, как этот человек его постоянно унижал и высмеивал перед своими солдатами, за попытки навесить на себя

кучу незаслуженных орденов и медалей. А он все, все расскажет. Пусть они все знают, какой это низкий человек.

И о том он расскажет, что сегодня он хорошо расслышал, когда его царандоевцы с группой привезли в часть и передали командованию в той же афганской одежде, в которой они выполняли боевое задание, только без оружия. И он очень громко при всех офицерах назвал Князева сначала предателем, а потом, когда командир полка провожал вместе с ним афганских офицеров, следующую фразу: «И все у него выскакивает, как с мылом».

Обратил ли внимание командир части на эти слова капитана, как он, лейтенант Князев, трудно сказать. А начальник разведки майор Куракин, тоже навряд ли. У Сергея Петровича нет времени на перебор бумажек с автобиографиями, как у начальника строевой службы. Перед ним стоят задачи намного круче...

- Командир разведвзвода лейтенант Князев, ко мне...

И только сейчас дошло до Игоря, что командир части назвал его имя. В этот момент около него стояла группа офицеров, и он, задумавшись, даже не заметил этого. И, выйдя из строя, побежал к подполковнику Федорову.

- Товарищ подполковник, лейтенант Князев...

Выслушав его доклад, старший офицер, вытянув руку для рукопожатия, тихо сказал:

- Крепитесь, лейтенант, и примите мои соболезнования. Скажите на прощание нам последнее слово о своем подчиненном. Каким он был? Что вы о нем думаете. Повернитесь лицом к полку.

И только сейчас Князев почувствовал слабость не только в своих ногах, а и во всем теле. Руки бессильно упали, губы задрожали, в глазах появились слезы.

Медленно разворачиваясь к строю, он искал глазами гроб, в котором лежало тело его младшего сержанта. И оно было первым к нему. Лицо у Николая было синекрасным, с закрытыми глазами.

- Товарищ лейтенант, мы ждем вас, - напомнил Князеву рядом стоявший с командиром части начальник штаба полка майор Захаров.

- Да, да, - пытаюсь собраться с мыслями, ответил Игорь. – Товарищи офицеры, сержанты и солдаты, - поднял глаза Князев.

- Погромче говорите, чтобы все вас слышали, - сказал ему незнакомый старший лейтенант, подавший в руки Князева микрофон.

- Товарищи офицеры, сержанты и солдаты. Сегодня, я вместе с вами прощаюсь со своим подчиненным и другом, младшим сержантом Востросиным. Это был, извините, - с трудом проглотив вязкую слюну, Князев продолжил, - не был, а в нашей памяти он всегда останется живым, а значит смелым человеком, который не был чисто исполнителем, а к выполнению своих задач относился обдуманно, понимая, что должен выполнить их. И не просто выполнить, а сохранив жизни своих подчиненных, и при этом, не думая о себе. Так произошло и в его последней операции, когда душманы хотели уничтожить не только воздушные цели, но и окружить наш отряд. И он до последнего вел по ним сокрушительный огонь...

Кто-то одернул лейтенанта. Это был начальник разведки:

- Успокойся, заканчивай, отойди назад, дай другим офицерам попрощаться со своими погибшими.

Князев, развернувшись, отошел в сторону, уступив свое место капитану Ивесину, отдав ему микрофон.

- Товарищи сослуживцы... - начал тот свою речь.

- Товарищ лейтенант, - кто-то, взяв под руку Князева, подождал, когда он обернется к нему. Это был лейтенант. Его лицо, вроде было знакомым Игорю, но он его не помнил. – Сегодня вы выполнили очень серьезную задачу, и командир полка разрешил мне написать о вашей доблести.

- А-а, это вы, журналист, - поморщившись от боли в висках, прошептал Князев. – Извините, но о том, чем я вчера занимался здесь, писать еще рано. А может и вообще нельзя.

- Да, да, но я все возьму в кавычках, товарищ лейтенант.

- Бросьте, я все равно вам ничего об этом не расскажу, так как данная операция секретная, и она еще только близится к завершению. Это раз! А во-вторых, как говорит один из начальников, разведчик в списках героев не значится. То, чем он занимается каждый день, влезая в пасть смерти, он должен это делать согласно своей должности. Так что, извините, корреспондент. А вот о погибшем младшем сержанте, я готов рассказать все. Только забудьте про свои цензурные кавычки...

Иван Цуприков